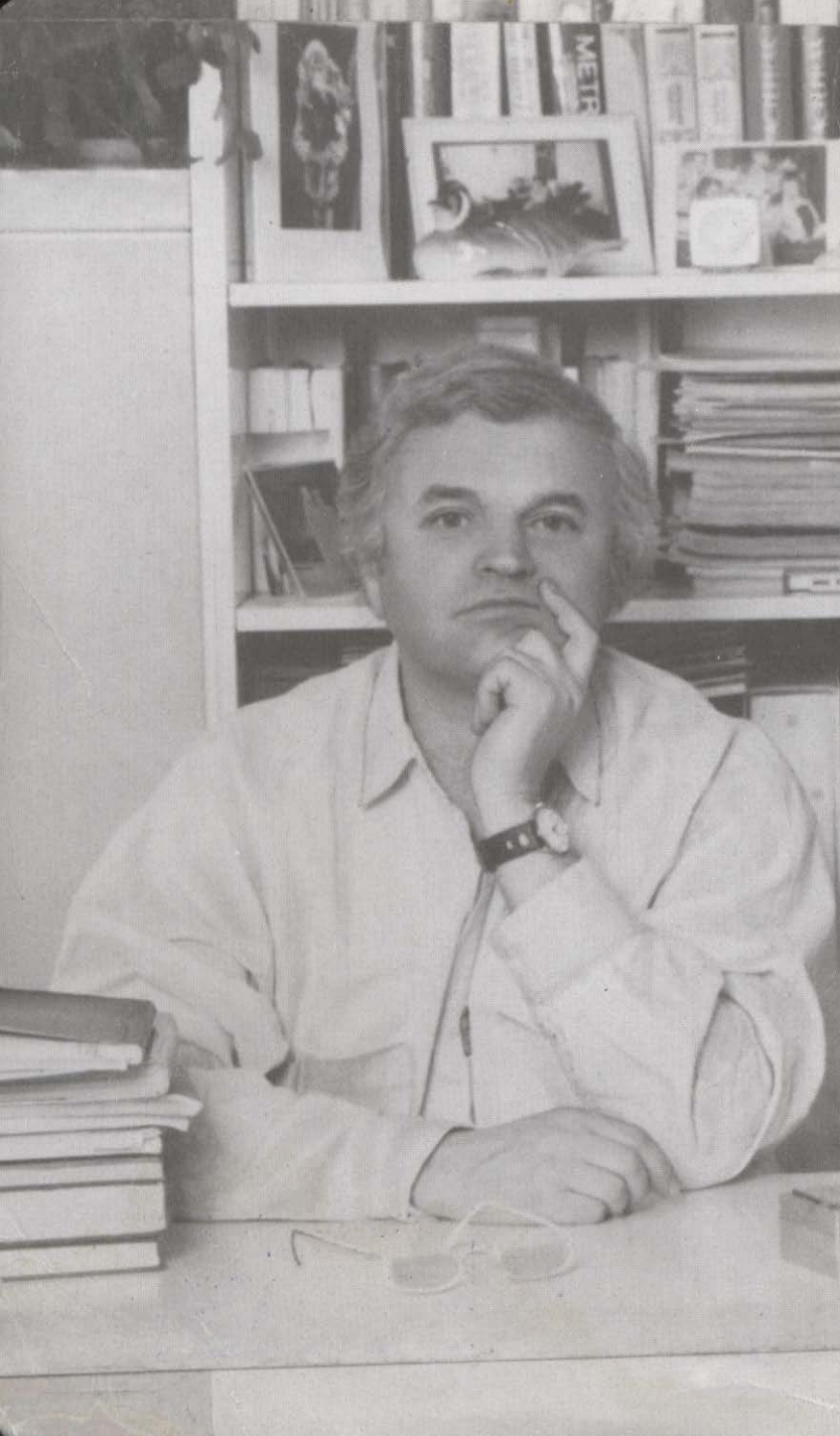

Виктор Славкин

ПЬЕСЫ

Взрослая дочь молодого человека

ВИКТОР
СЛАВКИН

ВЗРОСЛАЯ
ДОЧЬ
МОЛОДОГО
ЧЕЛОВЕКА

ПЬЕСЫ

Художник Алексей Бегак

Славкин В. И.

С 47 Взрослая дочь молодого человека: Пьесы.—
М.: Советский писатель, 1990.—288 с.

ISBN 5—265—01324—5

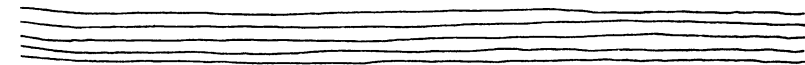
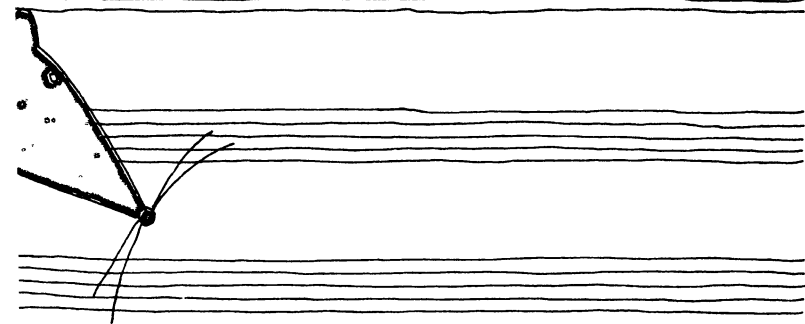
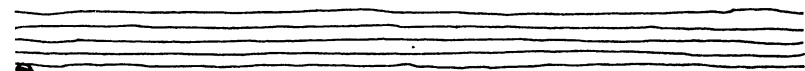
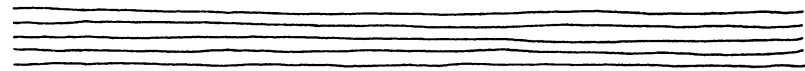
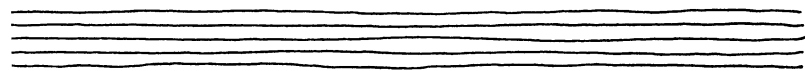
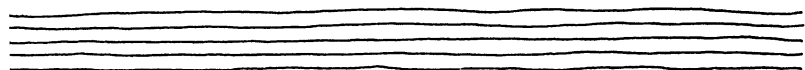
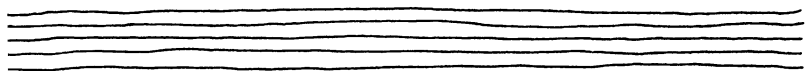
«Взрослая дочь молодого человека» — первый сборник пьес драматурга Виктора Славкина. Его одноактные пьесы, написанные в шестидесятые — семидесятые годы, несут на себе печать увлечения автора театром абсурда, гротеска, яркой метафоры. Здесь мы узнаем Виктора Славкина — автора многочисленных юмористических рассказов. В пьесах «Взрослая дочь молодого человека» и «Серсо», с блеском поставленных известным режиссером А. Васильевым, а также в пьесе «Попугай жако» бывшие молодые люди мучительно пытаются найти опору во времени, ищут контакт с современной жизнью.

С 4702010203—275
083(02)—90 **262—90**

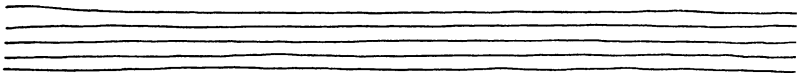
ББК 84 Р 7

ОРКЕСТР

ПЬЕСА В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

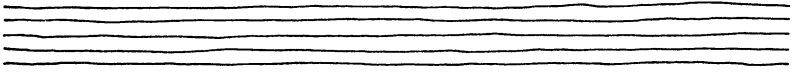
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

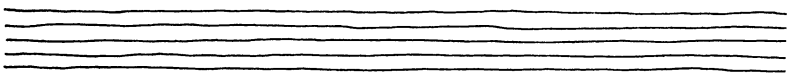
ДИРИЖЕР

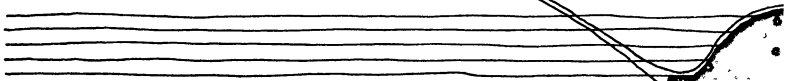
ОРКЕСТРАНТ С ФУТЛЯРОМ

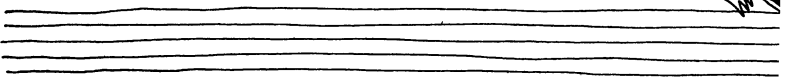
СКРИПКА

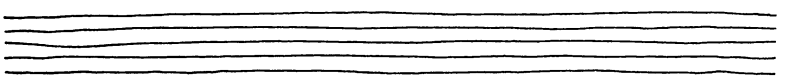
МАНДОЛИНА

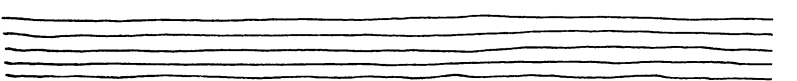
ГЕЛИКОН

УДАРНИК

ИМИТАТОР

До открытия занавеса из-за него раздаются звуки настраиваемых инструментов. Все, как перед началом выступления оркестра. Мажорными аккордами начинается увертюра. Занавес раскрывается. На фоне близко к авансцене повешенного белого задника сидят оркестранты. Спinoй к зрителям у пульта — Дирижер. У оркестрантов в руках настоящие музыкальные инструменты. На протяжении действия будет исполнено несколько музыкальных номеров. В случае, если актеры не смогут сами сыграть на музыкальных инструментах, следует прибегнуть к помощи фонограммы. Актеры же должны имитировать подлинность исполнения. На оркестрантах золотые пиджаки, черные брюки с блестящими лампасами. Оркестрантов четверо: Скрипка, Геликон, Мандолина, Ударник. Пятый стул пуст. Музыкальная пьеса, которую исполняет оркестр, несколько странная, соответствующая необычному инструментальному составу. Где-то в середине увертюры Дирижер стучит палочкой по пульта.

Дирижер. Стоп! Стоп!

Все оркестранты, кроме Мандолины, нестройно прекращают играть.

Скрипка. В чем дело?

Дирижер. Кого-то из вас нет. Кого-то я не слышу...

Геликон изо всех сил дует в свою трубу.

Вас слышу отлично.

Ударник громко свистит, заложив в рот два пальца.

Понимаю, понимаю. Вы здесь. Но кого-то нет. (*Внимательно вглядывается в лица.*) Кого-то нет...

Мандолина продолжает тренькать.

(*Мандолине.*) Прекратите тренькать! Я же сказал — стоп!

Мандолина. Товарищ Дирижер, у вас стоп, а у меня рабочее время идет. Мне до этого стопа дела нет. Я свою партию доиграю и домой пойду. Поняли?

Дирижер. Но все же молчат.

Мандолина. Все молчат, а я молчать не буду. Не имею права. У всех свои инструменты, а у меня свой. Простой, народный, задушевный... Его еще Демьян Бедный любил. Так что мне до остальных дела нет. Сказал: доиграю — домой пойду. (*Продолжает тренькать.*)

Дирижер. Я вас прошу не нарушать порядок. Наш оркестр — это сумма звуков... Звуки разной частоты сливаются в единую музыку... Понимаете? Как разные овощи в одном борще. Если не хватает одной частоты — музыка не та. Как борщ без помидоров, понимаете?

М а н д о л и н а. Лично я люблю суп-лапша с грибами.

Д и р и ж е р. Послушайте, если нет одного, мы не можем играть. Если мы не играем, все должны молчать. Мы же сумма звуков. Разные частоты, налагаясь друг на друга, как волны в море, создают...

М а н д о л и н а. Не мешайте работать.

Д и р и ж е р. Вот-вот. Вам бы в артели работать. Вы кустарь.

М а н д о л и н а. Сказал бы я тебе, кто вы, да грубо получится.

Д и р и ж е р. Так кого же нет?..

Появляется Оркестрант. Он, как и все, в золотом пиджаке и брюках с лампасами. В руках Оркестрант держит футляр небывалой формы — закругления, выступы, изломы, фантастические отростки... Обычные чемоданные замки и обычная чемоданная ручка сверху доказывают, что перед нами все-таки футляр музыкального инструмента.

(Замечает Оркестранта.) Ах, это вас только что не было?

О р к е с т р а н т. Я уже здесь... Вот он я.

Д и р и ж е р. В чем дело? Почему не вовремя?

О р к е с т р а н т. Понимаете... жена... то есть виноват, конечно, я... Мне неудобно рассказывать.

Г е л и к о н. Да говори! Перед тобой товарищи.

О р к е с т р а н т. Все же неловко...

М а н д о л и н а. Коллектив требует, значит, выкладывай.

О р к е с т р а н т. Дело в том, что у меня есть физический недостаток — я, когда сплю, не храплю. А жена уходит на работу раньше меня, а я сплю... и не храплю.

Д и р и ж е р. Ну и что?

О р к е с т р а н т. Ну и она уходит и запирает дверь, а я сплю... и не храплю.

Д и р и ж е р. Ну?!

О р к е с т р а н т. Я не храплю, а жена не знает, сплю я или уже ушел на работу, и запирает дверь снаружи. А я внутри остаюсь.

М а н д о л и н а. Станный человек! Как это не уметь храпеть? Не понимаю...

Г е л и к о н. Как же ты все-таки из дома выбираешься?

О р к е с т р а н т. По водосточной трубе приходится. Это быстро... Р-раз — и вниз. Удобнее, чем по лест-

нице. Только штаны рвутся. А сегодня трубу сняли для починки — ремонт фасада, — вот я и опоздал.

Дирижер. Так не годится — каждый день на работу через окно лазить.

Скрипка. Храпеть бы научились, что ли...

Оркестрант. Я пробовал. Не получается. Вернее, получается, но тихо. Вот так — хр-хр-хр... Жена не замечает.

Геликон. А ты не пробовал как-нибудь по-другому доказать жене, что лежишь рядом с ней в постели?

Все дико хохочут. Оркестрант густо краснеет. Когда смех смолкает, начинает гоготать Мандолина.

Дирижер. Что с вами?

Мандолина. У меня как раз пауза в партитуре выдалась. И раз, два, три... Все. *(Продолжает тренькать.)*

Остальные музыканты подхватывают мелодию музыкальной пьесы. Во время исполнения Оркестрант шарит по карманам, пытаясь, очевидно, отыскать ключ от футляра, в котором он носит свой инструмент.

Дирижер *(стучит дирижерской палочкой по пульту)*. Стоп! Стоп! Ну что случилось? Опять я вас не слышу. Почему вы до сих пор не играете с нами?

Оркестрант. Не могу... Футляр не могу открыть. Ключ где-то запропастился... *(Шарит по карманам.)*

Мандолина *(продолжая тренькать)*. Вот человек... Храпеть не может, футляр открыть не может...

Оркестрант. Точно помню — клал его в этот карман, а сейчас нет. Не могу найти.

Мандолина. Ну и ну! Храпеть не может, открыть не может, найти не может...

Скрипка. Мой ключ не подойдет? *(Протягивает Оркестранту маленький ключик.)*

Оркестрант. Мелковат.

Ударник. А мой? *(Достает из-за спины огромный ключ.)*

Оркестрант. Великоват.

Мандолина *(прекращая играть)*. Все!

Дирижер. Что все?

Мандолина. Кончил увертюру. Работать надо уметь. Цацкаетесь тут с этим хлюпиком. Открыть футляр не может! Смешно! Я свой инструмент всегда открыть могу, потому что не закрываю, не прячу в футляр.

А зачем мне прятать простой, народный, задушевный?.. Зачем прятать то, что любил Демьян Бедный?.. Так, что я всегда всем могу показать! (*Поднимает над головой мандолину.*)

Оркестрант. Понимаете, мне без футляра никак нельзя. Мой инструмент нежный. Вы же сами знаете, без футляра он может заржаветь, треснуть, расколоться, простудиться, проголодаться, прокиснуть, забродить, загулять, перемешаться...

Дирижер. Стоп! Стоп!

Геликон. Ты чего заговариваешься? Какой такой у тебя инструмент?

Оркестрант. Будто ты и сам не знаешь. Мы же всю жизнь вот на этих стульях просидели.

Геликон. Сидеть мы с тобой сидели, а вот на чем ты играл, убей бог, не помню.

Оркестрант. Может быть, ты и меня в первый раз видишь?

Геликон. В первый раз. Ты же все время сбоку сидел, а у меня как раз сбоку труба,— ничего за ней не видно.

Оркестрант. Ну что же, давай познакомимся? (*Протягивает Геликону руку.*)

Геликон. По фамилии-то я всегда тебя знал. Так что, считай, знакомы.

Оркестрант. Ну тогда... Рассмотрю меня получше, чтобы запомнить. А то на улице встретишь — не узнаешь. Заметил, что у меня голубые глаза?

Геликон (*рассматривая Оркестранта*). Действительно, голубые.

Оркестрант. Родинку на левой щеке видишь?

Геликон. Вижу.

Оркестрант. А нос немного набок, не заметил?

Геликон. Бывает, конечно...

Ударник. Ребята! Отпустите меня. Я на футбол опаздываю. Ну и рубка сегодня будет!..

Геликон (*Оркестранту*). Слушай. Открывай-ка свой футляр, да займемся делом. От того, что мы помним, какие у нас глаза, нам зарплату, знаешь, не прибавят.

Оркестрант (*подходит к Скрипке*). А вы, коллега? Вы такая тонкая, музыкальная натура. Вы же, конечно, не забыли мой инструмент? Мы с вами не раз дуэтом играли.

С к р и п к а. Дорогой мой, в общем, мне все равно, на чем вы играли, и он, и он, и он... Главное, что я играю на скрипке, а к остальным я прохладен. Я прохладный человек. Недавно у меня родился ребенок, так я до сих пор не посмотрел, мальчик или девочка. Назвали ребенка Вале́й, а какого он пола, мне безразлично. А вы хотите, чтобы я вас помнил. Когда я припадаю к моей скрипке, я ничего не знаю, никого не вижу, не замечаю. Я творю. Я ухожу в себя, растворяюсь в музыке, сливаюсь со своей скрипкой, умираю, меня нет. Мой инструмент — мое несчастье, а ваш — ваше. Простите, ничем помочь не могу.

Оркестрант бросается к Мандолине.

М а н д о л и н а. Нет-нет, милок, и не пытай. У меня своя компания, у тебя своя. Ты в мои дела не лезь, а мне на твои наплевать. Ничего про тебя не знаю, ничего про тебя не скажу. Я про тебя проговорюсь, ты про меня сболтнешь... Известная история.

С к р и п к а (*Дирижеру*). Долго мы будем ждать?

У д а р н и к. Ребята, отпустите! Я на хоккей опаздываю. Ну и рубка сегодня будет!..

Д и р и ж е р (*Оркестранту*). Попрошу поскорей, коллега. Только вас ждем. Мы должны играть и играть, а у нас еще конь не валялся.

О р к е с т р а н т. Скажите честно, до сегодняшнего дня вы знали, что у меня голубые глаза?

Д и р и ж е р. Я точно знаю только одно — что мне не хватает определенной частоты звука в оркестре. (*Вынимает логарифмическую линейку, считает.*) Вот... Частоты два пи деленное на корень квадратный примерно из тридцати семи. Это вы?

О р к е с т р а н т. Не знаю... Я забыл математику.

Д и р и ж е р. Думаю, что все-таки вы. Когда вы сидели в оркестре на своем месте, я вас не замечал — мне всего хватало. Как только вас не стало, я заметил. Такова уж психология руководителя.

О р к е с т р а н т. Выходит, что меня тут никто не знает. Когда я был среди вас, меня никто не видел. В то время как я честно выполнял свои обязанности, меня никто не замечал. Посмотрите на меня хоть сейчас! (*Выбегает на авансцену, становится спиной к зрителям, лицом к оркестру.*) Вы видите, что у меня один глаз немножко больше другого и нос чуть набок?

С к р и п к а. Поздно. Нам неинтересно разглядывать бесполезного человека. Лично я не люблю иметь дело с людьми без определенных занятий. Или играйте с нами, или...

О р к е с т р а н т. И тогда вы опять сольетесь со своей скрипкой. Он загорodится своей трубой. А я опять сяду на свой стул и превращусь в два пи деленное на корень квадратный примерно из тридцати семи... Какой-то заколдованный круг.

С к р и п к а. Я больше не могу. У меня затекают пальцы. Я чувствую, как теряю квалификацию! Я должен играть. Если мы сейчас же не начнем, я буду солировать.

М а н д о л и н а. Наконец-то. Дошел. Я уже давно солирую. Вы разговоры разговариваете, а я работу работаю.

Скрипка начинает играть.

Г е л и к о н. Я с вами. (*Присоединяется к ансамблю.*)

Д и р и ж е р. Может быть, подождем немного, может быть, коллега найдет ключ. (*Оркестранту.*) Ищите!.. (*Оркестру.*) Стойте!.. Ищите!.. Стойте!..

Идет музыкальная пьеса.

Оркестрант, ища ключ под ногами, уходит за кулисы. Дирижер пытается остановить оркестр, но постепенно начинает дирижировать. Пьеса кончается.

М а н д о л и н а. Ну вот. А вы боялись! Что с ним, что без него — одна музыка.

У д а р н и к. Даже хорошо. Мне больше достается. Да и дело у нас продвинулось. Я, может быть, еще на баскетбол успею. Ну и рубка сегодня будет!..

С к р и п к а. Вообще мы должны бороться за сокращение штатов. Я знаю один квартет, который состоит из трех человек, а план им спускают, как целому симфоническому оркестру...

Г е л и к о н. Главное, чтобы качество не страдало. Я даже не заметил, что одного из нас нет.

Д и р и ж е р. А я заметил...

М а н д о л и н а. Знаете что, не стройте из себя само-го умного. Прекрасный ансамбль. Прекрасно звучит. Особенно нам удалось вот это место — тири-тири-та-та-та...

Д и р и ж е р. Вот именно, именно в этом месте мне не хватало звука частотой в два пи деленное на корень квадратный примерно из тридцати семи. И от этого все получилось как-то не так, где-то не то, в чем-то по-другому...

М а н д о л и н а. Слушайте, я давно собирался сказать. Надоели мне эти разговоры — чего-то, кого-то, кому-то... Надоело! Мы живем в конкретном мире. Я должен точно знать чего, кого, кому и сколько. Я знаю только то, что могу потрогать. Стул, бумага, пиджак.

Д и р и ж е р. А звук? Как вы потрогаете звук частотой в два пи деленное на корень квадратный примерно из тридцати семи?

М а н д о л и н а. Зато я могу тронуть того, кто издает звук. *(Хватает Скрипку за грудки.)*

С к р и п к а. Он прав. И я его могу тронуть. *(Стряхивает пылинку с плеча Мандолины.)*

Входит Оркестрант.

О р к е с т р а н т. Не нашел... Потерял... Навсегда потерял. Все.

С к р и п к а. Бросьте, коллега, не расстраивайтесь. Мы тут без вас вполне управляемся. Ступайте домой. Отдыхайте.

Г е л и к о н. Цветочки поливай, семечки лузгай... Гуляй!

О р к е с т р а н т. Я уже не попаду домой.

Г е л и к о н. Почему?

О р к е с т р а н т. Жена заперла дверь изнутри.

М а н д о л и н а. Ты же говорил, что снаружи запирает.

О р к е с т р а н т. Это когда уходит на работу, а когда приходит, изнутри запирает. Она думает, что я тоже пришел и сплю. Ведь я не храплю, когда сплю.

М а н д о л и н а. Ах да!

С к р и п к а. А дома и неинтересно отдыхать. Идите на скверик. Шашки, шахматы, кегельбан...

О р к е с т р а н т. Нет-нет. Это не для меня. Я с ужасом думаю о том моменте, когда пойду на пенсию. На следующий день мне нечего будет делать.

М а н д о л и н а. Чудак! Я только и жду этого. Так и представляю себе это дивное утро. Просыпаюсь и до обеда хожу по квартире в носках, после обеда электропроводку меняю (каждый день проводку менять буду),

а вечером телевизор или товарищеский суд. Во житуха! Пенсия у меня, конечно, повыше твоей будет. Персональная. Я уже справку достал о том, что, когда я играл, Демьян Бедный плакал. А у тебя кто плакал?

Оркестрант. Мама. Моя старенькая мама плакала, когда я припадал губами к своему инструменту.

Геликон. Э... нет. В нашем оркестре я один духовик. Я припадаю. *(Начинает играть.)*

Оркестрант. Да-да... Когда я брал свой инструмент в одну руку, а в другую — смычок...

Скрипка. Ну уж это вы бросьте! Смычок всегда был только у меня. Вы как-то по-другому играли... *(Присоединяется к играющему Геликону.)*

Оркестрант пантомимически хочет изобразить игру на мандолине.

Мандолина. Ну-ну, скажи только: «Когда я ударял по струнам трепетной рукой», — и я тебе эти трепетные переломаю.

Музыкальная пьеса.

Оркестрант стоит, обхватив футляр руками.

Дирижер. Нет, нет, нет и нет!.. Я не могу! Так дальше не может продолжаться. Мне нужен этот звук!

Скрипка. Какой?

Дирижер. Два пи деленное на корень квадратный примерно из тридцати семи. Мне не хватает одной краски в ансамбле.

Мандолина. В конце концов, мужики мы с вами или не мужики? Сломать футляр, да и дело с концом! *(Подбегает к Оркестранту.)* А ну давай сюда твой ящик!

Оркестрант. Пожалуйста. *(Мандолина пытается открыть футляр.)* Только у вас ничего не получится. Это металлический футляр с секретным замком. Ведь я всегда так боялся за свой инструмент. Внутри футляра вся моя жизнь, мое имя, моя душа, мое все. Такого инструмента больше нет ни у кого. Это уникальный инструмент!

Мандолина. Фу! Будь проклята эта чертова коробка! *(Садится на футляр.)* Действительно, не открыть. Ну что теперь делать будешь, уникум? Пропадать? Нет, я счастлив, что мой инструмент можно купить в любом магазине. К примеру, потерял я его или об стену разбил. Пожалуйста! 10 рублей пара. Обо мне

государство заботится. На меня промышленность работает.

У д а р н и к. Ребята, скоро конец? Я же на фигурное катание опаздываю. Ну и рубка сегодня будет!..

М а н д о л и н а. Стой! Я не кончил. (*Встает на футляр в позу оратора.*) В наше время мы должны стремиться иметь только то, что можно заменить. Давайте учиться у природы. Почему у всех людей ноги одинаково устроены — снизу ступни, потом голень, потом коленка и бедро. Почему? Я сам отвечу. Чтобы заводы могли наладить выпуск стандартных протезов. Отрезало человеку ногу. Не беда! На складах полно протезов. Все для человека! Ты со своим уникальным инструментом обречен на беспротезное существование. А в наш двадцатый век — век заменителей — кожмит не хуже кожи, пластмасса конкурирует с металлом, вместо водки одеколону махнешь и не заметишь, а заместитель бывает еще лучше начальника. Это история нам неоднократно доказывала.

С к р и п к а. Еще недавно вы выступали против пустых разговоров.

М а н д о л и н а. Но я заменил одну точку зрения другой! И вы сейчас увидите, к чему это приведет. Итак, я кончаю! В наш XX век, когда все поддается замене, мы сможем заменить даже уникальные вещи. Мы сможем заменить этого человека вместе с его инструментом.

В с е. Каким образом?! Говорите! Как?..

М а н д о л и н а. А вот как. И овцы и волки будут довольны.

Д и р и ж е р. Ну же. Не тяните!

М а н д о л и н а. Нас может выручить мой учитель. У него я игре на народном, задушевном учился. Большой мастер. Все эти сольфеджио, арпеджио — все это наплевать и забыть. Он учит имитацией. Он имитатор, ну, звукоподражатель.

С к р и п к а. Что-то я слышал об этом...

М а н д о л и н а. Вот-вот. Он в музыкальной школе учителем работает. У него свой способ. Сажает ученика напротив и на губах или на носу инструменту подражает.

Г е л и к о н. Какому инструменту?

М а н д о л и н а. А какому учит, такому подражает... Он, значит, подражает, а ученик за ним все звуки на

инструменте повторяет. Вот мне, например, он делал так. (*Издает носом звук мандолины.*) Он имитирует, а я сижу и ему подражаю. (*Исполняет ту же мелодию на мандолине.*)

Дирижер. Ближе к делу.

Мандолина. А я и так рядом. Мой учитель его симитирует. Какого звука вам в оркестре не хватает, тот и симитирует.

Геликон. Вот это техника!

Дирижер. Бегите за своим специалистом.

Ударник. Может, пока меня тоже отпустите. Ведь я же на водное поло опаздываю. Ну и рубка сегодня будет!..

Дирижер. Я сказал, нет.

Мандолина. Я мигом. Момент. Туда, сюда и обратно. А вы пока не стойте на месте. Работайте! Я же до сих пор за вас тренькал, теперь вы за меня. Ну, поехали! (*Убегает.*)

Оркестранты вскидывают свои инструменты. Исполняется музыкальная пьеса. Пьеса кончается.
Появляются Мандолина и Имитатор. У Имитатора в руках небольшой докторский чемоданчик.

Имитатор. Вызывали?

Дирижер. Вызывали.

Имитатор раскрывает свой чемоданчик, раскладывает инструменты.
Пока он это делает, к нему подходит Скрипка.

Скрипка. Правду говорят, что вы большой мастер своего дела?

Имитатор. Кто вам сказал?

Скрипка. Мне вчера по телефону звонила сноха. От нее услышал.

Имитатор. Вашу сноху как зовут?

Скрипка. Ее?.. Маня.

Имитатор. А я Саня.

Скрипка. Ну и что?

Имитатор. А то, что вчера по телефону с вами говорил я.

Скрипка. Вы?! Нет, в трубке звучал женский голос... Маня...

Имитатор. А я Саня. Теперь понятно?

Скрипка. Не совсем.

Имитатор. Саня. По профессии имитатор. Под-

ражаю пенью птиц, журчанью ручья, звукам музыкальных инструментов и голосам женщин. Вот я по вечерам скуки ради и названиваю всем. Ну, хобби такое, увлечение! Иногда через это дело в уморительные истории вляпываешься. Раз чуть за родного брата замуж не вышел. Ага!

С к р и п к а. Маня вас так расхваливала... Выходит, это вы сами себя расхваливали.

И м и т а т о р. Реклама, брат! Без нее никуда.

С к р и п к а. Грубоватая реклама.

И м и т а т о р. Неправда, дядя! Я же себя не своим голосом расхваливал. У вас музыкальный слух, а вы меня за Маню приняли. Да у меня самая тонкая в мире реклама! (*Дирижеру.*) Ну, в чем дело? Я готов. Кому подражать?

Д и р и ж е р. Звуку.

И м и т а т о р. Какому?

Д и р и ж е р. Частота два пи деленное на корень квадратный примерно из тридцати семи.

И м и т а т о р. У меня неполное среднее. (*Мандолине.*) Объясни популярно.

М а н д о л и н а. Да нет же! Ему, ему подражать надо. Вот он.

Мандолина подводит к Имитатору Оркестранта.

И м и т а т о р. Ага. Ясно. Садитесь сюда.

М а н д о л и н а (*Геликону*). Видишь, я говорил — усадит напротив и...

Имитатор надевает на голову зеркальце, как у врача.

И м и т а т о р (*Оркестранту*). Скажите а-а-а...

О р к е с т р а н т. А-а-а...

Имитатор заглядывает ему в рот.

И м и т а т о р. Отлично. А теперь скажите — кукуруза.

Д и р и ж е р. Зачем?

И м и т а т о р. Я же должен знать, чему я подражать буду.

М а н д о л и н а. Учитель, вы не поняли. Мы хотим, чтобы вы симитировали не голос, а музыкальный звук.

И м и т а т о р. Это совсем другая работа. (*Прячет зеркальце в чемоданчик. Достает камертон.*) Ну-ка, товарищ, возьмите ноту «ля»!

Оркестрант. Не могу.

Имитатор. Вы не можете, я смогу. Дудите «ля».

Оркестрант. Понимаете, нет у меня инструмента в руках.

Имитатор. Ну тогда «си» возьмите.

Оркестрант. И «си» не могу.

Имитатор. А вы на губах возьмите. Сымитируйте сами себя. А уж потом я вас.

Оркестрант. Нет, у меня не получится. Я вам лучше расскажу, какой был звук. Знаете, мягкий, мягкий, такой... Как будто по тонкой-тонкой серебряной струне вели собольим мехом, и ворсинки, не все, конечно, тихонько задевали струну в разных местах. От этого звук был такой сначала слабый-слабый, как будто в соседней комнате чайной ложечкой о стакан звякали, а потом...

Имитатор. Э, нет, дорогой товарищ, так мы с вами не разберемся. Что, струны действительно серебряные?

Оркестрант. Нет же, никаких струн не было.

Имитатор. А мех-то, мех соболий?

Оркестрант. Меха тоже не было.

Имитатор. А кто чай пил?

Оркестрант. Никто чай не пил.

Имитатор. Что же вы мне голову морочите. Я же профессионал. Чему я буду подражать — струне, меху или чаю? (*Собирает инструменты в чемоданчик.*)

Мандолина. Учитель, а может, попробуете по внешнему виду сымитировать? (*Показывает ему футляр.*)

Имитатор. Ну-ка, ну-ка... (*Отходит на несколько шагов. Пристально смотрит на футляр, который Мандолина держит над головой. Мандолине.*) Стой, не шевелись. (*Издает утробный звук.*) Так?

Оркестрант. Нет.

Имитатор (*Мандолине*). А ну повернись. (*Мандолина поворачивается к нему спиной. Имитатор издает звук.*) Так?

Оркестрант. Нет.

Имитатор. Ну, знаете ли, ищите дурака по внешнему виду подражать. У меня работы хватает. Привет. (*Уходит.*)

У кулисы его догоняет Скрипка.

С к р и п к а. Пойдите.
И м и т а т о р. Что еще?
С к р и п к а. Вы не смогли бы...
И м и т а т о р. Я же сказал — у меня работы хватает.
С к р и п к а. Я хорошо заплачу.
И м и т а т о р. Ну что там у вас?
С к р и п к а. Я не знаю, согласитесь ли вы, просьба очень странная...
И м и т а т о р. Давайте, давайте, я тороплюсь.
С к р и п к а. Понимаете, я уже много лет не люблю свою жену.
И м и т а т о р. Ну и что?
С к р и п к а. Раньше любил... Она так опустилась. Из-под халата комбинация торчит, курить начала, кажется, пьет. Даже на ребенка не обращает внимания. А во всем виноват я. Я давно не говорил ей ничего такого... ну, понимаете... о нежности, о любви. Не могу. Я вообще стал прохладным человеком. Я же вижу, что ей это нужно. Хочет она что-нибудь теплое, ласковое услышать. Может быть, вы бы взяли за эту работу? Сымитировать мои чувства. Я заплачу.
И м и т а т о р. Как зовут жену?
С к р и п к а. Людмила.
И м и т а т о р. По рукам!
С к р и п к а. Вот спасибо.
И м и т а т о р. Каждый вечер я буду звонить по телефону вашей супруге и говорить нежные, теплые, сокровенные слова.
С к р и п к а. Попрошу в 6 часов вечера. Чтоб перед моим приходом.
И м и т а т о р. Ладно.
С к р и п к а. И еще прошу, моим голосом все-таки.
И м и т а т о р. За кого вы меня принимаете? Я же профессионал.
С к р и п к а. Кукуруза! Кукуруза! Кукуруза!
И м и т а т о р (*заглядывает ему в рот*). Понял. До свидания. (*Уходит*).
С к р и п к а (*кричит за кулисы*). Не забудьте — кукуруза!
О р к е с т р а н т (*Дирижеру*). Вы видели, я хотел вам помочь. Конечно, он меня не понял. Я ему слишком натурально объяснил. Мех, серебряные струны, ложечка. Я забыл, что он имитатор.

Дирижер. Вы много чего забыли, коллега. Вы забыли вовремя прийти на работу, вы где-то забыли ключ от футляра, вы забыли долг перед своей женой...

Оркестрант. Это уж вы зря...

Мандолина. А как ты думаешь, храпеть по ночам — это не долг настоящего мужчины?

Дирижер. Но самое главное — вы забыли свой инструмент, вы не можете объяснить нам сейчас, на чем играли всю жизнь.

Скрипка. Позор! Трудно себе представить, чтобы я, например, забыл свой... этот... ну... (*Мечется без инструмента.*)

Оркестрант. Ну!

Скрипка перебирает движения, связанные с игрой на различных инструментах. Мандолина бежит за скрипкой и передает инструмент в руки музыканту. Скрипка, как слепой, ошупывает инструмент, прикасается к нему подбородком, самозабвенно играет.

Мандолина. Я говорил, что все зависит от осязания. Пощупал руками — человеком стал. Сразу место свое нашел. Вон как заливаается. Что тебе Рихтер!..

Геликон. А я, чтобы впросак не попасть, чтобы всегда свое положение чувствовать, инструмент мой никогда с плеч не снимаю. Сплю с ним, ем, в гости хожу или в театр. Вообще я с детства трубу ношу. Сначала она, конечно, маленькая была и я маленький. А потом я немного подрасту, и знакомый медник мне трубу натачает. Еще подрасту — еще натачает. Так мы с ней и выросли. И до того я с трубой своей сжился, что теперь мы одно целое. К примеру, я заболел ангиной, а в трубе нарыв появляется. Мы с ней к простуде восприимчивые. Фу ты!.. Совсем забыл! Лекарство пора принять. (*Кидает в раструб несколько таблеток. Присоединяется к играющей скрипке.*)

Мандолина (*Оркестранту*). Вот поучился бы у человека цельности, органичности. (*Играет вместе с ними.*)

Исполняется сначала тихая пастораль. Но в какой-то момент Мандолина, Геликон, Ударник, а за ними Скрипка и Дирижер подкрадываются сзади к Оркестранту. Начинается игра — не то кошки-мышки, не то пятый угол. При этом оркестранты поют.

Ах ты, милка, моя подружка,
На чем играешь, не понимаю!

— Я играю, все понимаю,
На барабане я играю.
Тр-р-р-р, барабан мой!

— Ах ты, милка, моя подружка,
На чем играешь, не понимаю.

— Я играю, все понимаю,
Я на скрипочке играю.
Пики-пики, моя скрипка,
Тр-р-р, барабан мой.

— Ах ты, милка, моя подружка,
На чем играешь, не понимаю.

— Я играю, все понимаю.
На геликоне я играю.
Ду-ду-ду-ду, геликон мой,
Пики-пики, моя скрипка,
Тр-р-р-р-р, барабан мой.

— Ах ты, милка, моя подружка,
На чем играешь, не понимаю.

— Я играю, все понимаю,
На мандолине я играю.
Трынды-брынды, мандолина,
Ду-ду-ду-ду, геликон мой,
Пики-пики, моя скрипка,
Тр-р-р, барабан мой!
Ду-ду-ду-ду,
Пики-пики,
Трынды-брынды,
Тр-р-р-р-р — барабан мой!

Как только песня кончается, Геликон, Ударник, Скрипка, Мандолина и Дирижер занимают свои места и как ни в чем не бывало доигрывают пастораль до конца. К финалу пьесы в музыкальную ткань вторгается какой-то неприятный звук — не то скрежет, не то хруст. Оркестранты по одному прекращают играть. Прислушиваются, ходят по сцене, пытаются определить, откуда идет этот звук. Наконец все сталкиваются у футляра Оркестранта.

О р к е с т р а н т. Не может быть... Боже мой...

С к р и п к а. Что такое?

Г е л и к о н. Оказывается, это у тебя.

М а н д о л и н а. Снова здорово!

У д а р н и к. Опять не слава богу. Я же на подводное плавание опаздываю. Ну и рубка сегодня будет!

Оркестрант. Боже мой... Это они...
Дирижер. Кто?
Скрипка. Отвечайте же!
Мандолина. Ну?!
Оркестрант. Мыши. Это мыши.
Геликон. Как мыши? Откуда в футляре мыши?
Оркестрант. Я же знал... Я знал... Мыши...
мыши... Я знаю почему... *(В отчаянии бегаёт по сцене.)*

Мандолина останавливает его.

Дирижер *(подходя)*. Так почему?

Оркестрант. Я вчера там кусочек сыра оставил. В обеденный перерыв не доел, решил сохранить, в футляр спрятал. Вот мыши и завелись. Я же знал! Я знал!

Мандолина. Вот к чему приводит недоедание. Я никогда ничего не кладу в футляр. Во-первых, потому что всегда все доедаю, а во-вторых, потому что футляра у меня нет. Я человек без футляра.

Геликон. Это потому что не спит с инструментом. Если б спал, мыши бы никогда не завелись. В постели они не заводятся.

Ударник. А чтоб у меня в барабане мышей не было, я их пугаю. *(Бьет в барабан.)*

Оркестрант. Мыши... Какой ужас! Какой ужас!

Геликон. Ишь скряга! Сыра жалко. Да мышки много не съедят.

Оркестрант. Съедят. Сыр съедят, за инструмент примутся.

Мандолина. Нужен им твой инструмент!

Оркестрант. Нужен. Он сейчас у них в зубах. Я думаю, если бы вы были в футляре, вы бы тоже съели его. Правда?

Мандолина. Конечно. С хлебушком бы схрупал.

Оркестрант. Вы страшный человек, но они страшнее. Вы едите снаружи, а они изнутри, понимаете. Вас еще можно остановить. С ними я ничего не могу сделать. Мыши — их не видно. Они внутри. Тихо! Тихо!..

Тон скрежетания становится выше.

Слышите! Слышите! Теперь мыши грызут инструмент!

Геликон. Ну и морока!

Оркестрант. А дальше они догрызут до последней щепочки, и у меня не останется ничего. Я ни-

когда не смогу узнать, чему посвятил всю свою жизнь, и никогда не смогу делать то, что умел. Ведь второго такого инструмента нет на всей земле. Завтра мне придется начинать жизнь с нуля, со старта. Хлопнет выстрел за спиной, и мне придется бежать, бежать, бежать. В ногах уже нет упругости, да и одышка мешает... И когда мои ровесники будут рвать финишные ленточки, я буду только-только набирать скорость. И какое блестящее время я бы ни показал, все равно я приду последним. Если не упаду на полпути.

Д и р и ж е р. Я думаю, что не стоит так убиваться, коллега. Мы вас пристроим к делу. Все-таки вы член нашего коллектива. Столько лет безупречной службы... Местечко для вас найдется. Ноты будете переписывать, питеры расставлять...

Г е л и к о н. Мою медь асидольчиком чистить.

С к р и п к а. Струны канифолью тереть.

М а н д о л и н а. Может быть, сбежать куда придется.

У д а р н и к. Слушай, узнай, кто выиграл. Ну и рубка была сегодня!..

О р к е с т р а н т. Нет, это не мои занятия... Впрочем, может быть, именно мои. Ведь я никогда не был уверен, что делаю то, что должен делать. И вообще меня никогда не покидало ощущение, что я постоянно нахожусь не в том месте, где мне надо находиться. Бывало, сидишь в компании, люди кругом интересные и вино на столе. Сидишь и думаешь — а зря я здесь время провожу, что-то важное я сейчас упускаю, что-то происходит без меня. И кажется, что у меня дома сейчас зазвонит телефон и от этого звонка круто изменится вся моя жизнь. Я бросаю друзей, бегу домой и целый вечер сижу у телефона. А телефон, конечно, не звонит.

С к р и п к а. Так я не понял, согласны вы или нет на наши предложения?

Д и р и ж е р. Остаетесь?

Г е л и к о н. Вот асидол!..

С к р и п к а. Вот канифоль!..

У д а р н и к. Давай, старик, скорей! Я еще на спортивное ориентирование успею. Ну и рубка сегодня будет!..

О р к е с т р а н т. Сейчас... сейчас... *(Прижимает руки к груди. Внезапно лицо его меняется.)* Ключ. Ключ!.. Ключ-у-уч! За подкладку завалился. Мой

ключ... (Достает из-за подкладки пиджака ключ от футляра.) Вот он! Ага-а-а-а! Испугались? Прочь асидол!.. Прочь канифоль!.. Прочь все! Я снова на дистанции! Я бегу впереди всех. Мне ничего не придется начинать сначала! Мне не нужна ваша помощь! У меня снова есть свой инструмент, и такого нет ни у кого! Вы еще будете мне завидовать. Завидовать! Все, все будут завидовать мне!.. (Бросается к футляру, щелкает замком, распахивает футляр.)

Из пустого бархатного нутра на сцену бегут белые мыши.

З а н а в е с

ПЛОХАЯ КВАРТИРА

КОМЕДИЯ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

МУЖ

ЖЕНА

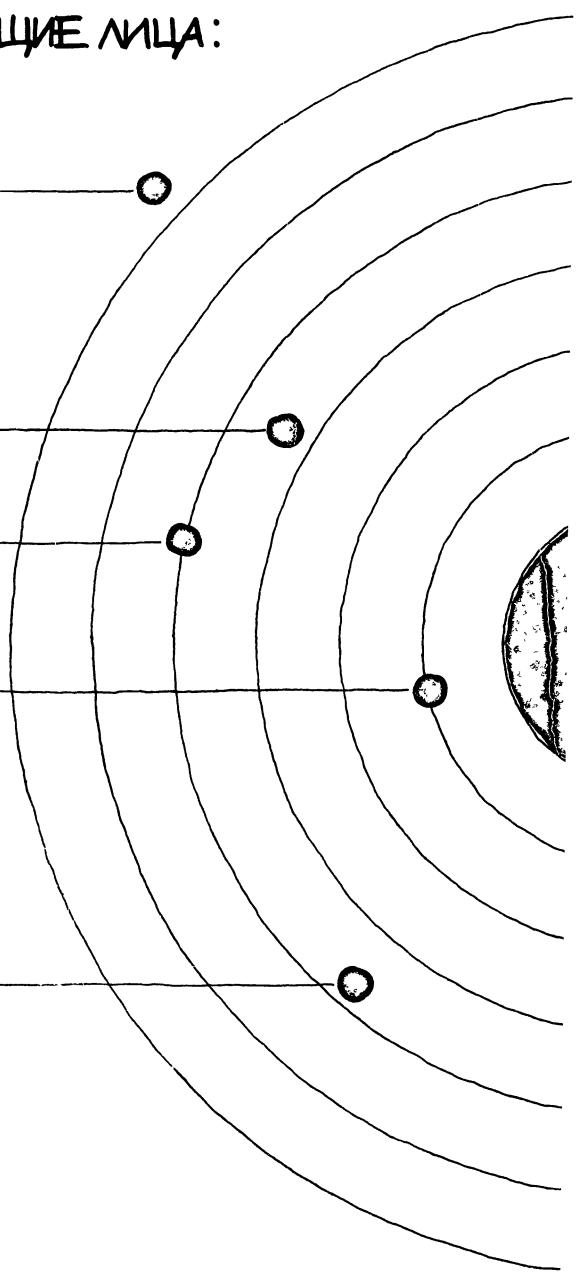
МАМАША

ПЛЕМЯННИК

СТРЕЛОК

На сцене скромная обстановка обычной квартиры — шкаф, стол, стулья, полка с посудой. Вся мебель довольно старая, потемневшая. Когда мы познакомимся с Мамашей, мы поймем, что это ее мебель. Задняя стена, на фоне которой происходит все действие пьесы, представляет из себя размалеванную стенку тира. Аляповатые утки, ветряные мельницы, клоуны, зайчики и прочие мишени обыкновенного тира. Впрочем, в начале действия все это можно принять просто за безвкусные обои.

Прямо на этой стене повешены портрет бравого старомодного вояки — кайзеровские усы, грудь колесом — и полка с посудой. Остальная мебель поставлена ближе к авансцене.

После открытия занавеса на сцене мы видим Жену, которая накрывает на стол. Она берет посуду с полки и ставит на скатерть. Входит Мамаша.

Мамаша. Который час?

Жена. Семь минут восьмого.

Мамаша. Значит, уже скоро...

Жена. Да, еще *(смотрит на часы)*... еще четыре минуты. Вам ничего не нужно в шкафу?

Мамаша. Нет. Я уже достала оттуда это платье. Как я в нем выгляжу?

Жена. Прекрасно. Сейчас опять модны длинные платья. Вы выглядите вполне современно.

Мамаша. Ты думаешь? Ах, как хорошо, что я сшила его тогда! Ведь моя младшая сестра меня отговаривала, чтоб ее приподняло и шлепнуло! Уже все начинали носить короткие платья. Как я все-таки была права, что сшила себе длинное! Ты знаешь, именно в этом платье меня полюбил мой муж. Ему страшно нравилось, как оно шуршит. Он был тоже немножко старомоден. И погиб, как погибали в старину, — при всех медалях и с пулей в груди. *(Направляется к портрету усатого господина, становится перед ним, крестится.)*

Жена *(внезапно кричит)*. Мама! Уйдите оттуда!

Мамаша. А что, уже одиннадцать минут восьмого? Ох, всегда я не вовремя... Бедный мой муженек, потерпи до завтра. *(Жене.)* Я так любила его!.. Знаешь, я чувствую, что после смерти его душа переселилась в меня. Душа нежной женщины и сурового солдата. Что может быть прекрасней этого союза! Так что ты не обижайся, если я иногда позволяю себе грубости, тысячу болячек тебе в живот... Ты слышала? Я же говорила, что он жив во мне. Напомни мне завтра встать перед портретом пораньше, чтобы постоять подольше. *(Отходит от портрета.)*

Тотчас раздается удар, и жестяная мельница около портрета усатого господина начинает крутиться. Раздается звонок.

А вот и сыночек, сопляк и стервец!

Входит Муж. Он в пальто, в шляпе, в перчатках, с портфелем. Не раздеваясь, подходит к полке с посудой, поспешно берет хрустальную вазу и ставит ее посередине накрытого стола. Тотчас раздается удар. Жестяной зайчик, который находился за вазой, опрокидывается сверху ногами.

Муж. Здравствуйте! *(Целует Мамашу в лоб.)*

Жена подходит к Мужу с противоположного края сцены, где ее застиг приход Мужа. Не доходя до него трех шагов, она быстро приседает *(прямо против того места, где она только что была, падает мишень)*, так же быстро выпрямляется, подходит к Мужу, целует его в щеку.

Жена. Ты сегодня плохо выглядишь.

Муж. Устал. Трудился без обеда.

Жена. А что же ты не пришел на час раньше?

Муж. Не мог. Было много работы.

Мамаша. Боже мой! Опять! Опять много работы. Зачем ты так надрываешься? Кому это надо? Тебе? Мне? Шефу? Чтоб его накрыли в кабинете с секретаршей! Она *(на Жену)*, конечно, довольна, что ты работаешь как вол.

Жена. Я не заставляю его работать сверхурочно.

Мамаша. Но к рождеству он тебе кольцо купил, а мне дюжину булавок-невидимок.

Муж. Мама! *(Жене.)* Не обращай внимания.

Мамаша. Спасибо, сыночек, спасибо... Правильно, не надо обращать внимания на сумасшедшую старуху. О, если бы твой отец был жив-здоров, чтоб ему гонконгский грипп с осложнением. *(Направляется к портрету.)*

Жена *(кричит)*. Мама! Стойте! Не ходите туда!

Мамаша останавливается. Тотчас раздается удар. Падает утка около портрета.

Мамаша *(Жене)*. Извини меня, я забыла. У нас слишком плохая квартира, чтобы ссориться. *(Подходит к Жене; та обнимает ее, целует)*.

Раздается звонок.

Жена. Я открою. *(Уходит.)*

Возвращается с молодым человеком. Это Племянник. У него в руках чемодан.

П л е м я н н и к. Здравствуйте.

Ж е н а (*Мамаше*). Он говорит, что он ваш племянник.

П л е м я н н и к. Тетя!

М а м а ш а. Ха-ха! Какой у меня огромный племянник.

П л е м я н н и к. Не ожидали?

М а м а ш а. Во вымахал! Был бы жив твой дядя, он бы тебя в свой полк живо зачислил. Ты бы пошел военным?

П л е м я н н и к. Я уже совсем по другой части определился!

М а м а ш а. Ты же всегда воевал! Так и запомнила тебя с рогаткой. Где сейчас твоя рогатка?

П л е м я н н и к. Берегу для потомства.

М а м а ш а. Ты что, женат?

П л е м я н н и к. Нет. Но будет же у меня когда-нибудь потомство!

Ж е н а. Что же вы стоите? Раздевайтесь.

М а м а ш а. Познакомьтесь — мой племянник.

Племянник пожимает руку Мужу и Жене. Он ставит чемодан, снимает куртку.

П л е м я н н и к. Дайте же я поцелую вас, тетя!
(*Направляется к ней.*)

М а м а ш а (*кричит*). Стой!

Племянник в изумлении застывает. Тотчас между ним и Мамашей падает зайчик.

Я сама пойду к тебе. (*Встает со своего места, идет к Племяннику.*)

Тотчас против того места, где сидела Мамаша, начинает кружиться мельница.

П л е м я н н и к. Мне показалось, что-то просвистело мимо меня... Прямо как пуля. А?

М а м а ш а (*целует его в лоб*). Вылитый мой муж! Только без усов. (*Опасливо косится на портрет и крестится.*)

Тотчас мишень около портрета переворачивается.

П л е м я н н и к. Опять просвистело и стукнуло. Как пуля.

М а м а ш а (*Племяннику*). Усы тебе надо, усы. У тебя уже растут усы?

Перевертывается еще несколько мишеней против того места, где стоит племянник. Племянник бросается на пол.

П л е м я н н и к. Пули! Это пули! Ложитесь! Кто-то в нас стреляет! Почему вы стоите? Падайте! Падайте!..

М а м а ш а. Я пойду принесу еще один прибор. (Лежащему Племяннику.) Ты будешь кушать?

П л е м я н н и к. Вас сейчас убьют!!!

М а м а ш а. Это не причина, чтобы отказываться от обеда. (Уходит.)

Пауза.

М у ж. Можете встать.

Ж е н а. Уже никто не стреляет.

М у ж. Вы слышите — уже тихо.

Племянник осторожно приподнимает голову, прислушивается.

П л е м я н н и к. А вдруг они опять начнут?

М у ж. Начнут. Но не сейчас.

Племянник, было поднявшись, снова падает.

Ж е н а. Да встаньте же. Видите, я стою во весь рост, и ничего.

Племянник медленно встает. Озираясь, садится на диван.

П л е м я н н и к. Тихо... Может быть, мне все это показалось?

М у ж. Нет. Вам не показалось.

П л е м я н н и к. Значит, было, было... стреляли. (Заметался.)

М у ж. Успокойтесь. Я вам сейчас все объясню. Вы поймете.

Ж е н а. Говори скорее. (Смотрит на часы.) Скоро восемь.

М у ж (тоже смотрит на часы). Ничего, я уложусь. (Племяннику.) Садитесь поближе. Так вот. Мы жили в старенькой хибарке нашей Мамаши, вашей тети. Но сколько может стоять старая развалюха? Подгнили балки, да и фундамент осел. По ночам мы слышали трак-трак-трак — это потолок по миллиметру приближался к полу. В один прекрасный момент мы могли бы провалиться под обломками.

Ж е н а. Если бы вообще проснулись. (Мужу.) Давай быстрее.

М у ж. Короче говоря, надо было срочно менять

квартиру. Денег на покупку нового домика у нас не накопилось, хоть я и брал сверхурочную работу, и мы решили пока перебиться в какой-нибудь казенной квартире. А это, знаете, оказалось еще труднее.

Ж е н а. Ведь вы в курсе, какие сейчас трудности с жильем? Нет, говорят, у нас под рукой никакой свободной жилплощади. Нет и нет.

М у ж. Но однажды вызвали нас и сказали, что могут предоставить помещение. Не ахти как удобное для жилья, но все-таки...

Ж е н а. Говорят: «Сначала вам, конечно, трудно будет, но поживете — привыкнете».

М у ж. Короче, нам пришлось поселиться в тире.

П л е м я н н и к. В тире?! Наверное, просто в бывшем тире?

Ж е н а. Нет же. Тир работал.

М у ж. Действующий тир. Сами же слышали, как свистят пули.

П л е м я н н и к. Слышал...

Ж е н а. «Все равно,— говорят,— место пропадает. Обживетесь, привыкнете и прекрасно будете жить».

П л е м я н н и к. Ну и... как?

М у ж. Ну, взяли мы мебелишку и перетащились в тир. И действительно, следующей ночью мамашина хибара рухнула.

Ж е н а. Какое счастье, что мы успели тогда переехать!..

М у ж. Где мои домашние туфли?

Ж е н а. Около шкафа.

Все сидят некоторое время молча.

М у ж. Сейчас, сейчас... *(Продолжает сидеть.)*

Около шкафа падает мишень. Муж подходит к шкафу, снимает ботинки, надевает комнатные туфли.

П л е м я н н и к. Как же вы в тире живете?

М у ж. А вот так, как видите. *(Пригибает голову Племяннику — в этот момент падает мишень над его пригнутой головой.)*

Ж е н а. Сначала, конечно, страшно было. Подойдешь к шкафу переодеться — пули мимо вжик-вжик, иногда и платье подпортит. Жутко боялись. Мамаша так целыми днями лежала на полу.

М у ж. А потом пожили, пожили и немного успокои-

лись. Мы заметили, что к шкафу, например, с полседьмого до семи не подходи — в это время вокруг него пули свищут. С полки к пяти часам всю посуду надо снять — по ней палят.

Ж е н а. А мы как раз в пять часов обедаем, понимаете. В это время вся посуда на столе. Это даже удобно. Во всяком случае, с тех пор как мы живем в тире, у нас в семье твердый режим. Кушаем все в одно время, спать ложимся по часам.

М у ж. Вообще режим — источник здоровья. Укрепляет нервы, регулирует пищеварение. Советую и вам, молодой человек, заняться режимом. Очень увлекательно.

Входит М а м а ш а с прибором в руках.

М а м а ш а. Обедать, обедать, обедать. Чтоб вам кусок в горло не полез.

М у ж (*смотрит на часы*). Поздно. Мы нарушили режим. Надо немедленно поставить посуду на полку. Сейчас уже нельзя сидеть за столом.

Выстрел. Падает мишень около стола.

Ж е н а. Ах, черт, заговорились... Ведь ты целый день ничего не ел.

П л е м я н н и к. Извините, это из-за меня...

М у ж. Ничего, ничего, я до ужина потерплю.

П л е м я н н и к. Стойте! Идея. А что, если стол передвинуть в другое место? В котором сейчас безопасно?

М у ж. Неплохая мысль! А?! Как это она нам в голову до сих пор не приходила?

М а м а ш а. И очень хорошо, что не приходила! Только поэтому мы и живы, что не приходила. Я, например, привыкла, что от стола до шкафа два с половиной шага. Как мебель передвинем, так мне и крышка. И вам, между прочим, тоже, мозглякам и прохиндеям.

Ж е н а. Но подумайте о своем сыне. Он ничего не ел с утра. От голода тоже бывает, между прочим, крышка.

М а м а ш а. А почему ты вовремя его не посадила за стол? Чтоб тебе то, что я уже говорила! Вот они, современные жены: не понимают старую истину — путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. Я не удивлюсь, если вдруг он тебе изменит с какой-нибудь толстой

поварихой. У мужчин солдатский вкус — они любят, чтобы у женщины всего было много — и еды, и тела.

Выстрел.

М у ж. Ну вот, началось.

Ж е н а (*Мамаше — нежно*). Прощу вас, идите сюда.

Мамаша подходит к Жене. Жена обнимает ее.

Сейчас здесь безопаснее.

М а м а ш а. А, двигайте мебель! Только после обеда сейчас же на место.

М у ж (*Племяннику*). Пошли займемся мужской работой. Можно, я тебя на «ты» буду...

П л е м я н н и к. Конечно. (*Встает с дивана.*)

Ж е н а. Через два шага пригнитесь.

П л е м я н н и к. Ага...

Муж и Племянник проходят два шага, пригибаются (падают две мишени), подходят к столу, приподнимают его и переставляют поближе к шкафу. Все тотчас шумно рассаживаются за столом.

Чуть не забыл! Я же вам гостинец привез. Деревенское сало. Вы такого не ели. (*Бросается было к чемодану, который стоит в другом конце комнаты.*)

М у ж (*хватает его за полу*). Стоп! Туда нельзя.

Ж е н а. Ничего, завтра попробуем ваше сало.

П л е м я н н и к. Боюсь, что в закрытом чемодане оно испортится.

М а м а ш а. От протухшего сала можно — ого! — как сыграть в ящик.

М у ж. Но все-таки лучше это сделать завтра.

Мишень около чемодана падает. Сразу же все садятся за стол и молча едят.

Затемнение.

Слабым светом торшера освещается только диван, который сейчас превращен в кровать. Ж е н а стелет постель. М у ж развязывает галстук.

М у ж. А парень-то, кажется, привык к нашей квартире. Сейчас, видел, спит без задних ног.

Ж е н а. Как ты думаешь, он не обиделся, что мы его на полу положили?

М у ж. Ничего страшного, молодой...

Ж е н а. Слушай... Странно, конечно, глупо...

М у ж. Что?

Ж е н а. Да ну, ерунда какая-то...

М у ж. Ну, говори, говори.

Ж е н а. Вот сидел этот парень с нами за столом, ел... Он, конечно, большой, но я подумала: если бы он был маленький, сидел бы с нами за столом и ел... Мне было бы так хорошо!.. Понимаешь?

М у ж. Понимаю...

Ж е н а. А ты разве не хочешь ребенка?

М у ж. Ребенка — нет. Сына — да!

Выстрел.

Ж е н а. А может, у нас будет девочка.

Выстрел.

М у ж. Ну, в крайнем случае пускай дочка. Справлюсь еще с одной женщиной. (*Шутливо обнимает Жену.*)

Ж е н а. Ну, не балуйся.

М у ж. Прости... Теперь тебя надо беречь. Теперь к тебе надо относиться как к ребенку. А что? Ты и будешь моим ребенком. Правда? Моим ребенком и моей женой. Я сейчас люблю тебя в два раза больше.

Ж е н а. А когда я рожу, ты будешь любить меня в два раза меньше?

М у ж. Ну вот. Приревновала к собственному ребенку. Да вы всегда для меня будете одно. Знаешь, мы даже назовем ее твоим именем.

Ж е н а. А если будет мальчик?

Раздается выстрел.

М у ж. Да, все-таки лучше, если мальчик. Сын... Назовем его Эдуардом...

Выстрел.

...или Робертом...

Выстрел.

Ж е н а. А может быть, Александром?

Выстрел.

М у ж. Мне, в общем, все равно... Лишь бы у меня родился сын.

Ж е н а. А девочке ты не будешь рад?

М у ж. Я сказал, если будет девочка, пусть...

Выстрел.

Ж е н а. А вдруг выйдет двойня?

Тотчас раздаются два выстрела.

М у ж. Прекрасно!

Ж е н а. Ты знаешь, я хочу, чтобы наш ребенок никого не боялся, чтобы он был сильный, и пусть у него будут крутой лоб и красные глаза.

М у ж. Красные глаза — это конъюнктивит.

Ж е н а. Я хотела сказать — горящие.

М у ж. Это другое дело.

Ж е н а. Еще я мечтаю, чтобы у меня был большой ребенок...

М у ж. Ты что, в няньки штангиста наймешь? Нет, будем беречь его от гигантизма и конъюнктивита. Вообще надо срочно купить книжку «Наш ребенок». Там есть все рецепты.

Ж е н а. Зачем покупать, напрасно деньги тратить? Соседи отдадут эту книгу бесплатно — у них все равно детей уже не будет.

М у ж. Откуда ты знаешь?

Ж е н а. Они вчера щенка купили.

М у ж. Ну и что?

Ж е н а. Как что? Для щенка же нужна книга «Наш собачонок», а «Наш ребенок» они отдадут нам.

Выстрел. Выстрел. Выстрел.

Пауза.

М у ж. Слушай, я тут подумал и понял, что наша квартира непригодна для ребенка.

Ж е н а. Почему?

М у ж. Тут просто нельзя жить ребенку.

Ж е н а. Ерунда.

М у ж. Ты что, не понимаешь, о чем я говорю?

Выстрел.

Ж е н а. Не понимаю.

М у ж. Не притворяйся.

Серия частых выстрелов.

Ж е н а. О чем ты?

М у ж. Сто раз тебе об этом говорил, и как горох об стенку.

Ж е н а. О чем?

М у ж. О мухах! У нас в доме полно мух. Они летают по комнате целыми стаями. Мало того, что они жужжат, действуют на нервы, они садятся на лицо, на руки, на лету ударяются о лоб и даже иногда попадают в рот... Тьфу! Гадость какая!

Ж е н а. Но что я могу поделаться?..

М у ж. Сто раз говорил — купи мухоморы, липучки. Стыд! Две женщины в доме и не могут справиться с какими-то насекомыми.

Ж е н а. Если ты все так прекрасно знаешь, попробуй поборись. Кто бы говорил! Да ты не справишься даже с одной мухой!

М у ж. Не болтай! Это женская работа.

Ж е н а. Я покупала липучки. И ничего. Не попалося ни одной мухи. То ли липучки такие плохие, то ли наши мухи такие умные...

М у ж. Ну не знаю! Тогда купи мышеловки, что ли.

Ж е н а. А может быть, переедем на другую квартиру?

М у ж. О господи! «На другую квартиру...» Опять надо идти, просить!..

Ж е н а. Кстати, нам ведь тогда обещали прислать уведомление о новой квартире. Ведь мы состоим на учете...

М у ж. Но ведь прошло столько времени, а мы ничего не получили. И вообще, знаешь, я тут согласен с моей мамашей. Лучше приспособиться к старой квартире, чем привыкать к новой. Тем более что мы и не пытались улучшить наше вот это жильё.

Ж е н а. А что, если попросить, чтобы наших мух... перестреляли?

М у ж. Ха-ха. Станут они по мухам стрелять.

Ж е н а. Ведь им все равно. По мухам даже интереснее. Все-таки живая цель.

М у ж. Тоже мне цель! Ты ничего не смыслишь в этом деле. Цель надо увидеть. А как ты муху рассмотришь?

Ж е н а. У них есть оптические прицелы. Я видела.

М у ж. Оптические прицелы... Действительно, есть. Конечно же сейчас такая техника, что любую муху на лету подстрелить можно.

Ж е н а. Ну, я же говорю...

М у ж. Только за так они стрелять не будут. Они могут потребовать деньги.

Ж е н а. Деньги! За что деньги?

М у ж. Подумай, в муху целиться труднее, чем в обыкновенную мишень. Все-таки дополнительная работа...

Ж е н а. Опять деньги... А может быть, как-нибудь договоримся.

М у ж. Как?

Ж е н а. Они же все-таки люди... Надо найти подход.

М у ж. Вот ты и ищи. Может быть, они еще клюнут на женское обаяние.

Ж е н а. А что? Я же тебя покорила в свое время.

М у ж. Я слабак. Я сам сдался в плен.

Ж е н а. Ладно, спи. Завтра на свежую голову что-нибудь придумаем.

М у ж. Я, кажется, уже придумал.

Выстрелы. Выстрелы. Выстрелы.

Свет на сцене гаснет.

Выстрелы переходят в канонаду.

Внезапно все смолкает.

Полный свет. Тишина. Мы замечаем, что все мишени на стене тира перевернуты.

Муж завязывает галстук, а Жена застилает постель.

Входит М а м а ш а.

М а м а ш а. Завтракать, завтракать, завтракать.

Появляется П л е м я н н и к.

П л е м я н н и к. Доброе утро!

М у ж. Привет. Ну вот, день и ночь — сутки прочь.

П л е м я н н и к (*беря свой чемодан*). А мне пора. (*Достаёт из чемодана сверток.*) Вот вам сало. Вы такого не ели. Спасибо за приют.

Ж е н а. Куда же вы?

П л е м я н н и к. У меня через полчаса поезд. Я же к вам только на денек завернул.

М а м а ш а. Жаль!.. Мы тебя как следует и принять-то не успели.

П л е м я н н и к. Спасибо, мне у вас очень понравилось.

Ж е н а. Нам было очень приятно с вами познакомиться.

М у ж. Ты хороший парень!

П л е м я н н и к. Я к вам обязательно приеду еще раз. Дома мне будет чего-то не хватать. Правда. Я скучать буду по вас... по вашей квартире. А почему сегодня так тихо?

М у ж. Воскресенье. Тир работает с двенадцати.
П л е м я н н и к. Хоть бы кто-нибудь пальнул на прощание.

М у ж. А когда твой поезд?

П л е м я н н и к. В одиннадцать тридцать пять.

М у ж. Ничего не получится — тир с двенадцати.

П л е м я н н и к. Жалко... Мне так понравилось. Знаете, у нас слишком тихо дома. Мама с папой, конечно, только так и хотят жить, но я-то молодой... Мне хочется чего-то такого... романтики, подвигов. Хочется от кого-то убежать, отстреливаться, падать на землю и ползти по грязи туда, где через каждые три минуты взлетают ракеты, ракеты, ракеты... «Ястреб! Ястреб! Я Павлин! Я Павлин! Беру огонь на себя! Слышишь, Ястреб! Беру огонь на себя. Кому говорят!..» Я это в кино видел и сегодня, во сне.

Ж е н а. Вы хорошо спали?

П л е м я н н и к. Я спал прекрасно. Давно так не спал. Нет, серьезно. В эту ночь я кое-что понял. Жизнь свою будущую понял, а прошлую зачеркнул. Какой же я был молокосос! Я любил смотреть на цветочки, разглядывать бабочек, любил слушать птичек, как они поют — фьють-фьють-фьють. Я думал, что лучше звуков не бывает. Но теперь-то, после вашей квартиры, я понял, что пули свистят приятнее — фьюить... фьюить... фьюить... Приеду домой, попробую найти такую квартиру, как у вас. А не найду, вернусь обратно. Вы мне тогда подскажите пару адресочков? Ведь не одни вы так живете? Верно?

М у ж. Да уж живут.

П л е м я н н и к. Все хорошо у вас. Только одно мне не понравилось.

Ж е н а. Что?

П л е м я н н и к. Да так... Мелочь, ерунда... В общем, мухи утром беспокоили.

М у ж (Жене). Вот! Я говорил!

Ж е н а. Это мы поправим. Приезжайте к нам через год, и вы увидите, как все изменится. Наша плохая квартира станет еще лучше.

М а м а ш а. Неправда. Мух вы никогда не изведете. Да и не нужно. Жужжание создает домашний уют. Когда я слышу з-з-з... у меня становится так спокойно на душе... Я чувствую, что я дома, в своей квартире. Хоть и плохой, но своей. И если когда-нибудь мух у нас

не станет, я велю электромонтеру поставить такой маленький моторчик, чтобы он жужжал: вз-з-з-з-з...
Иначе я просто не смогу ни спать, ни есть. (*Спыхватывается.*) Завтракать, завтракать, завтракать!..

П л е м я н н и к (*пытается рассмотреть что-то в той стороне, где должен быть барьер*). Кто там? Там кто-то ходит...

М у ж (*Племяннику*). Это хозяин тира. Хочешь познакомиться?

П л е м я н н и к. Да, хотелось бы... С таким человеком... Мечтаю!

М у ж. Тогда не успеешь на поезд.

П л е м я н н и к. А, черт с ним! Завтра поеду. Не упускать же такой случай.

М у ж. Ставь чемодан в угол.

П л е м я н н и к. А вы-то сами знакомы?

М у ж. В общем, знакомы. Каждый месяц плату за квартиру ему вносим. Да и он частенько к нам заходит. Мишени подновить. Но до сих пор «здрасьте-здрасьте», а сегодня у нас к нему серьезное дело. Мама, смени скатерть на столе да поставь вино. У нас будет гость.

М а м а ш а (*Племяннику*). Остался?! Я рада.

М у ж. Да, но не в нем дело. (*Жене.*) Почисть перышки. Жена — реклама семьи, а реклама — залог успеха. Ну, шевелись!

Ж е н а. Что ты затеял?

М у ж (*Мамаше*). Дай мне скатерть. (*Привязывает белую скатерть к палке так, что получается белый флаг. Размахивает им на авансцене.*) Идет! (*Быстро отвязывает скатерть. Стелет на стол.*)

Мамаша и Жена уставляют стол закусками, появляется бутылка вина.

По проходу к сцене идет Стрелок. В руках у него ружье.

С т р е л о к. Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте! (*Жене.*) Здравствуй, крошка!

М у ж (*тихо Жене*). Почему он называет тебя на «ты»?

Ж е н а. Не знаю... Но ведь это хорошо, по-твоему.

М у ж. Да, это неплохо. Ты ему понравилась. Пококетничай с ним. Не стесняйся. Для пользы дела.

М а м а ш а. Садитесь, садитесь, садитесь. (*Стрелку.*) И вы, прошу.

Стрелок. Нет, я...

Мамаша. Садитесь, садитесь! Вы же наш... свой...

Стрелок. А, ладно!

Все шумно рассаживаются за столом.

Муж (*разлив по рюжкам*). Ну, за встречу!

Выпивают.

Как погода?

Стрелок. Погода — дрянь. Что-то мокрое так и сыплется с неба. Не то дождь, не то снег... Грязь какая-то.

Мамаша. Закусывайте, закусывайте... В такую погоду только у камина сидеть.

Стрелок. Да я бы и не выходил, но, вы знаете, приходится ковать железо, пока горячо. Даже в такую холодину.

Жена. Остроумно.

Все смеются.

Племянник. Как вы сказали? Я собираю разные цитаты и афоризмы. (*Достает записную книжку, карандаш.*)

Стрелок. Это хорошо. Сегодня тебе этой книжечки не хватит.

Муж. По второй...

Стрелок. Нет-нет, мне достаточно, мне нельзя. Вино размягчает руку и туманит глаз. Вам будет хуже, если я немножко промахнусь.

Жена. Остроумно.

Все смеются. Племянник записывает в свою книжечку.

Стрелок. Я ведь тоже иногда, извините, постреливаю. Раньше, правда, только билетики продавал, а потом понемножечку, понемножечку — и втянулся. Эх, вам бы разочек попробовать — тоже втянулись бы. Так что, если какое беспокойство вам причиняю, извините... Азарт, представьте себе, азарт...

Мамаша. Да что вы, что вы... Представляем.

Стрелок. Вообще-то вы можете не волноваться. Я очень стараюсь, очень... Прежде чем спустить курок, я, знаете, как припаду к оптической трубе, так до-о-олго, до-о-олго смотрю... Пока все не рассмотрю. (*Жене.*) Особенно я люблю целиться в вас, мадам, когда вы раздеваетесь.

Жена (*кокетливо*). Как только не стыдно!..

Стрелок. Ну что вы? Какой может быть стыд. Ведь мы с вами одна семья. У вас не должно быть секретов от своего папочки. (*Мамаше.*) Правда, мамочка?

М а м а ш а. Вы настоящий мужчина, папуся.

Стрелок. Что есть — то есть! Вот случай был. Еду по шоссе на скорости 120 км в час, гонюсь за синеньким «рено», которым правит прелестная маленькая француженка. Навстречу «фиат». А за рулем итальянка — ц-ц-ц, — пальчики оближешь! На глаз определяю — 80 км в час. 120 плюс 80... (*Племяннику.*) Считать умеешь?

П л е м я н н и к. 200!

Стрелок. Во! 200. И на этой скорости, представьте, знакомлюсь с итальянкой, перелезаю в ее машину, делаю свое мужское дело, прыгаю обратно за свой руль, увеличиваю скорость вдвое и, можете себе представить, догоняю синенький «рено», в котором незадолго до этого у француженки оставил свои перчатки.

М а м а ш а. Вот это мужик, чтоб ему...

Ж е н а. Мама!

П л е м я н н и к. Мне бы машину...

М у ж. А мне бы итальянку!

Ж е н а (*Мужу.*) Помолчал бы... (*Стрелку.*) Расскажите еще что-нибудь.

Стрелок. Пожалуйста. Бытовой случай. Иду это я по улице. Прохожу мимо стройки. И надо же, с карниза сорвался кирпич и мне на голову — бряк. А голова у меня плоская. (*Жене.*) Пощупайте... Смелее, смелее.

Жена прикасается к макушке Стрелка.

Плоская?

Ж е н а. Плоская.

Стрелок. Ну вот. Кирпич, значит, упал и лежит на голове. Даже не раскололся. Целый день я ходил по городу, делал свои дела, пришел домой, глядь в зеркало, на башке кирпич. Я его с головы снял и в окошко. Какого-то хлюпка насмерть... Но не в этом дело. Выхожу завтра в город. Что такое? У всех на головах кирпичи. От меня мода пошла. Целую неделю магазин головных уборов кирпичами торговал. Во история!

М а м а ш а. Шик! Мужчина — законодатель мод!

П л е м я н н и к. А у меня голова кверху острая...

Стрелок. Ты тренируйся ею об стену — пройдет!

Ж е н а. Фантастика... Романтика... Ах, как вы интересно живете!..

Стрелок. Да, я везунок! За примером далеко не ходить. Как мне с вами-то повезло! А? Ведь с тех пор как вы поселились в этом тире, просто отбоя нет от клиентов. Хлебом их не корми, дай пострелять именно здесь. Мои доходы возросли вдвое. Конкуренты лопаются от зависти. Фортуна! Я так считаю, уж если тебе везет, если масть пошла, понимаете, схватил ты свою жар-птицу за хвост. Держи! Кровь из-под ногтей, а руку не разжимай! Второй раз она к тебе близко не подлетит.

П л е м я н н и к (записывая). Я не успеваю.

Стрелок. Для тех, кто не записал, повторяю: держи счастье за хвост, судьбу за горло, а женщину... гм... вот так! (Обнимает Жену.)

Муж делает вид, что не замечает.

П л е м я н н и к. Не шевелитесь. Зарисую. (Срисовывает позу Стрелка и Жены.)

Стрелок. Вот я вас и держу. Нам неплохо живется в нашем тире. Вы поняли, что я сказал? В нашем тире. Ведь он такой же мой, как и ваш. Ваш даже больше, потому что вы тут едите, спите и разное такое, а я только работаю. Правда, работаю как вол. (Мужу.) У вас есть сигареты?

Ж е н а. Он некурящий.

Стрелок. Черт!.. Оставил свои за барьером.

П л е м я н н и к. Я сбегаяю. Одна нога здесь, другая там. Афоризм произнести не успеете.

Стрелок. Давай, мальчик, давай!

Племянник убегает.

Так на чем я остановился?

М а м а ш а. Про вола рассказывали...

Стрелок. Да... Так вот, работаю как вол. Но все оправдывается. Все рентабельно.

М у ж. За ваши производственные успехи!

Стрелок. То есть за вас! (Выпивает.) Вы, мои дорогие, вы мой самый главный производственный успех. Как вы думаете, почему все ходят в наш тир? Им очень любопытно следить, как вы тут выживаете. Особенно интересно, как это удастся старушке. Извините, конечно...

Мамаша. Мне приятно, что мной интересуются сильные молодые люди.

Стрелок. Вам очень к лицу это платье.

Мамаша. Мерси, мерси... Вы такой обходительный.

Стрелок. Моим клиентам очень нравится ваше платье. Оно яркое, его хорошо видно издалека. Очень удобно! Вы не собираетесь менять это платье?

Мамаша. Нет. Оно у меня последнее. Однажды, давным-давно, почувствовала себя плохо и сразу же надела это платье. Для гроба. Чтобы лежала я современно, по моде одетая. Ну вот. Натянула. Жду. Ничего. Даже здоровье начинает улучшаться. Я встала, по хозяйству пошла. С тех пор и живу, но платье не снимаю. А вдруг чего такое... В моем возрасте можно лечь спать, а проснуться на собственных поминках.

Стрелок. А здоровье-то как, мамаша? Сердчишко не пошаливает?

Мамаша. Как когда...

Стрелок (*орет*). Вы мне без этого! Чтобы никаких случайностей! Вы мне нужны живая!

Мамаша съезживается.

И не с-с-сутультесь! Дер-р-р-ржитесь прямо! Р-р-ровно!

Мамаша вдруг преображается — распрямляет спину, разворачивает плечи, в глазах ее сверкает огонь. Она отрывисто подает команды гарнизонным голосом.

Мамаша. Встать!

Стрелок вскакивает.

Смирно!

Стрелок вытягивается.

На плечо! К ноге! Кругом!

Стрелок выполняет все команды, как загипнотизированный.

На плечо! К ноге! Кругом! Сесть! Чтоб ты сдо-о-о-ох!
(*Берет со стола и опрокидывает в себя рюмку.*)

Стрелок (*после короткой паузы*). Что такое?..
Что это было? Я слышал голос моего полковника...

Мамаша. Не р-р-р-рассуждать!

Стрелок. Есть не рассуждать.

Мамаша снова превращается в тихую старушку, а Стрелок выходит из-под действия гипноза. Он снова подсаживается к Жене.

Муж (*Стрелку*). Так на чем вы остановились?
Стрелок (*продолжая шуровать где-то под ска-
тертью*). Чуть повыше колена.

Муж вскакивает.

Муж. Я попрошу!!!

Стрелок тоже вскакивает.

Жена. Он хотел сказать, что у него к вам просьба.

Стрелок. Ну конечно, конечно. Я в некотором роде перед вами в долгу. (*Мужу.*) Ну?

Муж. Дело в том, что, как вы сами понимаете, мы живем в очень неважных условиях. У нас плохая квар-
тира. Мы терпим много неудобств. Я, конечно, не хочу этим ничего сказать, но вы в каком-то смысле... Ну, как бы... выигрываете от наших неудобств...

Жена. Фу, противный...

Мамаша (*толкает Мужа в бок*). Зачем ты напо-
минаешь ему об этом?.. У него же комплекс вины...
Видишь, испортил настроение.

Муж. Я его сейчас развеселю. (*Ловит муху, сидя-
щую на голове Стрелка, и подносит кулак к уху Стрел-
ка.*)

Стрелок прислушивается к жужжанию, и его рот растягивается
в широченной улыбке.

Стрелок. Попалась!

Муж. Влипла! Дать?

Стрелок. Дать.

Муж вынимает муху из кулака и дает Стрелку, тот отрывает ей лапки,
бросает на пол и давит каблуком.

Капут!

Муж. Bravo! Bravo!

Все аплодируют Стрелку, тот раскланивается.

Спасибо, именно эта муха нам особенно досаждала.

Жена. Но остальные не менее противные.

Стрелок. Да, мухи — животные неприятные.

Жена. Помогите нам!

Стрелок. Не понимаю.

Муж. Мы хотели бы, чтобы ваши клиенты их не-
множечко... ну... постреляли.

Стрелок. Что-о-о?!

Муж. У вас прекрасные ружья, сверхдальние при-

целы, разрывные пули. Перед таким оружием не устоит ни одна муха.

Мамаша. Нынешние средства — одно шарлатанство. Вот раньше был персидский порошок. Что там мухи — я сама им травилась, когда мой муж изменил мне с толстой поварихой. Правда, тоже слабое было средство. Не помогло.

Муж (*Стрелку*). Разумно ли сейчас, в нашем XX веке, пользоваться какими-то дедовскими порошками, когда есть такое массовое средство уничтожения? Не правда ли?

Жена. И потом, скажу как женщина, ваши клиенты выполняют благородную миссию, свой гражданский долг — помогут жить простым людям.

Муж. Как вы считаете?

Стрелок. Я считаю отрицательно.

Муж. Почему?

Стрелок. В мух мои клиенты стрелять не будут.

Жена. Ну почему?

Стрелок. Это некрасиво. Неэстетично. Посмотрите, какие красивые у меня мишени. (*Расхаживает вдоль задника.*) Каждая из них — произведение искусства. По ним просто хочется стрелять. А мухи? Фу! Ведь в прицельную трубу будут видны их мохнатые лапки, выпученные глазки... Нет, я не могу подвергать моих клиентов такой пытке художественного вкуса!

Жена. Зато какие у них кружевные крылышки. Они летают, порхают с места на место. Немного воображения, и их можно принять... за куропаток.

Стрелок. Нет-нет. Если представить себе муху величиной с куропатку, можно умереть от омерзения. И вообще вы думаете только о себе. Чтобы вам было приятно, а на моих клиентов можно плевать, да?

Муж. Но подумайте...

Стрелок. Нет уж! У каждого своя профессия. Я стрелок, вы мыслитель. Вот и думайте. А я тем временем буду в вас постреливать.

Муж. Так? Так, да? Ну, тогда слушайте, что я вам скажу — держитесь за ваших дурацких клиентов, целуйтесь с ними, целуйтесь... А на нас больше не рассчитывайте. Ни на меня, ни на Мамашу (*жест в сторону Жены*), ни на нее.

Стрелок. А это уж она сама будет решать. Правда, крошка?

Муж (*Стрелку*). Все! Хватит! Пора кончать эту дурацкую игру!.. Вон из моего дома!

Вбегает Племянник.

Племянник (*вытягивается в струнку перед Стрелком, щелкает каблуками*). Так что папиросы.

Стрелок (*берет из рук Племянника пачку*). Почему так долго?

Племянник. Им письмо заказное принесли. Так что расписывался. У меня это долго выходит. Разрешите отдать?

Стрелок. Давай сюда.

Племянник отдает Стрелку письмо.

(*Внезапно Племяннику*.) Стрельнуть хочешь?

Племянник. Ага! Я умею! Ага!..

Стрелок. Только спокойно! (*Дает Племяннику винтовку*.)

Племянник хватается ее, щелкает затвором.

Племянник (*Стрелку*). Куда прикажете?

Стрелок. В музыку! (*Показывает на мишень-граммофон, которая видна на стенке тира*.)

Племянник прицеливается, стреляет. Звучит танго. Стрелок приглашает Жену. Они танцуют. Мамаша, отвлекая Мужа, танцует с ним. Танец кончается. Стрелок подходит к Мужу, отзывает его в сторону.

Ладно. Муж не будет. Я обещал твоей жене. Она тоже мне кое-что обещала... Старик, надо держаться. Это закон. Побеждает сильный. Женщина, конечно, дура, но одну вещь она знает туго — сильный может стать умным, а вот умному силу накачать труднее.

Муж. Я могу заняться культуризмом...

Стрелок. Вот именно, можешь. Но никогда не займешься. Культуризм для таких, как я. У меня от культуризма будут расти мускулы, а у тебя только рога. Ха-ха-ха-ха!.. (*Племяннику*.) Почему ты не записываешь?

Племянник (*с винтовкой в руках*). Руки заняты.

Стрелок. Вот! Когда у человека в руках винтовка, ему не до афоризмов.

Племянник. Это я запомню.

Стрелок. Теленок будет быком!

Племянник. А уж это я запишу. (*Ставит винтовку, достает книжечку, карандаш*.)

Внезапно Муж хватается винтовку, направляет на Стрелка и Племянника.

Муж. Стой! Ни с места! Руки вверх! Послушаем, как ты заговоришь теперь!

Жена. Положи ружье, положи, пока не поздно!

Муж. Ага! И ты против меня. Можешь стать рядом с твоим суперменом. Впрочем, он уже вовсе не супер без этой штучки. Вот где были все его мускулы.

Жена. Мама, скажите ему, что это глупо.

Мамаша. Сынок, я не хочу, чтобы ты держал в руках это. Я совсем не привыкла. У тебя никогда в детстве даже рогатки не было. Ты все время играл с девочками. В куклы, в классики... Помнишь, тебя во дворе прозвали Подружка... Сынок, вспомни... *(Громовым голосом.)* Стервец, брось ружье, не то я тебе руки переломаю!

Муж. Отстань! Хотя бы теперь отстань! Вместе с папой.

Мамаша. Зачем же ты так невежливо о покойнике, мой маленький?.. *(Солдатским голосом.)* Паскудник! Схвачу за язык и вырву все горло!

Муж. Если ты не со мной, можешь стать туда. Первый раз я захотел быть мужчиной... *(В сторону Стрелка.)* Спасибо ему — научил. А вы опять натягиваете на меня юбку.

Мамаша становится к Стрелку, Племяннику, Жене. Поднимает руки. Вдруг Стрелок опускает руки.

Вверх!

Стрелок. Не кипятись, Подружка. Ты все равно не нажмешь курок. Тут твои Жена, Племянник, Мама... Папа. Да и в меня ты никогда не выстрелишь. Ты же Подружка, а подружки жалеют таких мужиков, как я. *(Племяннику.)* Записал?

Племянник *(у него в одной руке карандаш, в другой книжечка, он записывает, держа руки над головой.)* Записываю.

Муж. А вот и выстрелю! Никогда не стрелял, а сейчас возьму и выстрелю. Честное слово... Поверьте, могу выстрелить...

Стрелок. Прошу вас. Ради бога! Вы меня очень одолжите. И пусть там, за барьером, посмотрят, как надо стрелять. *(Кричит.)* Алло! Стрельба по мишеням сегодня отменяется! Работаем живые цели! *(Мужу.)* Прошу вас, начинайте!

П л е м я н н и к. Дядя, сложите оружие.

М у ж. Молчи, щенок!

Стрелок. Не ори на моего боевого товарища!
(Подходит к Мужу, бьет его по лицу.) Извинись сейчас же. (Еще раз ударяет Мужа по лицу и берет у него из рук ружье.)

М у ж. Извините... Я погорячился.

Стрелок (Племяннику). Ну-ка, поменяйся с ним местами.

Племянник и Муж меняются местами.

(Жене.) Крошка, иди ко мне. Теперь ты свободна.

М у ж (Жене). Иди, иди! Я давно подозревал, что тебе нужна обезьяна. Иди! Народишь от него маленьких горилл. У них будут плоские головы и красные глазки. Для них не нужны будут ни коляска, ни книга «Наш ребенок»... Все обойдется гораздо дешевле. Им даже не потребуется еда. Они будут жрать тебя на завтрак, обед и ужин. По кусочкам!.. По кусочкам!..

П л е м я н н и к (делает знаки Жене). Давайте, давайте к нам, к нам!..

Жена подходит к Стрелку и дает ему пощечину.

Ж е н а. Теперь вы (жест в сторону Мужа) квиты.
(Становится рядом с Мужем.)

Стрелок. Он же баба, каким способом ты с ним будешь жить? А-ха-ха-ха! (Оглушительно хохочет вместе с Племянником.)

М у ж. Тихо... тихо... Главное, тишина. Тишина... Ведь трава, деревья растут из земли без всякого шума. Ребенок лежит в чреве матери тихо, тихо. И даже если приложить ухо к животу, то и тогда можно не услышать стук его сердца. Трамвай должен ехать по рельсам осторожно, чтобы не лязгать. И главное, водитель не должен звонить. Главное, не звонить... Любите меня тихо, но если вы меня ненавидите, постарайтесь не слишком шуметь при этом. Я готов принять всякие обидные слова, если вы их хотите сказать, но при этом мне вовсе не нужен ваш голос. Я все пойму по губам. Не надо кричать. Тихо... тихо... Тишина...

М а м а ш а. Я иду к тебе на цыпочках. (Тихо подходит к Мужу.)

Стрелок. И ты туда же, сумасшедшая старуха?

П л е м я н н и к. Тетя, к нам, к нам!..

М а м а ш а. Серый волк тебе тетя! (*Мужу.*) Держись, слюнтяй, мы с тобой!

Стрелок (*Племяннику*). Вот, три бабы на мою голову. Три грации! Ха-ха-ха!

Племянник записывает.

Черт с вами! Оставайтесь здесь, в этой плохой квартире, живите, плодитесь, размножайтесь, пока кто-нибудь не промахнется прямо в вас. (*Собирается уходить.*)

П л е м я н н и к. И я с вами...

Стрелок. Ни шагу!

П л е м я н н и к. Почему? Я уже многому научился.

Стрелок. У тебя плохая наследственность.

Тем временем Муж подходит к столу, берет со стола письмо, распечатывает его, читает.

(*Замечая это.*) Положи письмо!

М у ж (*Стрелку*). У меня для вас новость.

Стрелок. Для меня?

М у ж. Для всех. И для вас.

Стрелок. Ну?

М у ж. Нам дают новую квартиру.

М а м а ш а. Ей-богу?

Ж е н а. Шутишь...

Стрелок. Черта с два вам дают!

М у ж. Значит, мы уходим отсюда. О господи! Как сразу все стало просто и смешно! А этот-то, этот...

(*На Стрелку.*) Ну прямо оперетта, да и только.

Стрелок. Ты у меня поговори...

М у ж. Тихо! Теперь мы от вас не зависим.

Стрелок. Что, так-таки и уйдете?

М у ж. Так-таки!

Стрелок. Ну, бросьте, бросьте. Оставьте вашего дорогого папуся? Неужели обиделись?

М у ж. Теперь вы нам нужны...

М а м а ш а. ...как утопленнику акваланг.

Стрелок. Ну зачем так грубо, мамаша? Я вам не нужен, понимаю, но вы мне нужны. И вовсе не для каких-то там корыстных целей. Нет! Думаете, мне с ними (*жест в сторону барьера*) интересно? Грубые солдафоны! Тупицы! А я тянусь к вам. Мне с вами хорошо. Вы, простые люди, соль земли. Вы даете жизнь всему, и все существует ради вас. Я горжусь вами

каждый день. Кем я буду гордиться каждый день, когда вы уедете? Не оставляйте меня без идеала. Без идеала я прямо как без... без личного оружия. Не уходите, мои хорошие, мои дорогие, мои милые... Не разрушайте мою веру в разумное, вечное, доброе. Я к вам уже так привык, притерся, примелькался. Правда, мамаша?

М а м а ш а. Молчать, негодяй, или я тебе кишки на шею перемотаю!

С т р е л о к. Извините, папаша.

М у ж. Не втравляться, главное, не втравляться! Как я не понял этого раньше! Втравился — все, пропал. Вот дети, они в этих случаях поступают гораздо умнее нас, взрослых. Они говорят: «Я с тобой не вожусь. Я с тобой не играю». (*Стрелку.*) Эй ты, супер-пупер, давай померяемся силой — кто кого.

Стрелок быстро засучивает рукав, обнажая волосатую руку, ставит локтем на стол, рядом с рукой Мужа. Муж убирает свою руку.

А я с тобой не играю. А я с тобой не вожусь. Ну, борись с воздухом. Гни его к столу!

Стрелок хватается за винтовку.

И обратите внимание. Он мне ничего не сделает. Потому что я нужен ему живой, он не теряет надежды, что я все-таки стану с ним играть в его дурацкие игры.

С т р е л о к. Может, сражнемся?

М у ж. Во, видели? Ведь вся его жизнь имеет смысл только тогда, когда я — да! — сопротивляюсь. А если я хочу — нет? А если в один прекрасный момент я говорю: «У меня своя компания, а у тебя своя. У меня своя квартира, а у тебя своя». Надо уходить, пока есть куда. Не втравляться!

Ж е н а. Кстати, куда мы уходим?

М а м а ш а. Ну-ка посмотри, какой там адрес указан?

М у ж. Сейчас... Минуточку... Вот (*читает письмо*): «Вы должны понимать, что жилищный кризис еще не покинул нас. Поэтому пока вам представляется помещение не ахти как удобное для жилья, но все-таки ничего. Уверены, что вы привыкнете. Ведь вам не привыкать. Ваш будущий адрес: Овальная площадь, 43».

Ж е н а. Овальная, 43... Что же там такое?

М а м а ш а. Овальная, 43... Да это же баня!

Ж е н а. Баня?

М а м а ш а. Ну да! 42 — планетарий, а 43 — баня. Я там даже мылась пару раз. Очень хорошее помещение, высокие потолки, чисто. Немного влажно, но зато абсолютная гигиена и никаких мух. И планетарий рядом. Какое удобство для хозяйки!

М у ж. Вот и прекрасно! Едем! Эй, свистать всех наверх! Вязать узлы! Гоп-ля! *(Одним махом связывает концы скатерти так, что внутри оказывается все, что было на столе.)* Ну, что носы повесили?.. Впереди столько всего!.. Новоселье затем... Пирог там всякие, винишко, танцы-банцы, лац-тац...

С т р е л о к. Постойте, постойте! Ну зачем вам идти в эту баню? Я бы в жизни туда не пошел.

М а м а ш а. То-то ты в грязи весь. Пойду собираться. *(Выходит.)*

С т р е л о к. Если вам так уж хочется каждый день мыться, я готов оборудовать вам ванну здесь, в этой квартире. Я пойду на затраты.

М у ж. Ну что вы, что вы, мы не станем вас разорять.

С т р е л о к. Да вы меня сейчас пускаете по миру! Можно считать, что я уже лишился всей клиентуры. Ну кому, скажите, кому интересно палить по фанеркам? Ни одной живой души в тире...

Ж е н а. А вы попросите его. *(Указывает на Племянника.)* Он очень хотел пожить здесь. *(Племяннику.)* Оставайся, романтик!

С т р е л о к. Мне бабка, бабка нужна! *(Делово осматривая Племянника.)* Но и ты сойдешь на худой конец.

П л е м я н н и к. Дело в том, что я спешу... У меня поезд... Час тому назад ушел... Как бы не опоздать...

М а м а ш а. Эх ты, вояка!

П л е м я н н и к. До свидания! Я обязательно приеду к вам на новую квартиру.

М у ж. Приезжай, приезжай. Заодно и помоешься.

П л е м я н н и к. Очень остроумно. Можно записать?

М у ж. В поезде запишешь.

Ж е н а. Который ушел час назад.

Племянник убегает.

Ну вот. Барахлишко готово. Можно двигаться.

М у ж. А где мама?

Ж е н а. Она переодевается.

Стрелок. Ну так что, может быть, на чем-нибудь сойдемся?

Муж. Нет. Разойдемся! Если вас когда-нибудь будут гнать с хорошей квартиры, можете поселиться здесь.

Жена (за кулисы). Мама, догоняйте! (Стрелку.) Чао!

Муж и Жена уходят.

Из-за кулис выходит Мамаша. Она в строгом, молодящем ее брючном костюме. В руках у нее — старое платье.

Мамаша (протягивает платье Стрелку). Возьмите. Оно вам так нравилось. (Снимает со стены портрет своего мужа.)

Стрелок поднимает на нее винтовку. Мамаша закрывает свое лицо портретом так, что теперь перед нами женщина с головой бравого офицера.

К ноге!

Стрелок автоматически выполняет приказ.

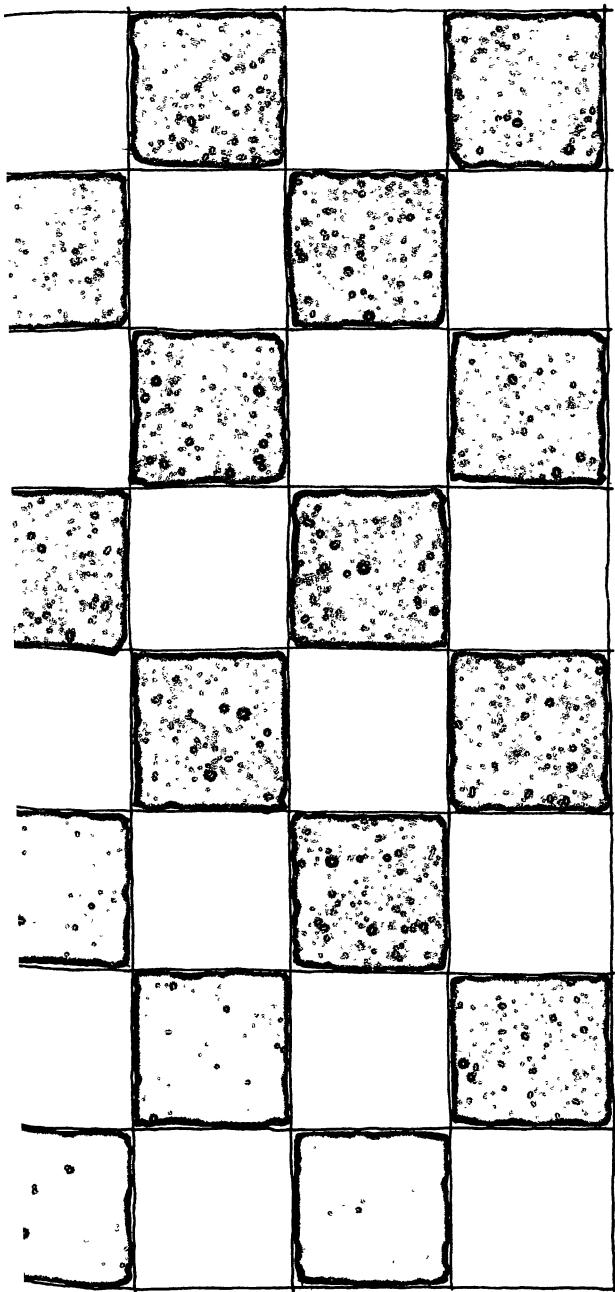
Стоять смирно! Счастливо оставаться!

Стрелок. Ура!..

Мамаша уходит. Стрелок мгновенно приходит в себя. Смотрит в сторону барьера — в его глазах ужас.

Стойте, стойте, не расходитесь! Умоляю вас! Тир продолжает свою работу! Все остается на местах. Внимание! Сейчас... Смотрите сюда! Фокус-покус! Але-гоп! (Одним движением напяливает на себя Мамашино платье.) Вот вам и старушка! Прошу вас! Ничего не изменилось! Жизнь продолжается! Ну-ка, огонь! Пли! Тир продолжает работу! Ну! Огонь! (Выстрел.) Хорошо! (Выстрел.) Отлично! (Выстрел.) Прекрасно! (Выстрел.) Великолепно! (Выстрел.) Изумительно!! (Выстрел.) Я спасен!!! Я спасе-е-ен!!! (Выстрел. Выстрел. Выстрел...)

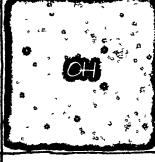

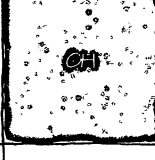

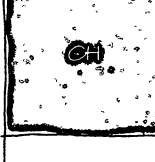

Стрелок стоит на сцене так, что его голова расположена последней по линии уток-мишеней на заднике, которые начиная с первой переворачиваются с каждым выстрелом. Таким образом, когда идет занавес, до Стрелка остаются две-три неперевернутые утки.

МОРОЗ

ГЬЕСА
В ОАНОМ
ДЕИСТВИИ

ДЕЙСТ-
ВУЮЩИЕ
ЛИЦА:

	СЫН		СЫН
СЫН		СЫН	
	СЫН		СЫН
СЫН		СЫН	
	СЫН		СЫН
СЫН		СЫН	
	СЫН		СЫН
СЫН		СЫН	

Скупыми театральными средствами обозначена комната. На переднем плане — небольшой стол. На нем стоят телефон, шахматы, картотека, графин с водой, стакан... Телефон долго звонит. К телефону подходит тот, кого в дальнейшем мы будем называть О н.

О н. Алло! Ты, Николай? Ничего не слышу... Трещит что-то. Дай перезвоню.

Кладет трубку. Уходит за кулисы.
Снова звонит телефон. Появляется О н, натягивая на ходу домашнюю куртку. Поднимает трубку.

О н. Сказал, перезвоню. Имей терпение.

Кладет трубку. Застегивает куртку на все пуговицы. Звонит телефон. Он берет трубку.

О н (*подделываясь под женский голос*). Родильный дом слушает. У вас девочка — вес 72 кило, рост метр восемьдесят, глазки красненькие, усы рыжие. А кто говорит — отец или мать? (*Нормальным голосом.*) Ты, Николай?.. А кто?.. Куда звоните?.. В родильный дом? Не туда попали.

Кладет трубку. Набирает номер.

О н. Николай, это ты, наконец? Ну, чего? Не могу. Я все помню. Ты знаешь, какой мороз на дворе? Так вот посмотри на градусник. В комнате-то у меня тоже двадцать, а ты взгляни на тот градусник, что за окном. Нет градусника? Тогда приходи ко мне, покажу. Ага, не хочешь... Значит, ты свой нос боишься отморозить, а на мой паяльник тебе наплевать... Это тебе черт с ним, с носом, а мне он дорог как подарок от мамы в день рождения. Вообще, чтобы ты знал, в связи с последними достижениями науки роль носа резко повысилась. Сердце уже научились пересаживать, а носы еще нет. И, кстати, отлично, что не пересаживают. Сердце у тебя свое, чужое — никто этого не видит. А представь, на твоём лице появляется другой нос. Тут же получается непохожая фотография в паспорте, а раз так, документы надо менять, и начинаешь ты новую жизнь. Хорошо еще, если нос приличный попадетсЯ... Значит, не приду. Да ты не обижайся, не обижайся! Во, обиделся... Ну, договаривались, договаривались... Вчера договаривались, а сегодня мороз. Но это не значит, Николай, что пропали наши планы на сегодня. «План» для нас — святое слово. И в экономике, и в личной жизни. Я слы-

шал, там, наверху, разрабатывают сейчас глобальный план вплоть до конца света и на более отдаленную перспективу. Но когда это будет!.. А то, что у нас с тобой было намечено, мы выполним сегодня, сейчас. Что было намечено? Встреча друзей? Сейчас будет встреча друзей! Ну, хорошо, встретились, а что дальше?.. Пропустить по рюмочке? Отличная идея! Я уже наливаю. *(Имитирует бульканье жидкости.)* А ты чего же?.. Нет бутылки? Бедняга! А закуска, закуска-то есть?.. Давай так — моя выпивка, твоя закуска. Идет? Ну, поехали! За встречу! *(Делает вид, что выпивает.)* Уф! Хорошо пошла... Давай скорей твою колбаску! Нет-нет, сиди дома. Ты что, по такому морозу с колбасой!.. Ты мне лучше расскажи, я пойму, я понятливый... Какая она — вареная, копченая?.. Сыро, твердо?.. Да подробней, подробней — душа после рюмки горит... Нет, сказал, не приду. Такой мороз! Да у меня и дверь-то не открывается — заиндевила вся, замок от холода прокалился, не проворачивается. Сиди, сиди у себя... Зачем трубку бросать? Стой — еще идея! Давай в шахматишки сгоняем! Даже интересно по телефону. Я будто бы поселок Мирный, а ты пионеры подмосковной исправительно-трудовой колонии. А? Мысль! А ты раскис. Телефон, брат, великая вещь. Все по нему! Чего не знаешь — позвони 09, заснуть не можешь — тебе сказку по телефону расскажут, скучно — набери телефон доверия, весело — набери любой телефон, скажи, из КГБ звонят... Телефон на все случаи жизни! Все проблемы можно решить заочно. А кому нужно твое прыщавое лицо разглядывать?.. Кстати, ты не замечал, что голоса людей гораздо красивее их лиц? Ну, поехали! Вернее, пошли. Кто первый ходит?.. В какой руке?.. В левой? Молодец! Твои черные, я хожу. Е2 — Е4. Сильный ход?.. Ну обдумывай, обдумывай. А я пока экзамен сдам. Нет, никуда я не пойду — мы в связи с морозами по телефону сдаем... Как же, как же, ни черта не подсмотришь! Профессора тоже умные — вместо экзамена тест ввели. Сам не знаю, что это такое. Сдам, расскажу. Ты помнишь, как я пошел — Е2 — Е4. Ну думай!

Кладет трубку. Набирает номер.

О н. Иван Алексеевич? Здравствуйте, Иван Алексеевич! Я готов. То есть совершенно не готов. Я понимаю, что это бессмысленно. Как себя чувствую? Нор-

мально чувствую. Психофизический аппарат? В порядке... Присел... Выпрямился... Вдохнул... Выдохнул... Отвечать не задумываясь? Есть отвечать не задумываясь! Ваш вопрос — мой ответ? Слушаю... 36. Два пи эр. Пламя, вымя, семя, знамя. В марте 1953-го. Длинноше-е-е. По диагонали. Взболтать и добавить серной кислоты. Куба? Си! Янки? Но! Ту, что с краю. Плюс электрификация всей страны. До села Чугуева. Так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы... Присел... Выпрямился... Вдохнул... Выдохнул... Постойте, постойте, Иван Алексеевич! А диплом? На улице мороз... Как я его получу? Так... так... Достал бумагу... перо... Пишу: «Настоящий диплом выдан такому-то, такому-то в том, что он является специалистом широкого профиля с узкой специализацией и включается в систему «Знаете ли вы, что...». Личный номер 173». Профессор... Иван Алексеевич, а ваша подпись?.. Как? Самому?! Что вы, мне неловко... Я никогда... Нет, я вовсе не намекаю, чтобы вы ко мне приехали. Я просто не умею... Хотя бы подскажите, как выглядит ваша подпись. Ага... так. Значит, точка, точка — два крючочка, носик, ротик... погодите, погодите, я не успеваю... оборотик, палка, палка, огурчик... Спасибо, Иван Алексеевич, за то, что вы сделали меня человеком. Теперь я не пропаду ни при каком морозе.

Кладет трубку. Два коротких звонка.

О н. 173-й слушает... (*Быстро вынимает из карточки карточку, читает.*) «Клуб неторопливых основан в штате Нью-Джерси. Члены этого клуба читают газеты двухнедельной давности. Они утверждают, что после этого срока плохие известия уже никогда не огорчают, а хорошие всегда остаются хорошими. Они не слушают радио, не смотрят телевизор и отмечают только каждый двадцатый день рождения. Их гимном является «Неоконченная симфония». На значке членов клуба изображена улитка». 173-й ответ закончил.

Кладет трубку. Повязывает шарф на шею. Набирает номер.

О н. Позовите, пожалуйста, Симу Сергеевну. Она сможет подойти? Скажите, сын просит. Ее сын. Мама, мама, поздравь меня! Да, и диплом на руках. Отметить действительно надо, но, мама, такой мороз... И все сильнее становится. Ты же знаешь, у меня гланды...

Как удалили? А что же мне не удалили?.. Ах, аппендицит! Ну, значит, я перепутал. Всю жизнь думал, что у меня в горле болит, оказывается, это в животе... Но все равно, ведь и на аппендицит мороз плохо влияет. Правда? Ну вот. А как ты? Ну ничего, ничего, главное — потеплее укутайся. От тепла все пройдет. Как ты меня учила — ноги в тепле, голова в холоде, а живот в голоде... Кстати, как у вас насчет этого?.. Главное — это тепловой режим. Сейчас же завяжи горло шарфом. Тем, помнишь, моим розовым... В те годы это еще не называлось «мохер», но когда ты заматывала меня в этот шарф, мне было очень тепло. Гораздо теплее, чем сейчас. Если будут какие вопросы, звони — отвечу. Я теперь специалист.

Кладет трубку. Два коротких звонка.

Он. 173-й слушает... «По утверждению шведского ученого Тогда Эразма, самое болтливое существо на свете — четырехлетний ребенок. Он произносит ежедневно около 12 тысяч слов, хотя осмысленно использует не более 920». 173-й ответ окончил.

Кладет трубку. Звонки. Снимает трубку.

Он. Алло. Да, это я. Татьяна! Почему я тебя не узнал? Что с тобой? У тебя какой-то странный голос. Ну, слава богу! Почему так долго не звонила? Да, я все забываю спросить, как ты добралась тогда? Ну, тогда... Помнишь? Мы у меня были. Я еще говорил: «От меня такси всегда поймает», — а они проезжали и проезжали мимо. Ну! Я таксистам рубль издалека показывал, а они мне из-за своих баранок десятками помахивали. Нужен им мой рубль!.. Наконец, помнишь, поймал поливальную машину. Помнишь? В кабине было одно место, и ты поехала без меня. Я, конечно, мог бы залезть в цистерну с водой. Но ты же знаешь, я не умею плавать. Пока доехали, я бы утонул. Или замерз в этой чертовой цистерне. Тогда еще было лето, но уже начались морозы. Как добралась? Шофер не приставал? А то знаешь, у нас на старой квартире соседка вот так ехала однажды на такси. Она ее, шофер, довез до дома, часть по чести. Денег не взял. А у нее через девять месяцев — бац! — ребеночек. Но она баба ушлая — номер машины не забыла записать и по номеру ребеночку отца нашла на одной стоянке. Свадьбу сыграли, слышишь, в столовой

таксомоторного парка. Потом, правда, выяснилось, что подвозил соседку домой не тот, который мужем стал, а его сменщик. Ну, свадьбу переигрывать не стали. Просто поменяли смены. Ты чего молчишь? Почему не смеешься? Или вот еще случай... Ты что, смеешься?.. Что?! Поменьше надо в такси ездить. Серьезно? Ну извини, я думал, ты шутишь... Так, что теперь делать будем?.. Ну надо же что-то делать... Я не готов. Да и ты тоже. И потом, такие морозы, ребенку просто гибель. Нет, нет и нет. Пока не поздно, я говорю: нет. В конце концов, я отец. Решать судьбу ребенка мне, и я говорю — нет! Я боюсь?! Это ты, ты боишься. Слушай, можно же под наркозом... У меня есть один телефончик. Тебе он и не нужен, я сам позвоню. Я все возьму на себя, ты мне для этого дела вовсе не нужна... Ну, разумеется, на последнем этапе тебя придется подключить. Неужели тебе хочется стать матерью-одиночкой? Мне, например, не хочется. Я не желаю становиться отцом нового человека! Да! Я не боюсь это сказать. И пусть это слышат все, включая Бюро по вопросам народонаселения при Организации Объединенных Наций. Оно-то меня оправдает! Я бы на месте этого бюро ввел такой закон: чтобы женщины платили алименты мужчинам, которые постарались предотвратить последствия любви. Ты слушаешь? Алло! Где ты? Дослушай до конца (*достает карточку из картотеки*) и ты поймешь: я поступаю из принципа, а не из трусости. Ты знаешь, сколько на Земле людей? (*Читает карточку.*) 3 миллиарда 308 миллионов! Если сохранятся нынешние темпы, то к 2000 году человечество превысит 7 миллиардов. А что ты слышала о демографическом взрыве? Да ты не плачь, не плачь, я тебе расскажу. (*Читает по другой карточке.*) «Демографический взрыв — это резкое ускорение численности населения, происшедшее после второй мировой войны». Поняла? Значит, что мы имеем на сегодняшний день? Рождается каждый год 125 миллионов человек, а умирает всего только шестьдесят. Наша с тобой задача сократить этот разрыв на одного человека. Не варварским методом увеличения смертности, а гуманным путем сокращения рождаемости. 173-й ответ закончил.

Кладет трубку. Два коротких звонка.

О н. 173-й слушает... «На земном шаре проживает 3 тысячи лилипутов. Сорок процентов лилипутов соче-

таются браком с нормальными людьми. Интересно, что дети от таких браков — высокого роста. Английские карлики Роберт и Джудиф Скиннер произвели, например, 14 детей нормального роста. Самым маленьким лилипутом считается Хуан де ля Крус. Его рост — 48 сантиметров». 173-й ответ закончил.

Кладет трубку. Неподвижно склонился над картотекой. Вдруг вскакивает как ужаленный и начинает метаться по сцене. Бросается к телефону. Судорожно набирает номер.

О н. Татьяна! Татьяна!.. Какой же я дурак! Что я тебе наговорил! Все это чепуха, слышишь, чепуха! Неудивительно, что ты бросила трубку. Надо быть полным кретином!.. Цифры, которые я называл, относятся к 1965 году, и это не считая 3 тысячи лилипутов. Вот теперь все точно!

Кладет трубку. Два коротких звонка.

О н. 173-й слушает... «Маленькими слабостями обладали многие великие люди. Например, Диккенс, написав каждые пять — десять строчек, выпивал стакан горячей воды. Бетховен верил, что бритье лишает его творческой удачи, поэтому подолгу ходил небритым. Гёте работал в наглухо закрытой комнате без доступа каких-либо звуков и даже воздуха». 173-й ответ закончил.

Звонок.

О н. Алло! Да, это я. Кто — я? Ты что, старик, не узнаешь своих лучших друзей и их лучшие ходы — е2—е4?.. А-а-а, сразу вспомнил! Нехорошо, старик, нехорошо... При чем тут голос?.. Так что ты скажешь в свое оправдание?.. Фе2—е6... Неожиданно, неожиданно. Я бы даже сказал, парадоксально. Дездемона задушила Отелло, Волга выпала из Каспийского моря, в магазин № 16 завезли парную телятину... Тут думать надо, думать... Слушай, Николай, у тебя дети есть?.. Серьезно?! Сын, дочь? Поздравляю, дружище! Как назвал? Чудное имя. В тебя, в нее? Это хорошо, когда в отца, хотя девочке лучше в мать. Будет у нее твой нос — век в девках ходить. Глаза твои. Интересно, как эти дети себе что получше выбирают? Казалось бы, сидят в темноте, отца-мать не видят, а появляются на свет божий, глядь — урвали самое что ни на есть доброкачественное. Ну а уши, уши-то, конечно, как у тебя — ребром к

голове приделанные?.. Да не кипятись, не кипятись. Верю, что не такие, на слово верю. Пришел бы, проверил, но, Николай, — мороз. В такую погоду хороший хозяин собаку из дому не выгонит. А я сам себе и хозяин и собака. Неужели в холодину на улицу попрусь?.. И потом, Николай, ты только выигрываешь от того, что мы друг друга давно не видели. Ты-то небось уже и полысел и растолстел, может, даже шрам поперек лица имеешь, а мой Николай все такой же — молодой да зеленый. Так с последней встречи и запомнил тебя — лежишь голенький на пузе и в воздухе ножками дрыгаешь. Да и я уже не тот. Годы, брат, годы... От мороза уберешься, а они, годы, тебя изнутри съедят. Но все-таки, Николай, слышишь, жизнь прекрасна! И она тем прекрасней, чем меньше мы с ней соприкасаемся. В своей фантазии как хочу, так и представляю себе мать, друга (это я про тебя, Николай), жену, ребенка... Но стоит взглянуть на них — и сразу эти чистые понятия сведутся к горбатой старухе, плешивому мужику, рыхлой женщине и бледному ребенку. Что?.. Да, у меня есть ребенок. Мальчик или девочка? Как тебе сказать... Я их люблю. Да нет, не двое. Просто я люблю своего ребенка, кем бы он ни был. Впрочем, тебе этого не понять. В твоей жизни все было просто. Дитя родилось под боком и никаких хлопот не составляло узнать пол. Ты приподнял одеяльце — и пожалуйста, ответ на все родительские вопросы. Мне сложнее — мой ребенок родился совсем по другому номеру телефона. Опять ты за свое!.. От того, что я в один прекрасный момент появлюсь у них, пострадает только ребенок. Приду с мороза, нанесу с собой холода, а у него гланды, наверняка в меня. А уж аппендицит-то обязательно... И вообще ты пошел в2 — в4, а я с7 — с5. Все.

Кладет трубку. Два коротких звонка.

Он. 173-й слушает... «Самым упрямым человеком является 95-летний житель города Ковентри Артур Арч. Он считает, что жизнь в мире спешит на 20 минут. Как известно, в 1922 году все часы в Англии были передвинуты на двадцать минут вперед. С тех пор Арч не может с этим примириться. Его шесть раз увольняли с работы за опоздания. Он ни разу не смог успеть на поезд, так как тот уходил всегда на 20 минут раньше». 173-й ответ закончил.

Кладет трубку. Набирает номер.

О н. Татьяна, ты?.. Мороз, какой морозище... У вас как там, тепло? Рефлектор бы купили. Денег вышло. Как ребенок? Ничего... Укутан? Как ты сказала — укутан? А одеяльце голубое?.. Значит, мальчик. Мальчик — это хорошо, это вроде как бы сын. Головку держит? Говорит уже?! Ну-ка, попроси этого мужчину к аппарату. Эгей! Вернее — агу!.. Агу-гу-гу... Гу-гу-гусеньки... Скажи: па-па. Ну. Папа, па-па... Так просто. Один раз «п» и другой абсолютно так же. Ну, па. Так, хорошо. Теперь опять — па... Ну!.. Что ты говоришь? Почему зимой холодно, а летом тепло? Видишь ли, земля вращается вокруг солнца и вокруг своей оси... Ах, это вы уже по географии проходили... Отметки-то какие? Молодец! Учись на пять — матери помогать будешь. Она дома? А где же? В отпуске? А куда уехала? На юг? В такой мороз! Сумасшедшая!.. Я говорю, так и надо. Живем один раз. Это я, старый дурак, еще ни разу в отпуске не был. Да и зачем мне? Я не устал. Если разработать для себя правильный тепловой режим, всегда будешь бодрым и веселым. Ведь вся усталость от перепада температур. По физике проходили? Сидишь ты, положим, дома и вышел на улицу — вот и устал. А домой возвращаться — второй перепад, чуть на ногах стоишь. Сразу тебе отпуск нужен, море, юга разные, а ведь там еще жарче. Вот тебе и снова перепад. Что?.. По физиологии проходили... А почему ты в медицинский не пошел?

Кладет трубку. Два коротких звонка.

О н. 173-й слушает... «Рыбка, название которой дается, водится в водоемах Чукотки, промерзающих до самого дна. Зимой эта рыбка замерзает вместе с водой, вмерзая в лед, а летом оттаивает. Суровая ледяная купель несколько не вредит рыбе, она приспособилась и прекрасно чувствует себя в полярном климате». 173-й ответ закончил.

Кладет трубку. Два коротких звонка.

О н. 173-й слушает. Кто говорит? Почему по служебному телефону? Ах, это ты, 172-й... Привет! Ну конечно, помню, помню. Вместе же учились. В лицо-то я ни разу тебя не видел. На улице встречу, не узнаю, а вот по телефону всегда определю. Впрочем, как мы можем встретиться на улице, когда такие морозы? Так что лучше звони мне, коллега 172-й, звони. Твой голос мне прия-

тен. А вот интересно, какие у тебя глаза? Нет, нет, не говори!.. Я сам отгадаю. По-моему, они у тебя... коричневые. А, угадал? Нет? Серые... Промашка. Ты не удивляйся, у меня хобби такое — по голосу глаза угадывать. Есть у меня один знакомый человек... Голос у него похож на твой, а глаза коричневые. Правда, этот человек женщина. Чего звонишь, 172-й? Давай твое дело... Поздравляю! Невеста молодая? Это не страшно. С молодой — гулять, со старой — жить. Ты сам-то, судя по мне, не мальчик. Ребеночка-то успеете сделать? Уже есть? Подсуетился, значит, 172-й!.. Не твой... А чей же? Вот и хорошо, а то, если б знал, пришлось отношения выяснять, морду бить, подлецу. Жить где будете, молодежь? Обмен... Дело нехитрое. Ага! Тройной обмен — это посерьезнее. Значит, у тебя комната... у нее комната... А третий кто?.. Я?! То есть как я?.. Я в ее комнату... а дальше?.. так... так... так... — и вы в однокомнатной квартире. Дело за мной?.. Ну что ж, 172-й, я в принципе не прочь. Только вот я без телефона не могу. У нее тоже телефон... Но я здесь уже привык, понимаешь, у меня справа — дверь, слева — окно, посередине — стол... Ты что, какие деньги! Мы же друзья! Святая дружба! Я рад за тебя. Женитьба — это же раз в жизни бывает... ну два... как максимум три... от силы четыре... ну пять — это предел... короче, не каждый день. Но только сам посуди, тебе одно удовольствие, а мне съезжать, переезжать, на новом месте устраиваться... Не по-товарищески поступаете, 172-й, не по-товарищески... Понимаю, последний шанс... А почему ты к другим не пристаешь? Значит, если я одинокий, меня можно туда-сюда обменивать, переменять... И потом, 172-й, я тебе самую главную причину не сказал. Какую? Ой-ой-ой, подожди... молоко сбежало... Позвони минут через десять.

Кладет трубку. Набирает номер.

О н. 174-й? А это 173-й. Привет. Помнишь?.. Ну, хотя бы по голосу... Ты когда-то говорил, что мой голос тебе приятен. Вот я и звоню. Слушай, вопрос у меня. Это по твоей части. Скажи, пожалуйста, этот мороз надолго? Что значит — какой мороз? Тот, который за моим окном... и за твоим, между прочим, тоже. Ты не хочешь о них говорить? Или, понимаю, не можешь... А что, есть установка не говорить об этом?.. Да ты не кипятись, не кипятись, я все понял... Я думал, мне ты можешь ска-

зять, вместе учились, в одной системе работаем... Нет, что ты! Я тоже холода не чувствую. И мне тоже жарко! (*Кутается в плед, даже разыскал меховую шапку.*) И мне душно... А про мороз я уже и забыл. И ты тоже?.. (*В сторону.*) Даже помнить о них запретили... Значит, надолго. (*В трубку.*) Спасибо, старик! Ты меня подержал. Все хорошо! И вообще скажем спасибо, что сейчас не тридцатые годы... и не сороковые... и не пятидесятые... и не шестидесятые... и не семидесятые...

Осторожно кладет трубку. Набирает номер.

О н. 172-й? Это 173-й. Так вот, 172-й, я согласен. Погоди благодарить. Выслушай до конца. Дело в том, что у меня гланды и врожденное воспаление среднего уха. Короче, пока не кончится этот проклятый мороз, переезд исключен. Как станет тепло, пожалуйста: вы — туда, я — сюда. Про какие я морозы говорю? Ты-то хоть не придуривайся, 172-й! Я понимаю, тебе не терпится со своей кралей съехаться. Кровь кипит, вот и мороз не заметен, а у меня кровь не теплая, для меня мороз — гибель. А-а-а, я тебе скажу, почему ты так испугался — потому что знаешь, что мороз надолго. А зачем врешь, что его нет? И ты, и 174-й врете! Я, я один знаю точно про мороз... Да не отказываю я, 172-й, только погоди (*читает по карточке*), ведь «сегодня 23% населения земного шара не имеют своего жилья, а 7% проводят ночлег под открытым небом». 173-й ответ закончил.

Кладет трубку. Звонок.

О н. Алло! Слушаю! Мама, ты? Как я рад! Как я рад, что ты позвонила! У меня как раз сегодня хорошая новость — я решил ничего не менять в своей жизни. А что у тебя? Говори громче... Не можешь? Почему не можешь? Ах, я же говорил, укутайся... Что с тобой? Не говори «прощай», не надо «прощай» — только «до свидания»! Я сейчас приеду! Я приеду сейчас! Я уже одеваюсь. (*Натягивает пальто.*) Может быть, ты просто устала? От перепада температур. Я же говорил, укутайся... Все от мороза, от перепадов... Я иду, я иду... Я уже надел шубу, ведь мороз как зверь. Трамваи, наверное, не ходят, придется пешком... Нет-нет, не отговаривай меня. Мы столько не виделись! Ты меня даже можешь не узнать... Я-то? Я-то узнаю, я же видел тебя взрослой, а ты меня вот такого не видела. Ну ничего, я, когда вой-

ду, назовусь, фамилии у нас одинаковые... Шапка куда-то запропастилась... Черт с ней! Пойду без шапки... Нет-нет, не отговаривай меня. Мама, я не маленький! Я буду бежать к тебе быстро, расталкивая замерзших в воздухе птиц. Можно мне петь веселые песни на бегу? Я понимаю, что это сейчас неуместно, но я должен чем-нибудь взбодриться, иначе я просто замерзну. Кстати, мама... мама... Мама! Где ты?! Не говори, не говори, тебе вредно говорить. Я сам спрошу тебя. Ответь только — да или нет. Мама, вспомни, болел я воспалением среднего уха? Это я к тому, что побегу без шапки... Нет-нет, не отговаривай меня, я уже бегу. Хорошо, хорошо, я заткну уши ватой. Я сейчас, я сейчас... Нет-нет, не отговаривай меня. Я должен тебя посмотреть. Ведь всех остальных я еще увижу... Кончатся же когда-нибудь эти морозы, и мы... слышишь, мама... мы с тобой выйдем погулять, как прежде. Только все будет наоборот — ты будешь маленькая, а я большой, и, если ты захочешь мороженого, я тебе его обязательно куплю... Впрочем, вряд ли нам захочется мороженого после таких морозов... Лучше я куплю тебе сахар. Помнишь, такой воздушный, на палочку наматывается. Ты мне еще в Хосте покупала... Я не забыл! Но учти, если тогда будет даже тридцать градусов тепла, я тебя заставлю замотать шею шарфом. Тем, розовым, который сейчас на тебе, а раньше был мой, когда он еще не назывался мохером. И ты будешь... Почему не будет?.. Кто со мной говорит? Бывший доктор?.. Почему бывший?.. Ее бывший доктор... (Пауза.) Где ее похоронили? Я бы поехал с цветами, но где сейчас достанешь цветы?.. Кстати, раз уж вы доктор, мне бы нужно вырезать аппендицит. Нет, приехать я, как вы сами понимаете, не могу. Мороз, мороз... А, собственно, зачем я вам нужен? Мой аппендикс, как у всех, справа. Какой он, вы тоже знаете. Сто раз видали. Вы мне по телефону продиктуйте, что надо делать, а я все в точности выполню. Я понятливый. Что?.. Приготовить нож? Какой нож?.. Острый. Надо поискать. Доктор, я поищу, как найду, сразу звякну.

Кладет трубку. Два коротких звонка.

О н. 173-й слушает. «Слизистые гормоны, извлеченные из мозга умерших людей, впервые использовал для ускорения роста детей доктор Близзарт из города Мериленд. Один мальчик в возрасте 14 лет обладал ростом

восьмилетнего ребенка. После двухгодичных инъекций его рост достиг 150 сантиметров». 173-й ответ закончил.

Кладет трубку. Достает из стола нож. Набирает номер.

О н. Николай, ты? Почему не звонишь? Мы же не закончили партию... Николай, это ты?.. А почему у тебя такой молодой голос?.. Сколько, сколько?! Восемнадцать лет. Здорово! А где папа? *(Пауза.)* Давно?.. Я был его лучшим другом. Мы были с ним неразлучны всю жизнь. Куда он — туда и я, куда я — туда и он. Всю жизнь. При этом практически не выходя из дома. Впрочем, вам, молодежи, этого не понять... Неужели он про меня ничего не рассказывал? Что-что? Что просил передать? Кс2 — в4... И все?.. Хороший ход. Еще один такой, и я проиграю...

Кладет трубку. Два коротких звонка.

О н. 173-й слушает... Иван Алексеевич, здравствуйте! Как я рад, что вы мне позвонили!.. Конечно, конечно, помню. Я и не мог вас забыть. Путевку в жизнь из ваших рук получил. Что где? Путевка?.. Ах, вы диплом имеете в виду? Вот он, всегда при мне. *(Достает диплом.)* Положил перед собой. Взял ручку. Так. Левый верхний угол соединить с правым нижним? Соединил. Теперь правый верхний угол соединить с левым нижним? Готово! Профессор, что я наделал, вернее, что вы наделали! Мой диплом перечеркнут крест-накрест... Что это значит?.. Пенсия... Выведен из сети... Профессор, но мне смешно слышать о пенсии. Я еще — ого! — какой здоровый мужик. Я очень сохранился. Всю жизнь я соблюдал тепловой режим и знаете как сохранился! Мне никто не даст моих лет. Ни один человек! Я законсервировался. Да и на консервах пишут: «Срок годности 12 месяцев». А я бессрочный! Когда ни открой — всегда свежий и годный к употреблению! Вы бы видели меня! Вы бы сказали: «Чтой-то за мальчик под ногами путается?» И отвесили мне легкий подзатыльник, как пацану какому, а я, ей-богу, я бы не обиделся. Раз молодо выглядишь, так и получай от старика, от почтенного старика... Я еще знаете на сколько звонков могу ответить?.. Моя картотека полна. Что? Информация устарела... А мне и подучиться не стыдно, переквалифицироваться не поздно... А? Можно я сотру крест на моем дипломе, Иван Алексеевич?.. Что

же мне прикажете делать? Знаете ли вы, профессор, вы наверняка этого не знаете, какое оригинальное занятие я нашёл для себя (*читает по карточке*)... «76-летний работник щещининского музея Западного поморья Стефан Сея? Он вырезает из липового дерева воинов польского кроля Мешко I. В его квартире уже собрана целая коллекция лучников и мечников первого исторического правителя». Может быть, мне тоже заняться резьбой по дереву?.. У меня даже нож припасен. Но он мне потребуется совсем для другого дела, совсем для другого... 173-й ответы закончил.

Кладет трубку. Набирает номер.

О н. Татьяна, Татьяна!.. Позовите Татьяну. Выехали? Куда? И номера телефона тоже не знаете? У нее был сын... Такой крепкий парень... (*Достает зеркало, смотрит в него.*) С голубыми глазами, нос, правда, немного набок... Тоже выехал. Скажите, а у него действительно были голубые глаза и нос набок? Не разглядели? Я понимаю, понимаю... У них много было вещей, когда они переезжали? Это уж вы должны были заметить... А кто помогал перевозить вещи? Простите еще раз, но мне крайне важно знать, может быть, они вам рассказали, что у них есть еще один знакомый мужчина, даже отец... Не говорили... И номера телефона не оставляли? Моего. Ну, чтобы вы изредка звонили мне... Действительно, зачем. Нет, не скажите, не скажите, я могу быть вам очень полезен. Вы, например, не знаете, что (*читает по карточке*) «американская компания «Америкэн телефон энд телеграф» сообщает, что в настоящее время в мире зарегистрировано 208 500 000 телефонов — вдвое больше, чем десять лет тому назад. Наиболее словоохотливыми в мире оказались канадцы: в среднем каждый из них говорит по телефону 664 раза в год». 173-й ответ закончил.

Кладет трубку. Набирает номер.

О н. Николай, ты? Это я. Тот, который играл в шахматы с твоим отцом. Я хочу сделать следующий ход. Я понимаю, понимаю, какие уж тут шахматы, если жена рожает. Конечно, конечно, я и не настаиваю... Уж больно ход хороший... Знаешь, д3 — д4... А? Что скажешь? Сынишка дедовы шахматы растащил? Не беда! Главное, смотри, Николай, чтобы в рот не тянул, а то, чего

доброе, съест коня. Ты знаешь, знаешь?.. Ты наверняка этого не знаешь. *(Читает по карточке.)* «В городе Тамбове мальчик проглотил вилку. Как потом выяснилось, проглотил ее для того, чтобы нечем было есть голубцы, которые он терпеть не мог». 173-й ответ закончил.

Кладет трубку. Набирает номер.

О н. Доктор, я нашел нож. К операции готов! Диктуйте... Это не доктор? А кто?.. Простите... У вас мужской голос. А где сейчас живет доктор? Нигде... Простите еще раз. Я думал, что у докторов этого не бывает. Каждую минуту столько пациентов под рукой... Всегда можно заменить себе больное сердце. А тут только на свои внутренние органы и рассчитываешь. Поневоле приходится беречься от всяких случайностей и перепадов температур. Ваш доктор самоохраной не занимался. Ведь вот я его однажды еле отговорил ехать ко мне в мороз на операцию. А другие клиенты, видно, тормозили, вот и дотормозили беднягу... Дорогая моя, я понимаю, вам нелегко сейчас, и заранее простите мой вопрос, но если вы были ему женой, может быть, так, в разговоре, слышали о моем аппендиците? Ну, как его вырезать... Мы с вашим мужем, когда он еще был жив, разумеется, договаривались об операции. Я даже нож достал... Ничего не говорил... Мой случай очень рядовой — у меня аппендицит справа, как у всех, как у вас. У вас нет. Вырезали. Так вы должны помнить: как вам это делали? Я бы все понял. У меня и нож припасен... Жаль. Мне очень нужна помощь. Нет, совсем не ноет. Но ведь заноеет когда-нибудь. Вот и ваш муж, когда со мной разговаривал, тоже ни на что не жаловался. Может быть, я могу вам чем-нибудь помочь? Чем-нибудь, что в моих силах. Знаете ли вы, например, где можно купить необитаемый остров? Тогда слушайте. «Необитаемый остров можно купить в Греции. В связи с тем, что многие туристы выражают желание жить в одиночестве, греческое министерство финансов опубликовало список двух тысяч небольших островов, которые сдаются внаем на 99 лет». 173-й ответ закончил.

Кладет трубку. Набирает номер. Видно, первый попавшийся.

О н. Девушка, послушайте: «Женщина, регулярно с 14 до 80 лет красящая губы, съедает за свою жизнь

6 килограммов губной помады». Можете подсчитать, сколько килограммов вам осталось.

Кладет трубку. Наобум набирает номер.

О н. Алло! «В лесах Белоруссии живет до 20 тысяч лосей, 40 тысяч косуль, 10 тысяч диких кабанов и более полумиллиона зайцев». Есть смысл купить ружье.

Каждый раз, набирая новый номер, Он выхватывает из карточки пачку карточек и прочитывает верхнюю, а затем швыряет всю пачку в воздух. Карточки, словно белые бабочки, летают по всей сцене.

О н. «Рекорд горла принадлежит исполнительнице тирольских песен австрийской певице Розе Мюльбахер. Громкость голоса певицы равна 102 фонам. Для сравнения: пневматический молоток производит шум только 90 фонов». Вам бы такую соседку за стеной.

Бросает трубку. Набирает номер.

О н. «В Майами неизвестные лица взломали дверь с черного хода школы полиции и похитили 372 доллара. Жуликам не повезло, либо они не обратили внимания на подпись «Подделка». Проверяйте деньги, не отходя от кассы!

Бросает трубку. Набирает номер.

О н. «Все спасательные шлюпки французского флота будут снабжены колодой карт, завернутых в клеенку. По мнению психологов, самое страшное для потерпевших кораблекрушение — это скука, которую можно развеять игрой в карты». Может, запишем пулечку?

Бросает трубку. Набирает номер.

О н. «В одном очень тихом районе штата Южная Каролина неподалеку от шоссе установлен камень с надписью: «На этом месте никогда ничего не происходило». Поставьте такой камушек в вашей спальне.

Бросает трубку. Набирает номер.

О н. «Житель острова Флорес (Индонезия) по имени Субанга нашел в лесу маленького питона и решил его выводить...» Нет, вы не кладите трубку. Это совсем не

чепуха. Вы наверняка не знаете, что было дальше. А питон вырос. «Теперь шестиметровая змея по приказу хозяина влезает на кокосовую пальму и трясет ее до тех пор, пока не свалится последний орех»... на голову хозяина.

Кладет трубку. Набирает номер.

О н. Алло. Только, ради бога, не бросайте трубку, выслушайте до конца. Это моя последняя карточка... Спасибо. «Эксперты Всемирной организации ООН по вопросам здравоохранения подсчитали, что каждый год примерно 3 миллиона людей делают попытку к самоубийству, 15 миллионов обитателей нашей планеты угрожают убить себя, по крайней мере, одна тысяча человек на земле ежедневно по доброй воле кончают счеты с жизнью...» Простите, вкралась ошибка: не тысяча — тысяча и один человек, 173-й ответ закончил.

Своим ножом он перерезает телефонный провод. Долго сидит не двигаясь, опустив голову на грудь. Вдруг вскакивает, хватая концы шнура, судорожно пытается соединить проводки, пробует звонить, но телефон не работает. Снова откидывается на спинку стула, голова падает на грудь. Недвижный, закутанный в шарфы, кофты, шали, сидит.

На сцену вбегает загорелый длинноногий Парень. Он в синей майке и в белых спортивных трусах. Парень описывает несколько кругов вокруг стула, на котором сидит Он.

П а р е н ь. Эй, проснись, встань, эй!

Он не двигается.

П а р е н ь. Эй, ну же, эй!

Он шевельнулся, поднял голову.

П а р е н ь. Дай попить... воды... попить... холодной...
ненькой...

Он наливает стакан воды, подает Парню. Тот жадно пьет.

О н. Ты должен говорить мне «вы».

П а р е н ь. Я воспитанный, но тебе я могу «тыкать».

О н. Кто тебе сказал?

П а р е н ь. Мать Татьяна.

Он подходит к парню-Сыну.

О н. Ты уже такой... Даже выше. (*Приподнявшись на цыпочки, целует его в лоб.*) У тебя жар! Ты здесь про-

студился! Ну конечно, у меня так холодно... А-а-а-а!.. Да ты раздет! И по улице бежал... Оденься, на, на... *(Пытается натянуть на него свою шаль.)* Ты же мой единственный... Как тебя зовут?

Сын. Саша.

Он. Саня... Санек... Мороз, а ты голый, вот и схватил инфлюэнцу... Лоб как сковородка. И куда только мать смотрит?..

Сын. Отец, я здоров. У меня тридцать шесть и шесть.

Он. А вот я тебе сейчас свой градусник поставлю... *(Вынимает из-за пазухи градусник.)* Сейчас, сейчас, Санька...

Сын. Не надо мне градусник. От градусников люди только болеют. Ты знаешь — ты наверняка этого не знаешь — суд французского города Лиона отклонил жалобу одной женщины, требовавшей возмещения убытков от владельца аптеки, который продал ей неисправный термометр. Следуя показаниям термометра, эта женщина провела несколько недель в постели, будучи вполне здоровой. А-ха-ха-ха...

Он. Кто тебе это рассказал?

Сын. 172-й.

Он. Значит, это он помогал вам перетаскивать вещи на новую квартиру. Ты зовешь его папой?

Сын. Нет. Просто 172-й.

Он. Называй меня тоже — 173-й.

Сын. «Папа» — очень приятное слово. Па-па... Па-па...

Он. Если я тебе отец, я приказываю: немедленно оденься! На улице мороз, да и здесь не жарко.

Сын. Папа, что ты все время говоришь!.. Какой мороз, когда кругом лето. Деревья полны листьев и птиц. Одуванчиков столько, что за год не обдуешь. Горячая пыль бьет фонтанчиками между пальцев, когда босиком бежишь по дороге. А солнце стоит над головой целый день, потому что глубоко вонзило свои лучи в землю и теперь не может сдвинуться с места.

Он. Ты все напутал, сынок. Кругом бело: и дорога, и деревья, и листья, и птицы. Они как летели, так и застыли в воздухе и висят, стучаясь друг о друга и позванивая. Слышишь... Динь-динь-динь... Это значит, что опять подул ветер с севера. Оденься, он всегда сюда задует. Видишь, мои карточки разбросал.

Сын. Отец, выйдем со мной, я тебе покажу, да и ты сам увидишь, как собаки вывесили свои красные языки.

Он. Замерзшие мыши лежат в подвалах, и голодные коты ломают зубы об их каменные тушки.

Сын. Отец, комары, мухи, жуки, гусеницы, червяки, бабочки, улитки.

Он. Иней, иглы, лед, наст, свист, звон.

Сын. Плеск, гуд, смех, свет, красное, зеленое, желтое.

Он. Белое, белое, белое, снег, снег, снег, холод.

Сын. Почему снег холодный? Если раз в год и бывает зима, то жара от этого не спадает. Я купаюсь в проруби и валяюсь в снегу. Снег горячий. Снег — смех!

Он. Снег — снег, снег — снег, белое на белом, замороженное, холодное, застывший студень, заледеневший лед.

Сын. Пойдем на улицу, выйдем, отец, и все кончится. Начнется лето. Я тебе обещаю. Только надо все снять, снять, а то можно не почувствовать жары. Сними, и пойдем. *(Пытается снять с отца его зимние доспехи.)* Возьмем только белый носовой платок, я положу его тебе на голову, чтобы не получился солнечный удар.

Он. Мы не сможем выйти отсюда: замок прокалился от холода и не поворачивается.

Сын. Но я же здесь. Я вошел к тебе.

Он. Действительно, как ты вошел сюда?..

Сын. Я бежал по дороге — я каждый день бегаю до дома Максимки 5 километров, а обратно мы бежим вместе, — и вот из-под моих ног выскочил камушек, в пыли попался, и стукнул прямо в твою дверь. Она и открылась. Я увидел такую прекрасную тень и забежал сюда, жара тоже, знаешь, надоедает... Пить хотелось... Ах, какая у тебя холодная вода! До сих пор зубы ломит.

Он. Камушек, тень, вода... Ты ко мне случайно... Может, ты мне и не сын?

Сын. Сын. Я тебя сразу узнал.

Он. Узнал?

Сын. Да. Мне о тебе мать рассказывала и 172-й.

О н. Что они тебе говорили?

С ы н. Говорили, что ты страшный мерзляк.

О н. Кто?

С ы н. Мерзляк. Я тебя по этим хламидам и узнал. Да раздешься же ты!.. Пойдем, мать будет очень рада. И 172-й.

О н. Мы пойдем, пойдем, но не сразу, не сейчас... Поживи со мной. Тебе надо пожить со мной. Мы сначала должны как следует привыкнуть друг к другу, а потом вместе — к ним. Ведь мы с тобой отец и сын. Мы должны хоть немножечко побыть одни. Знаешь, дверь закрывать не будем... Я привыкну к жаре, ты — к холоду, и когда температуры наших тел сравняются, мы пойдем к матери и к 172-му.

С ы н. Нет, отец, тебе будет хорошо, если сразу. Я хотел бы испытать то, что испытываешь ты, но у меня не получится. Ты выходишь и сразу наступаешь на что-то мягкое и теплое, как будто у твоего порога лежала лиса. А это просто толстый слой нагретой пыли. Над головой висит белое солнце — платок не забудь, как договорились, — а в грудь упирается стена раскаленного воздуха. Тебе трудно будет сделать первый шаг, но я подтолкну, и мы зашагаем, зашагаем, а потом и побежим.

О н. Мне нужно переодеться.

С ы н. Ну что ты опять говоришь!.. Не переодеться — раздеться совсем. Снять, снять!..

О н. Да-да... А ты почини пока телефон. Перед выходом позвоним матери и 172-му, пусть готовятся. Шнур от мороза перетерся.

С ы н. Это я мигом. В школе проходил. А ты тоже, между прочим, побыстрее. Мне еще к Максимке забежать, я обещал.

О н. Максимка твой друг?

С ы н. На одной парте сидели.

О н. У него есть телефон?

С ы н. Ну конечно.

О н. Я сейчас. (*Уходит.*)

Сын возится с телефоном, соединяет проводки, потом перемазывает шнур изоляционной лентой. Поднимает трубку — гудок есть, телефон работает. От нечего делать собирает карточки, разбросанные по полу, и укладывает их в картотеку, слегка сортируя. Сидит, ждет отца.

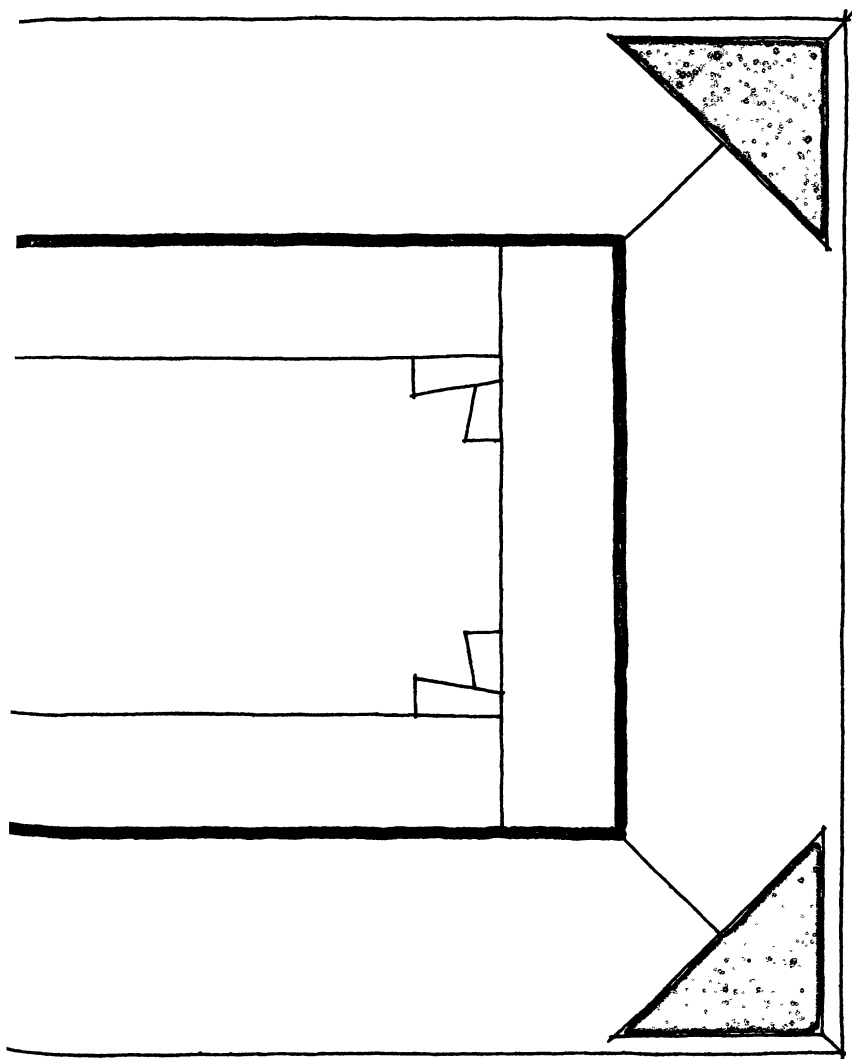
Долго сидит. Наконец поднимает трубку, набирает номер.

Сын. Максимка! Привет. Я тут в одном месте застрял. Не знаю. Жду одного человека... Знаешь что, давай в шахматишки сгоняем. (*Расставляет фигуры на доске.*) Ну ладно, ладно, не гнуси... По телефону даже интереснее. Ты будто поселок Мирный, а я пионеры подмосковной исправительно-трудовой колонии. А? Тогда начали. e2 — e4.

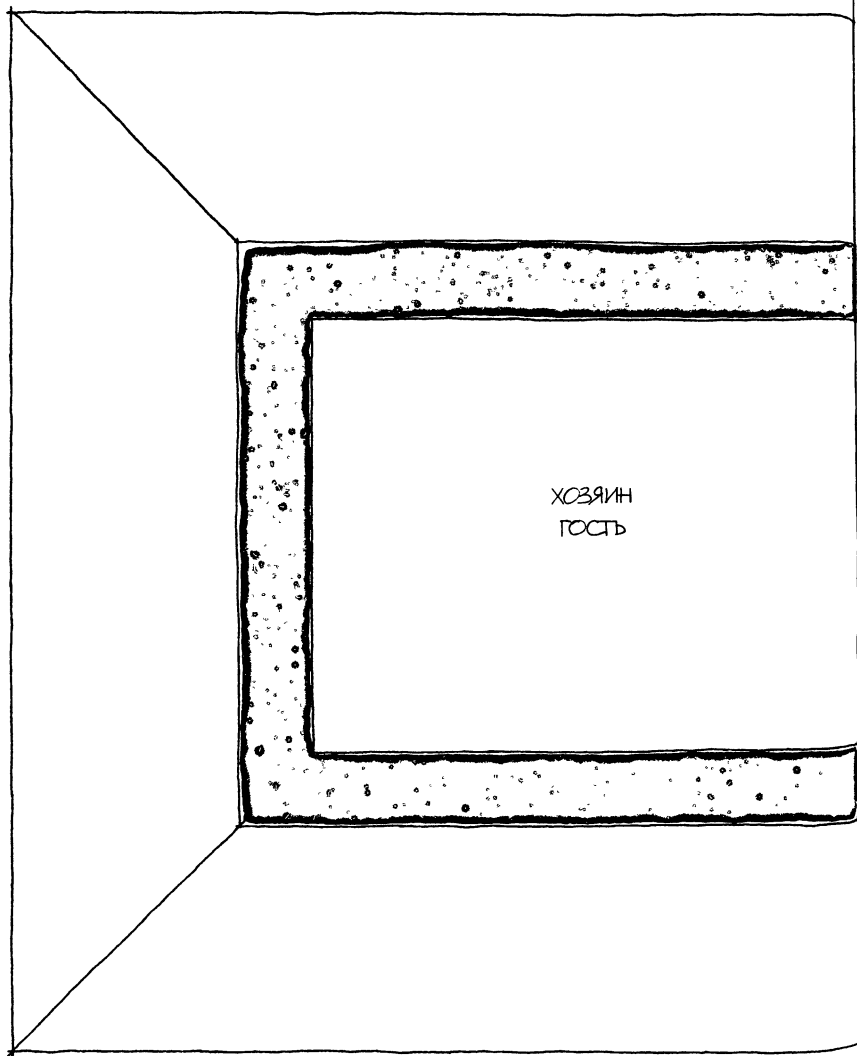
З а н а в е с

КАРТИНА

ПЬЕСА В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Одноместный номер в обычной гостинице. Тахта, тумбочка, журнальный столик, стул, кресло. На столике — графин с водой, два стакана.

На стене — картина в раме. Вечер.

На тахте лежит постоялец, хозяин номера. Мы так и будем называть его — Х о з я и н. Он прилег с газетой, сняв только пиджак и скинув ботинки.

Стук в дверь. Хозяин вскакивает и прямо в носках идет к двери.

Х о з я и н. Кто там?

Голос из-за двери: «Свои... Откройте, пожалуйста».

(Открывает дверь.)

На пороге — Г о с т ь. Ровесник Хозяина, года 42—43. На нем поношенное серое пальто с поясом, модное лет 15—20 назад, белый шелковый шарф, вместо галстука — небрежно повязанный черный бант.

В руках зеленая велюровая шляпа.

Вы к кому?

Г о с т ь. Я в 343-й номер... Это 343-й номер?

Х о з я и н. Да.

Г о с т ь. Тогда я к вам.

Х о з я и н. Ко мне?!

Г о с т ь. К вам. Не прогоните?

Х о з я и н. Входите...

Г о с т ь (*проходя в номер*). Как вам здесь нравится? Недурный апартамент, правда?

Х о з я и н. Для одного в самый раз.

Гость снимает пальто:

Давайте я повешу.

Г о с т ь. Ничего. Я сам. (*Подходит к шкафу, открывает дверки.*) А где вторая вешалка?

Х о з я и н. Не было... Была одна.

Г о с т ь. А если подумать?

Х о з я и н. Я не видел второй.

Г о с т ь. Я так и знал! Крохобор.

Х о з я и н. Но...

Г о с т ь. Да я не про вас. (*Садится в кресло, вынимает пачку папирос.*) Кúрите?

Х о з я и н. Нет.

Г о с т ь (*прикуривает, ищет, куда бросить спичку*).

Где пепельница?

Х о з я и н. Не было.

Г о с т ь. А вы искали?

Х о з я и н. Я думал, не положено... Я не курю.

Г о с т ь. Вы всегда только о себе думаете?

Хозяин. За пепельницей обязана следить администрация.

Гость. Не трогайте администрацию! Она здесь ни при чем.

Хозяин. А при чем здесь я?

Гость. Вы хозяин.

Хозяин. Я гость.

Гость. Это я ваш гость.

Хозяин. А ведете себя как хозяин.

Гость. Я имею право.

Хозяин. Это почему?

Гость. Потому что я знаю, где ваша пепельница.

Хозяин. Где?

Гость. Поищите за портьерой. Быстро!

Хозяин заглядывает за портьеру и достает оттуда керамическую пепельницу.

Хозяин (*искренне удивлен*). Смотрите!

Гость. Это вы смотрите. Я ее уже видел. Она целая?

Хозяин. Что?

Гость. Не разбитая?

Хозяин. Целая.

Гость (*презрительно*). Слабак!

Хозяин. Слушайте, кто вы такой?

Гость. А какое вам дело?

Хозяин. Я хозяин!

Гость. Только что вы говорили, что вы гость.

Хозяин. Не путайте меня!

Гость. А может, я хочу вас запутать.

Хозяин. Зачем?

Гость. Чтобы потом, в конце концов, вы мне сказали правду.

Хозяин. Вы сыщик, что ли?

Гость. Ну, все мы что-нибудь ищем...

Хозяин (*решительно*). Я ничего не знаю.

Гость. А я вас еще ни о чем не спрашивал.

Хозяин. Я в смысле, что не представляю для вас интереса.

Гость. Ошибаетесь. Я очень хочу с вами познакомиться. Очень!

Хозяин. Что вам от меня надо?

Гость. Кто вы такой и сколько времени находитесь в этом номере?

Х о з я и н. Я инженер, приехал сюда в командировку по делам. Живу здесь три дня... три с половиной.

Г о с т ь. Вы ничего не заметили тут странного? Ничто не привлекло вашего внимания в этой комнате?

Х о з я и н. Нет. Номер как номер.

Г о с т ь. Номер как номер... Обидно.

Х о з я и н. А что я должен был заметить?.. Вы спросили — я ответил.

Г о с т ь. Впрочем, может быть, вы просто невнимательный. Придется вас проверить. Закройте глаза.

Х о з я и н. Зачем?

Г о с т ь (*жестко*). Закройте глаза!

Х о з я и н (*закрывает глаза*). Ну.

Г о с т ь. Опишите мне все, что есть в комнате.

Х о з я и н. Стол... Стол... два стула...

Г о с т ь. Неверно.

Х о з я и н. Почему? Два.

Г о с т ь. Один стул, одно кресло.

Х о з я и н. Какая разница!.. Так... Тумбочка... Шкаф... Ну и все.

Г о с т ь. Не все.

Х о з я и н (*с раздражением*). Я больше ничего не помню!

Г о с т ь. Неправда. Такую важную вещь вы не могли не заметить.

Х о з я и н. Еще кровать.

Г о с т ь. Тахта.

Х о з я и н (*открывая глаза*). Слушайте, у вас есть документ?

Г о с т ь. Какой документ?

Х о з я и н. Что вы сыщик, или как там у вас это называется... Покажите мне документы, что вы имеете право задавать людям вопросы.

Г о с т ь. Разве на это нужны какие-то особые документы?

Х о з я и н. А как же! Приходят — закрой глаза, открой глаза...

Г о с т ь. Открывать я вас не просил.

Х о з я и н. Ваши документы!

Г о с т ь. Ну что вы заладили — документы, документы... Как будто в документах счастье.

Х о з я и н. Документы! Или я выброшу вас из номера.

Г о с т ь. А вот это, дорогой, не получится. Учтите! Даже если я сейчас уйду, я останусь с вами. По крайней мере, пока вы живете в этом номере.

Х о з я и н. Бросьте!.. Тумана-то напускать. Нынче мода такая — напускают на себя черт-те что, а сами... ноль без палочки. Документы!

Г о с т ь (*протягивает Хозяину паспорт*). Думаю, моей фамилии вам будет достаточно.

Х о з я и н (*читает*). Алопатьев... Яков Николаевич. Ну и что?

Г о с т ь. Это вас надо спросить. Нигде мою фамилию не встречали?

Х о з я и н. Нет...

Г о с т ь. А если подумать?

Х о з я и н. Алопатьев... Алопатьев... Что-то знакомое... Совсем недавно...

Г о с т ь. Вы не безнадежны.

Х о з я и н. То ли на двери какого-то кабинета, то ли в приказе по министерству...

Г о с т ь. Вот видите! А вы грубили.

Х о з я и н. Но вы как-то странно себя вели...

Г о с т ь. Не бойтесь, я не из начальства.

Х о з я и н (*осмелев*). Не вам ли выговор в последнем приказе объявили?

Г о с т ь. Приказы, министерства... Я не имею с этим ничего общего.

Х о з я и н (*облегченно*). Вот и хорошо... Курите. (*Протягивает Гостю сигареты.*)

Гость закуривает.

Но где-то я видел Алопатьева...

Г о с т ь. Теперь не успокойтесь. Ну-ну — вспоминайте. (*Курит.*)

Х о з я и н. Может быть, здесь, в гостинице... Или в номере... (*Встает, начинает ходить по номеру.*)

Г о с т ь. Холодно... холодно...

Хозяин подходит к тахте.

Тепло, тепло...

Хозяин делает шаг в сторону двери.

Еще теплее!

Хозяин подходит к стене.

Жарко! Жарко! Уф-ф-ф, как жарко!..

Хозяин уставился в стену перед собой. На стене висит картина. Хозяин тычет пальцем в угол картины.

Х о з я и н. Вот! Нашел. Алопатьев. Так вы художник?

Г о с т ь. Художник.

Х о з я и н. Так что же ты мне тут голову морочил! Вопросы, ответы... Я-то думал...

Г о с т ь. А что вы думали?

Х о з я и н. Не ваше дело! Нагородишь себе черт-те что, а все просто.

Г о с т ь. Да нет, не просто.

Х о з я и н. Опять за свое?

Г о с т ь. Я хочу сказать: вас тут ничего не удивляет?

Х о з я и н. А что?

Г о с т ь. Ну вот вы сидите в номере, и вдруг с вами рядом оказывается художник картины, которая висит у вас на стене. Не странно ли?

Х о з я и н. Что ж тут такого? Ведь ничего странного не было бы, если бы в номер вошла горничная или, скажем, водопроводчик — ведь нормально. Сфера обслуживания...

Г о с т ь. А вы заявку давали?

Х о з я и н. Какую заявку?

Г о с т ь. Чтобы водопроводчик пришел.

Х о з я и н. Нет.

Г о с т ь. Значит, было бы странно, если бы водопроводчик явился без заявки?

Х о з я и н. Но я ведь и на художника заявки не подавал, а тем не менее явились.

Г о с т ь (*гордо*). Художники не приходят по вызовам.

Х о з я и н. Тем более ничего удивительного в том, что вы мне не нужны, а вы пришли в мой номер.

Г о с т ь. Так вы не хотели меня видеть?

Х о з я и н. Я вас не знаю.

Г о с т ь. Почему же? Вот моя картина. Тут весь я. Вы три дня живете в этом номере, три дня вы смотрели на мою картину. И вам не хотелось познакомиться с автором?

Х о з я и н. Ничего я на нее не смотрел. Только кинул взгляд на подпись, увидел — Алопатьев, и все. Я люблю фамилии читать.

Г о с т ь. А живопись вы любите?

Хозяин. Сейчас посмотрю. (*Подходит к стене, разглядывает картину.*) Ничего себе.

Гость. Вы находите?

Хозяин. А что? Все нормально. Деревья похожи, небо, тучи... Человек идет как настоящий... С натуры рисовали?

Гость. С натуры.

Хозяин. Тут же дождь идет!

Гость. Ну и что?

Хозяин. Так под дождем и рисовали?

Гость. Не под дождем, а под зонтом.

Хозяин. Да... У вас, у художников, тоже жизнь несладкая...

Гость. Я тогда этого дождя даже не заметил...

Хозяин. Бывает. Я тоже сижу иногда без обеда, не жрамши. Домой надо идти, а ты сидишь... Про все забываешь... Особенно про жену.

Гость (*вдохновенно*). А я тогда только про нее и думал.

Хозяин. Про кого? Про жену, что ль, свою?

Гость. Тогда она мне еще не была женой.

Хозяин. А потом?

Гость. А потом и подавно.

Хозяин. Разошлись. Эх, я тоже... Кто с ними уживется?

Гость. У меня все другое. Я не сходилсь.

Хозяин. Это тоже правильно. Лучшее средство от развода.

Гость. Как сказать... Я ведь очень хотел жениться.

Хозяин. Так что ж?

Гость. Картина между нами встала. Эта.

Хозяин. Ей не понравилась?.. А по-моему, ничего. Все на месте. Деревья, небо, тучи...

Гость. Да она тоже оценила. Только в буквальном смысле. Она директрисой этой гостиницы была.

Хозяин. Этой?!

Гость. Этой.

Хозяин. Полезная любовь.

Гость. Да, я имел несчастье в нее влюбиться. Эту картину только ей рисовал. Кисть сама по полотну ходила, и краски ложились необыкновенные. Влюбленный художник, знаете, он сразу становится мастером. Меж-

ду ним и Леонардо разницы нет. Вообще великие стали великими потому, что каждую минуту они любят. А рядовому художнику это счастье выпадает раз в жизни. У рядового художника любовь проходит, и все. И он уже не Леонардо. Это я понял... Надо ловить момент. И я поймал. Вот он, этот момент. *(Встает, подходит к картине.)* Хорошо, правда?

Х о з я и н *(с некоторым раздражением)*. Я же говорю, ничего себе. И похоже, и красиво.

Г о с т ь. А что? Похоже и красиво! Наверное, это и есть искусство, когда похоже и красиво... *(Вздыхнул.)* Ничего-то вы не поняли.

Х о з я и н. Это почему же?

Г о с т ь. Я не вам. Я своей директрисе. Ничтожная оказалась женщина. Недостойная порыва.

Х о з я и н. А вы еще говорите, она из вас Леонардо сделала.

Г о с т ь. Инвентарный номер она из меня сделала!

Х о з я и н. Все они такие. Из меня тоже веревки вяют.

Г о с т ь. Нет, она буквально сделала из меня инвентарный номер. 675247. *(Снимает картину с гвоздя, переворачивает — на обратной стороне холста крупно выведен номер 675247.)*

Х о з я и н *(сочувственно)*. Как же она вас так?..

Г о с т ь. Вот так... Я ей плод вдохновения, порыв. Перед самой свадьбой... Ей! Только ей и никому больше! А кому же? Рембрандт писал для своей Саскии, а я для директрисы. Меняются времена...

Х о з я и н. Да они этого не стоят, бабы!

Г о с т ь. Не стоят... Моя Саския провела картину через бухгалтерию. И приобрела ее как руководитель хозяйственной единицы. И выписала мне деньги..

Х о з я и н. Все-таки ваша не окончательная сволочь.

Г о с т ь. ...чтобы на свадьбу нам из своих не тратиться. Чтобы все даром обошлось. Леонардо в водку да в сайру превратить!..

Х о з я и н. Свадьбы нынче дорого обходятся... Я дочку свою замуж выдавал, пришлось готовых котлет купить четырехста штук! Два ведра!

Г о с т ь. Какие котлеты? Что вы говорите? У художников не бывает свадеб. Тем более с котлетами. А ей, конечно, хотелось! Хотелось фаты, машины с пупсом, заг-

са, марша Мендельсона, жирной закуски... «Горько! Горько!..» Эх, людишки!..

Хозяин. А у нас все было: и фата, и машина с пуп-сиком, и загс... Только вот Мендельсона не было... Не достали. Пришлось под Мигулю по ковру идти...

Гость. Грустно все это...

Хозяин. Почему грустно? Всю ночь гуляли. Два раза неотложка приезжала.

Гость. Это все не для меня. Мне это, понимаете, противно.

Хозяин. Противно?.. Это почему же?

Гость. Некрасиво... неэстетично... Котлеты в ведрах... Бр-р-р!..

Хозяин. Не подавились. Все подмели подчистую.

Гость. Какая гадость!

Хозяин. Что-о-о?!

Гость. Пошлость все это.

Хозяин. Пошлость? Ну знаешь!.. Ты на себя посмотри! Ты чистенький! А твои шашни с директором гостиницы? Знаем мы таких хлюстов.

Гость. Вы не смеете!..

Хозяин. Смею! Нет чтобы с простым работником — ему директора дай пошупать.

Гость. Хам!

Хозяин. Чего-чего, чего-чего?.. (*Наступает на Гостя.*)

Гость (*отступая к стене*). Хам, хам, хам... Тупой жлоб. Ты на свою морду посмотри — сплошное мясо. Вот из чего можно котлет наделать.

Хозяин. Ах ты, гнида!.. (*Хватает Гостя за лацканы пальто.*)

Гость (*визжит*). Не трогайте меня!

Хозяин. Да я тебя!..

Внезапно Гость кусает Хозяина за руку.

(*Взвывает от боли.*) А-а-а-а!..

Гость. Говорил, не трогайте меня.

Хозяин. Ты что ж кусаешься, сука!

Гость. А вы что хватаетесь?

Хозяин. Может, ты сумасшедший.

Гость. Я же не до крови...

Хозяин. Я б тебя тогда убил!

Гость. Сами первыми начали.

Хозяин. А кто хамом обзывался?

Гость. Но вы же меня хлюстом...

Хозяин. А кто про свадьбу «пошлость» говорил?

Гость. Но я с эстетических позиций...

Хозяин. Вот за это вас и не любят!

Гость. Кого это нас?

Хозяин. Вас. Таких.

Гость. А кто не любит?

Хозяин. Мы. Народ.

Гость. А мы вас любим.

Хозяин. Кто это вы?

Гость. Мы. Такие.

Хозяин. А кого — нас?

Гость. Вас. Народ. Если хотите, ешьте ваши котлеты, идите под Мендельсона...

Хозяин. Под Мигулю.

Гость. Да идите подо что хотите!

Хозяин. Хочешь сказать — «к черту»?

Гость. Да куда хотите! Только оставьте меня в покое! Я даже готов быть свидетелем на вашей свадьбе. Свидетелем — не больше!

Хозяин. Ишь ты, снизошел! Как-нибудь без тебя обойдемся. Обошлись уже и дальше обойдемся.

Гость (*грустно*). И я вас на свою свадьбу не позову.

Хозяин. Куда нам со своими котлетами!..

Гость. Просто свадьбы у меня никогда не будет.

Хозяин. Да какая баба за тебя пойдет!

Гость. Что вы понимаете в женщинах!..

Хозяин. Зато я в мужиках разбираюсь. Кусаешься как баба.

Гость. Она очень хотела за меня. Она была уже не девочка, у нее это был последний шанс. И она его бездарно упустила.

Хозяин. Тоже мне шанс!

Гость. Когда я узнал, что мне перед свадьбой надо зайти в бухгалтерию, я и в бухгалтерию не пошел, и на свадьбу не явился.

Хозяин. Обиделся?

Гость. В душу она мне плюнула. В душу! Оскорбила, понимаете.

Хозяин. Ну и дурак! Как деньги могут оскорбить

человека. Вот когда их не дают — вот оскорбление! За это убивать мало.

Г о с т ь. Таковую картину — и в рядовой гостиничный номер...

Х о з я и н. А что же, мы не люди?

Г о с т ь. Я не к тому. Я же ей, ей одной рисовал!

Х о з я и н. Да что ты уцепился за свою картинку! Ты бы ей после свадьбы сто таких наделал.

Г о с т ь. Как вы с ней похожи! Она мне то же самое говорила. Даже цифру эту же называла — сто. Не понимала, что ТАК я больше никогда в жизни не нарисую. Вот такая Саския мне попалась...

Х о з я и н. А может, у них тоже... Может, она у него... у мужа своего... Ну, ты называл фамилию...

Г о с т ь. Рембрандт.

Х о з я и н. Во! Может, она у него тоже фату требовала, Мендельсона...

Г о с т ь. ...Четыреста котлет.

Х о з я и н. Опять?!

Г о с т ь. Нет, что вы!.. Наоборот, то, что вы говорите, вполне возможно — они любили поесть. Да я, собственно, тоже против котлет ничего не имею.

Х о з я и н. А что в них плохого?

Г о с т ь. Ничего.

Х о з я и н. Если с чесночком да мясо хорошее — пальчики оближешь.

Г о с т ь. Нет, не Саския она была. Правда, и я не Рембрандт.

Х о з я и н. А что, собственно, в нем такого особенного, если разобраться?

Г о с т ь. Я себе цену знаю...

Х о з я и н. Ну вот! Чего тогда обижаться! Она — директор — эту цену определила и на руки хотела выдать. Может, занизила?

Г о с т ь. Я отказался и от денег, и от ее согласия на нашу свадьбу.

Х о з я и н. И теперь жалеешь!

Г о с т ь. Ни капли!

Х о з я и н. А то я не вижу! Ходишь в гостиницу, думаешь, простит.

Г о с т ь. Вы не поняли, зачем я хожу в гостиницу?

Х о з я и н. Зачем?

Г о с т ь. С вами поговорить.

Х о з я и н. Со мной?!

Г о с т ь. Я имею в виду всех, кто останавливается в этом номере.

Х о з я и н. И вы ко всем приходите?!

Г о с т ь. Ну, собственно... Да, ко всем.

Х о з я и н. Времени не жалко.

Г о с т ь. Здесь висит моя картина.

Х о з я и н. Бойтесь, что украдут?

Г о с т ь. Не понимаете... Это мой выставочный зал. Мои музей. Пока здесь висит моя картина. Когда-то я думал, что мои картины будут украшать самые большие музеи мира. Но все свелось к этой комнате...

Х о з я и н. Маловато.

Г о с т ь. Вам так кажется?

Х о з я и н. Если кто мечтает о мировой известности...

Г о с т ь (*вызывающе*). А я ее имею!

Х о з я и н. Ну ладно, ладно...

Г о с т ь. Нет, не ладно, а имею! Мировую известность! Просто мой мир — эта комната. Поняли? Все, кто здесь побывал, меня знают.

Х о з я и н. У-у-у... Сколько тут могло побывать народу! Номер-то одноместный.

Г о с т ь. Вполне достаточно. Вполне! Я тоже раньше думал, что маловато, а потом решил, что достаточно. Ведь что получается — провинциальная знаменитость мучается, что ее не знают в столице республики; столичный бог приезжает за рубеж и обнаруживает, что городской сумасшедший личность более известная, чем он; мировой знаменитости уже скучна земная слава, она хочет полететь на Марс и чтобы там марсиане хвостиками трепетали от восторга...

Х о з я и н. На Марсе жизни нет.

Г о с т ь. Неизвестно. Но лучше считать, что нет. Уже легче. Не надо искать космической популярности, не надо покорять марсиан. Точно так же можно предположить, что вне этих стен нет искусства. И все! И я — король!

Х о з я и н. В четырех стенах. Ничего себе королевство!

Г о с т ь. Лучше быть королем на девяти с половиной метрах, чем рабом во Вселенной.

Х о з я и н. Вас послушать, так все кругом короли. Уж такая-то площадь у каждого найдется.

Г о с т ь. В том-то и дело, что не все... Вы, например, ничего этого не знали, значит, не король. А могли бы.

Х о з я и н. Спасибо. Теперь-то я знаю, что мне делать. Эх и королевство я себе организую! Приеду к себе в шарагу, запрусь в уборную — лучше меня в кабинке инженера не будет.

Г о с т ь. И чудно! Если где-то вы можете чувствовать себя наверху блаженства, зачем метаться всю жизнь, суетиться — надо это состояние длить.

Х о з я и н. Ну и перспективку вы мне наметили! Да здравствует толчок — персональный трон каждого человека!

Г о с т ь. Да здравствует. И когда мы пойдем, что мы все короли, когда уединимся в своих королевствах, наведем там порядок, накопим монаршьи ценности — вот тогда нам будет интересно снова встретиться в новом обществе, в обществе королей. Тогда мы будем говорить на равных...

Х о з я и н. Ха! Стоит становиться королем, чтобы потом говорить с другими на равных!

Г о с т ь. Это будут совсем другие встречи. Совсем другие! Встречи двух держав имеют высший смысл, полны значения и важности. А сейчас мы встречаемся, как рабы.

Х о з я и н. Как рабы?

Г о с т ь. Как рабы.

Х о з я и н. Значит, я раб.

Г о с т ь. Раб.

Х о з я и н. (встает). Ну хватит; поговорили. (Указывает на дверь.) Ауфвидерзейн.

Г о с т ь. Вы что... Почему?

Х о з я и н. А почему я раб? Нечего, нечего... Освободите помещение.

Г о с т ь. Но и я раб...

Х о з я и н. Это твое личное дело. Закрой дверь с той стороны!

Г о с т ь. Мы так мило сидели.

Х о з я и н. А теперь я один посижу.

Г о с т ь. Не прогоняйте меня!..

Х о з я и н. Ничего себе! Сам только что из номера меня вытурял, а теперь — не прогоняйте.

Гость. Я — вас? Как может быть, как может быть?..

Хозяин. Ты король, этот номер твое королевство, а для меня, получается, здесь места нет. Что ж мы, не соображаем?

Гость. Что вы, что вы!.. Вы не так меня поняли. Я чисто символически. Для вечерней беседы. Мы ведь с вами беседуем вечером. Так же?

Хозяин. Ты не беседуешь, а мелешь языком. Слушать противно.

Гость. Вы правы, я болтун... Червь, старый неудачник. Точно.

Хозяин. Ну вот! Теперь в другую сторону поехали.

Гость. Да, да, да! Всем заметно. И вы заметили. Невооруженным глазом.

Хозяин. Ничего я не заметил. Я только сказал, что говорите вы много.

Гость. Учужали! От меня на три версты воняет неудачником. Я тухло выгляжу?

Хозяин. Запах я не чувствую.

Гость. А я чувствую! Я отлично слышу, чем от меня пахнет. Чем-то вроде смеси каплей датского короля с запахом гнилых цветов. Даже не цветов, а воды, в которой они стояли недели две. Я каждый день тру себя пемзой — не помогает. Пахнет, пахнет! Это идет изнутри. Живот, сердце, мозг источают. Ничего не поделаешь... Собаки чуют лучше всех. Когда я иду по улице, они перебегают на другую сторону. Собаки нападают на удачливых, и те отшвыривают их носком ботинка. А ко мне у них брезгливость. Кусать не хочется. Я несчастный человек. А вы говорите — король...

Хозяин. Это вы говорите.

Гость. Я одинокий человек. У меня нет никого. (Пауза.) Кроме вас.

Хозяин. Меня?!

Гость. Всех, кто поселяется в этом номере. В 343-м. Я прихожу сюда, а вы меня выгоняете.

Хозяин. Да сидите, если нравится...

Гость. Не вы, а другие, которые здесь живут. В 343-м.

Хозяин. Выгоняют?

Гость. Прошлый постоялец в меня пепельницей

швырнул. (*Берет со стола пепельницу.*) Чуть не разбил...

Х о з я и н. Во люди!.. Жуть.

Г о с т ь. Жизнь!..

Пауза.

Х о з я и н. У меня сын артистов собирает. Ты, говорит, папка, счастливый, что в Москву едешь, там, говорит, артисты по улицам ходят, может, даже с каким-нибудь в трамвае ехать будешь. Приеду, расскажу, одного, мол, художника видел. С глазу на глаз разговаривал. Парню интересно будет.

Г о с т ь. Куда мне с артистами тягаться!..

Х о з я и н. Почему? Ну пусть они знаменитые, зато вы популярный! А что? Картина в гостинице висит! Шутка ли! Мы, конечно, постояльцы, в искусстве мало понимаем...

Г о с т ь. Почему же, почему! Вы тоже не наговаривайте на себя! Помню, лет восемь назад останавливался здесь один теплотехник. Очень тонко разбирался в живописи. Я говорю так, не потому что он хвалил мою картину. Наоборот! Он мне несколько замечаний сделал. По нюансам. Я потом, когда в гостинице санитарный день был, брал картину домой и дотягивал. Небо прорабатывал, красным немного ударил... А вы говорите, технический человек... Мы до сих пор с ним переписываемся. Он в Николаеве живет. Недавно жена его приезжала. 343-й был занят, так я ее у себя дома поселил. Хотел привести сюда, картину показать, но ей не до этого было. Она днем металлические хлебницы для всех знакомых покупала, а по вечерам их запаковывала. У вас есть жена?

Х о з я и н. Две.

Г о с т ь. Как две?

Х о з я и н. От одной у меня ребенок, а со второй я живу.

Г о с т ь. Сюда не собираются?

Х о з я и н. Нечего. Пусть дома сидят. Насчет хлебниц я им из Тбилиси привез.

Г о с т ь. Может, сапоги нужны финские? У меня в обувном знакомство.

Х о з я и н. Вот это не надо. Не надо! Знакомства разные, блаты — не надо... Это я не люблю.

Г о с т ь. Но я только для вас. Для 343-го...

Х о з я и н. Не надо, не надо... Я эти все дефициты и видеть не хочу. Так приезжаешь из командировки, ничего не привозишь, и порядок. Не достал сапоги и не достал. В валенках перебьются. Зато деньги целы. Это, я так скажу, наше большое счастье, что в магазинах ничего нет! Во всяком случае, всегда при деньгах. А если эти знакомства, а еще того хуже, изобилие начнется, везде все появится — на хлеб не хватит. Не-е-ет, я люблю жить богато!

Г о с т ь (*вдруг*). Закажите мне картину.

Х о з я и н. Чего?

Г о с т ь. Картину. Портрет ваш. За небольшой гонорар.

Х о з я и н. Гонорар?! Это деньги, что ли?

Г о с т ь. Какие там деньги!.. Вы мне дадите рублей там тридцать...

Х о з я и н. Тридцать?!

Г о с т ь. Двадцать, двадцать... Хватит двадцати.

Х о з я и н. Сейчас дать?

Г о с т ь. Это было бы мило с вашей стороны. А я бы прямо завтра пришел писать картину.

Х о з я и н. Завтра?

Г о с т ь. Сегодня поздно уже... Потом, у меня нет с собой ничего. Ну так как?

Х о з я и н (*встает, идет на Гостя*). А правильно тот в тебя пепельницей пульнул.

Г о с т ь (*в недоумении*). Вы что?..

Х о з я и н. А то, что раскусил я тебя, — вот что. Чтой-то, думаю, он мне целый вечер голову морочит, мозги пудрит, разговоры разговаривает... А все просто. Сначала сапоги финские предлагает, а потом просто деньги требует. Читали про таких в фельетонах... По номерам шастают... Аферист! Спекулянт!

Г о с т ь (*вскакивает*). Да вы что, в самом деле!

Х о з я и н. Сидеть! Я вот сейчас милицию вызову. Ишь художник! За такие художества ты у меня срок живо схлопочешь.

Г о с т ь. Это еще доказать надо! Доказать! Не те времена! Не докажете! А я докажу. Что я художник. Прямо сейчас докажу. (*Быстро вынимает из своих широким карманов карандаш, блокнот и начинает, поглядывая на Хозяина, набрасывать его портрет.*)

Х о з я и н. Ну-ка, брось! Не смей! Перестань хулиганить! Слышишь? Я сейчас на помощь крикну.

Гость. Я вас не трогаю. Сижу рисую.

Хозяин. Интересно! Вперся в чужой номер, да еще над хозяином издевается. *(Бросается к Гостю.)* Отдай карандаш, отдай, слышишь!.. *(Вырывает из рук Гостя карандаш, ломает его пополам.)* Вот! Рисуй теперь!

Гость невозмутимо вынимает из бокового кармана ручку и продолжает рисовать.

Вот как ты заговорил! Ну держись! *(Снова бросается на Гостя, вырывает у него авторучку и каблуком раздавливает ее.)* Посмотрим, чем ты теперь порисуешь.

Гость *(теперь он взрывается)*. Жлоб! Тупой жлоб! Ты даже не понимаешь, что художнику, настоящему художнику, не нужны не карандаши, ни кисти.

Хозяин. А чем же ты малевать будешь, чем?

Гость. Пока в моих жилах течет кровь...

Хозяин. Вот-вот — ею и малюй, красненькой.

Гость *(вдруг сникнув)*. Не сейчас... Это я прибегу совсем для другой работы, для моей самой большой работы...

Хозяин. Что ты там нарисуешь?.. В тебе всего один стакан крови.

Гость *(горячо)*. А этого хватит, хватит!.. Не хватит другого.

Хозяин. Чего?

Гость. Времени. Смотрите, вот я стал перед мольбертом, вскрыл вену, хлынула кровь, и мне надо спешить, спешить, чтобы не упасть до конца работы...

Хозяин. Представляю эту картину!

Гость. Нет-нет! Я вам расскажу.

Хозяин. Да я и слушать о такой гадости не желаю!

Гость. Постойте! Погодите! Я вам все простил. Я вас люблю. Только дайте мне рассказать про мою последнюю работу. Я быстро, ведь я вскрыл вену, мне надо спешить. Представьте картину — деревья, небо, трава... На траве стоит мать, к ней бежит ребенок, она раскрыла ему объятия. За деревом спрятался отец, он целится в большую птицу, птица камнем падает на ребенка. Все красное. Жизнь и смерть одного цвета.

Хозяин делает движение в сторону Гостя.

Стойте! Не подходите ко мне, у меня в руках бритва.

Х о з я и н. Опасный тип...

Г о с т ь. Кровь уже течет. Я начинаю рисовать. Первыми штрихами, пока рука моя тверда, я набрасываю деревья, облака, траву. Природу надо писать четко, она самое определенное в жизни, она всегда есть. Унесет ли птица ребенка, убьет ли отец птицу, деревья, небо, трава останутся... Затем я принимаюсь за отца. Он застыл, колоссальное напряжение, ему нельзя промахнуться, от него все зависит в этой картине. Его тоже надо хорошо выписать. Потом птицу. Летящий комок перьев и мускулов. А когда рука моя начнет слабеть и в голову просочится сладкий туман, я напишу мать. Она и должна быть дрожащей. Вот я уже падаю, падаю, и, перед тем как упасть, последние капли своей крови я употреблю на малыша. На холсте он будет выглядеть слабым розовым пятном. Вы его не отличаете от травы. И так тоже должно быть. Он еще почти ничто и в любой момент готов превратиться совсем в нечто. Он — это я.

Произнося свой монолог, Гость так входит в роль, так натурально изображает угасание жизни, что Хозяин смотрит на эту сцену словно загнипнотизированный.

Последние слова как бы с трудом прорываются сквозь предсмертные хрипы. Наконец, сотрясаемый конвульсиями, Гость падает в кресло и затихает.

Хозяин выходит из транса, бросается к Гостю, трясет его за плечо.

Х о з я и н. Ты что?! Что ты?! Эй?!.. Теперь отвечай за него... Свидетелей нет. Уважаемый, уважаемый, очнитесь... *(Трясет Гостя.)* Не надо... Я вам верю... Мы вам верим... Верим, что вы умеете рисовать... вы большой художник. Слышите? Только не надо... здесь... тут... Я же не виноват! Мы же беседовали тихо... Уважаемый!..

Г о с т ь *(внезапно вскакивая)*. Ап! Ну так нужны мне ваши краски?!

Х о з я и н. Фу, черт! Напугал... Ну-ка руку покажи. *(Рассматривает руку гостя и, естественно, не находит на ней никаких следов.)* Симулянт!

Г о с т ь. Вы же говорили — спекулянт.

Х о з я и н. Не путай меня! И то и другое!

Г о с т ь. Но убедил я вас, что могу создать картину без красок?

Х о з я и н. Иди ты к черту! Не нужны мне ни твои краски, ни твоя картина!

Г о с т ь. Вы мне, кстати, тоже не нужны.

Х о з я и н. А зачем в гостиницу приперся?

Г о с т ь. Тут иногда и порядочные люди останавливаются. Номер не люкс, но все-таки... В сезон могут иностранца поселить. Да-да, не смейтесь! Если разобраться, то вы здесь у нас человек случайный. Радуйтесь, что пожили в 343-м. Завтра придет какой-нибудь нигериец, и вас как миленького выелят или, в лучшей случае, переведут в шестиместный номер. Вы еще вспомните о 343-м, о моей картине — там, в шестиместном, вместо нее вам придется любоваться клопами на стене.

Х о з я и н (*взрывается*). Ах, нигериец! Его, значит, сюда, меня, значит, в шестиместный!

Г о с т ь (*заносчиво*). Вам здесь не место!

Х о з я и н. Он, значит, картинками любоваться, а я, значит, клопов давить?!

Г о с т ь. Никто не виноват, что вам любоваться не дано.

Х о з я и н. А ему дано? Ах ты, черная жемчужина! Пусть она тоже на клопов полюбуется! Сейчас, сейчас... мы ему русский сувенир устроим. (*С этими словами выхватывает из кармана авторучку, подходит к картине и что-то чиркает на ней.*) Вот! Теперь у нигерийца тоже клоп есть. Равенство! У него даже больше настоящего. Клоп величиной с фамилию «Алопатьев»! Вот, можешь поглядеть — всю закрывает. А-ха-ха-ха-ха!..

Г о с т ь (*подходит к картине*). Ну что ж, вы только помогли мне. Вы превратили мою скромную картину в анекдот. Анекдот приносит славу. Теперь я могу быть спокоен. Спасибо.

Х о з я и н. Спасибо?! Да как ты смеешь мне говорить спасибо? Хам! Тогда я добавлю! (*Брызгает чернилами из ручки на картину.*) Вот теперь настоящее спасибо! Теперь анекдот — животики надорвешь!

Г о с т ь (*внимательно разглядывая расположение капель на полотне*). Блестяще! Ве-ли-ко-леп-но! И как вам с одного раза удалось расположить пятна на полотне таким гармоническим образом!

Х о з я и н. Что?!

Г о с т ь. У вас определенные способности к ташизму.

Хозяин. Ах ты, вот как заговорил! Сволочь! Гад! Фашистом меня обзывать! Ну за такое!.. Я тебя... Негодай! С ним как с человеком, а он — фашист! Сам ты фашист! Понял?! Сволочь!!! *(В порыве бешенства срывает со стены картину и бьет ею Гостя по голове.)*

Картина прорывается. Голова художника нелепо торчит из рамы.

Гость. Вот я и шедевр.

Хозяин *(несколько растерявшись)*. Непрочная вещь... хотел только по голове тебя ударить, а она порвалась...

Гость. Оказывается, вы и поп-артом владеете, коллега.

Хозяин. А ну, вылезай оттуда! *(Пытается стащить порванную картину с головы Гостя.)*

Гость *(упираясь)*. Не надо... Зачем? Мне так хорошо.

Хозяин. Ты мне сам нарочно башку свою подставил! Башка у тебя чересчур твердая. Это ты, ты картину прорвал! Ты!

Гость. О, если бы я сам смог это сделать! Я бы не приходил к вам сегодня.

Хозяин *(не переставая бороться с Гостем)*. Ага!.. Сознался... Специально пришел... Имуществу вред нанести... *(Наконец мощным движением срывает раму с головы Гостя.)*

При этом в клочья рвутся остатки холста.

Гость *(облегченно)*. Ну вот, теперь конец. Все.

Хозяин. Ничего не все. *(Вешает раму с клочьями холста на гвоздь.)* Так ведь висело? А?

Гость *(торжествующе)*. Нет! Не так! Теперь ее не повесить. Все. Конец.

Хозяин. Ничего не конец. *(Тщательно пытается соединить остатки холста.)* О черт! Не соединяется дыра... Еще платить за порчу придется.

Гость *(гордо)*. Я сам заплачу вам!

Хозяин. Зачем мне? Ты им заплати — и дело с концом. Повеселились...

Гость. Нет. Если кто и достоин вознаграждения, то это вы.

Хозяин. За что?

Гость. За мою свободу. Вы спасли меня.

Х о з я и н. Перестань издеваться, гад!

Г о с т ь. Я? Над вами? Как может быть, как может быть!..

Х о з я и н. Тогда скажи им, что это ты сам. Тебе же ничего не будет. Твоя картина. Сам нарисовал, сам и испортил. Художники часто так. Я где-то читал... Возьмешь на себя?

Г о с т ь. Мне здесь никто не поверит.

Х о з я и н. Как так — не поверят! Ты же им свою вещь продал, а денег не взял.

Г о с т ь. Когда это было!.. Теперь можно считать, что этого вовсе и не было.

Х о з я и н. Давай так — я подтверждаю, что ты художник, а ты подтверди, что сам порвал картину как неудачную по просьбе многочисленных проживающих из 343-го номера.

Г о с т ь (*гордо*). Никто меня об этом не просил. Наоборот, все хвалили. У меня благодарственные письма есть. Из Николаева...

Х о з я и н. Да что ты заладил! Нашел одного дурачка... Тот, из Николаева, хотел просто, чтобы ты сапоги жене достал. Понял?

Г о с т ь. Вы не имеете права! О незнакомом человеке так...

Х о з я и н. Не хочешь по-хорошему, можем по-другому. Сейчас всю эту рвань в унитаз спустим, никто и не вспомнит, что она здесь висела. (*Делает движение в сторону картины.*)

Г о с т ь. Пойдите! Погодите! Пусть так немножко повисит. (*Рассматривает остатки картины.*) Я ждал этого момента пятнадцать лет. Никто не решался. У нас народ, знаете, свято относится к искусству. Пепельницей иногда могут запустить, но чтоб руку на полотно поднять — такого не бывало. И оно висело и висело здесь. Иногда я просыпался утром и думал, что мои дела не так уж плохи. Моя работа выставлена в гостинице, я еще не стар, еще в хорошей форме и многое могу успеть. Но к вечеру я снова понимал: я жалкий неудачник, не больше. И так все время... И я решил, что, пока существует эта картина, пока она висит здесь, в этом проклятом номере, не будет мне покоя, я буду думать только о ней и ничего больше не сделаю. А время идет... Я хотел жить нормально, как все — завести семью, дом, я хотел, чтобы у меня был ребенок, чтобы он бегал по траве, а я спа-

сал его от налетающих птиц... Я все придумал, как мне хорошо жить, но я был на крючке. На этом. (*Показывает на картину.*) А сегодня вы меня сорвали с него. Я наконец свободен! Я — ничто!

Х о з я и н. Ничтожество! Так вернее.

Г о с т ь. Вот!.. Хорошие вы слова подбираете. Ничтожество. Именно! О, вы не понимаете, как прекрасно ощущать себя ничтожеством! Все впереди. Словно ты еще не родился, а только стоишь у входной двери, за которой — мир. Жизнь еще только будет. Все великие дела начинаются с ощущения себя ничтожеством, пылинкой, клопом перед Богом, Вселенной, Истиной. Только тогда можно приниматься за великое дело, начинать медленно подбираться к Богу... ближе... ближе... ближе... и — раз! — схватить старика за бороду. Да, я ничтожество, но с этой минуты я начинаю приближаться к Богу. Тихо... тихо... тихо... на цыпочках... (*На цыпочках идет к двери.*)

На его пути встает Хозяин.

Х о з я и н. Стой! А кто заплатит обещал?

Г о с т ь. Но я чисто символически... У меня как раз несколько... Перебои с деньгами...

Х о з я и н. Ах, перебои! Тогда вот что. Ты сейчас пойдешь домой, а завтра такую же картину мне представишь. Ночь работай, кровь из носа, а чтоб картина к завтраму была.

Г о с т ь. Это по какому такому праву вы мне приказываете?

Х о з я и н. А по такому, что у меня твой паспорт.

Мгновенно оба кидаются к столу, где, с тех пор как Хозяин проверял у Гостя документы, лежал паспорт Гостя. Хозяин успевает выхватить паспорт из-под носа Гостя.

Хоп! Теперь ты у меня в руках.

Г о с т ь. Отдайте паспорт!

Х о з я и н. Э, нет. Сначала ты мне намалюешь то, что я поломал.

Г о с т ь (*жалостливо*). Отпустите меня.

Х о з я и н. Иди, пожалуйста. Только паспорт у меня останется. Посмотрим, как тебе другой выдадут, ведь ты человек без определенных занятий — тунеядец. Ох, крышка тебе без документа! Иди, иди, проваливай! (*Распахивает перед Гостем дверь номера.*)

Гость не двигается с места.

Вот так. А теперь иди и берись за работу. Сам тут расчирикался: «Я гений, я гений...» Гений, так давай! Что ты, простенькую картинку за ночь намахать не можешь?

Г о с т ь. Не могу...

Х о з я и н. А ты постарайся.

Г о с т ь. Простенькую не могу... У меня опять шедевр получится.

Х о з я и н. Шедевр? Тащи шедевр — и шедевр сойдет.

Г о с т ь (*рвет ворот рубахи*). Все снова, все снова... О, какая мука! Я снова создам шедевр. То есть это я буду так думать, что создал шедевр. Или не шедевр — буду думать я. И все. Пропашая душа! Я снова не ничтожество, не клоп, не пылинка — я автор картины, лучшей картины 343-го номера. Снова эти четыре стены станут моим миром. Здравствуй, 343-й! Прощай, жизнь! Я никогда не буду стоять за деревом и целиться в птицу... (*Хозяину.*) Вам меня не жалко?

Х о з я и н. А раз ты сам себя не жалеешь. Зачем ты думаешь, что делаешь что-то особенное? Зачем так? Ты не старайся, делай на живую нитку, прохладно, прохладно, чтобы ничего в душу не западало. Душа не будет болеть. Ты побереги ее. Меньше волнуйся, как можно меньше. Учись у спокойных людей. Вот я сейчас здесь, в вашем городе, а что там у меня дома, меня совсем не волнует. Я, если хочешь знать, не очень точно помню, кто там у меня дома остался. Вроде жена, вроде бы еще одна, а может, две... вроде бы дети... один... девочка. А, что вспоминать, тужиться — приеду разберусь. Все это еще мне до следующей командировки плешь переест. А сейчас мне легко — и слава богу. Вот и ты — рисуй чего полегче, а мы тебя тут, в 343-м, всегда простим. Нам лишь бы кран в туалете не подтекал.

Г о с т ь. Знаете, я лучше заплачу за порчу имущества.

Х о з я и н. Зачем тебе тратить?

Г о с т ь. Наскребу... Дешевле выйдет.

Х о з я и н. У тебя такое ремесло в руках, а ты наскребать будешь.

Г о с т ь. Да и кому нужна моя картина!..

Х о з я и н. Ты тут не прав. Вот я как-то встал

утром, посмотрел в окно — дождик накрапывает, а на твоей картине он еще больше. Настроение поправилось.

Г о с т ь. Значит, вы все-таки смотрели на мою картину?

Х о з я и н. Смотрел, смотрел. Это я так, чтобы тебя позлить.

Г о с т ь. Но я к завтраму не успею.

Х о з я и н. Я понимаю... Там еще рама треснула.

Г о с т ь. Небо сложно прописывать.

Х о з я и н. Я командировку продлю. Дам телеграмму... Я им тут поршни выбиваю. Думаешь, просто?

Г о с т ь. Паспорт останется у вас?

Х о з я и н. Пока у меня.

Г о с т ь. Не отдадите?

Х о з я и н. Нет.

Г о с т ь. Это ваше последнее слово?

Х о з я и н. Ты что, мне угрожаешь?

Г о с т ь. Нет. Просто мне надо ощутить безвыходность положения. Чтобы засесть за работу. У меня так. Мне нужно состояние безвыходности.

Х о з я и н. Выхода у тебя нет. Будь уверен.

Г о с т ь. Спасибо. *(Встает.)* Ну, я пойду.

Х о з я и н. Посиди еще.

Г о с т ь. Нет, надо сегодня начать. А то к утру все растеряю.

Х о з я и н. Тут такая скука... Я никого в этом городе не знаю. Вот только тебя... Завтра не зайдешь?

Г о с т ь. Нет. Приду, когда кончу.

Х о з я и н. Могли бы посидеть...

Г о с т ь. Нет. Без картины мне в этом номере будет плохо.

Х о з я и н. Можем в ресторан спуститься.

Г о с т ь. Я, когда работаю, должен быть голодным.

Х о з я и н. Ну, тогда скорей кончай. Ты особенно не старайся. Здесь сойдет... *(Спыхватывается.)*
Извини.

Г о с т ь. Я постараюсь побыстрей.

Х о з я и н. Я тебя буду ждать.

Г о с т ь. До встречи.

Х о з я и н. Не затягивай.

Г о с т ь. Хорошо.

Х о з я и н. Будь здоров.

Г о с т ь. До свидания. (*Уходит.*)

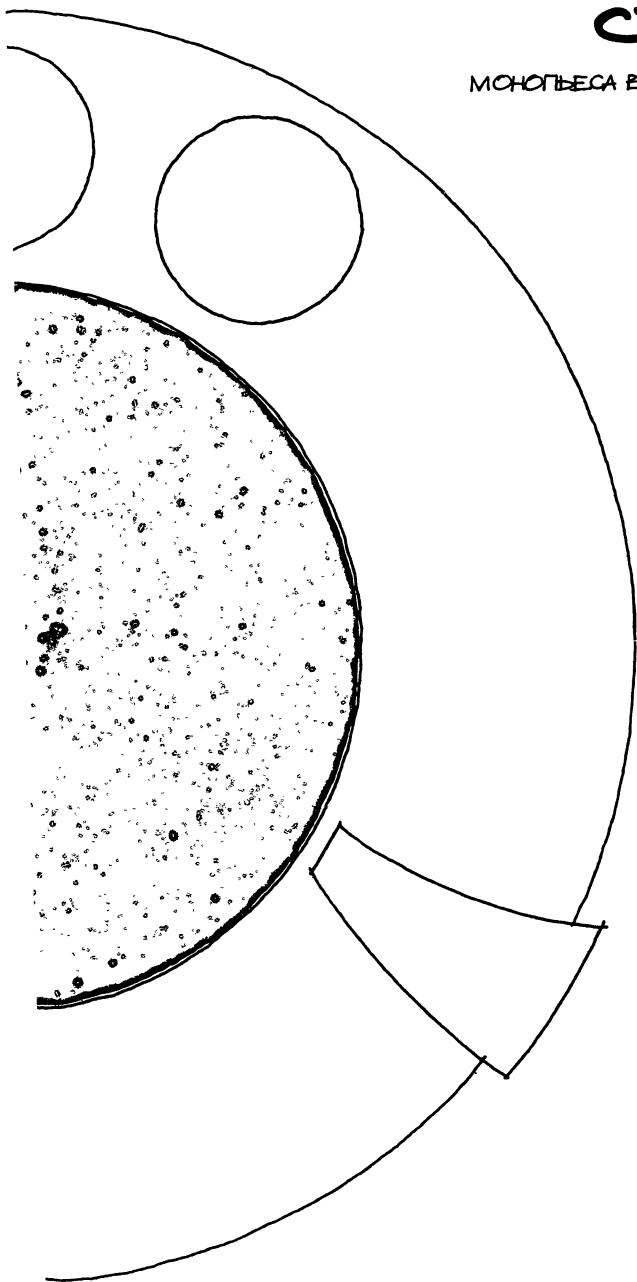
Хозяин некоторое время ходит по номеру. Потом останавливается перед остатками картины. Пытается соединить края холста.

Х о з я и н. Над небом он, наверно, долго работает.
Как настоящее было...

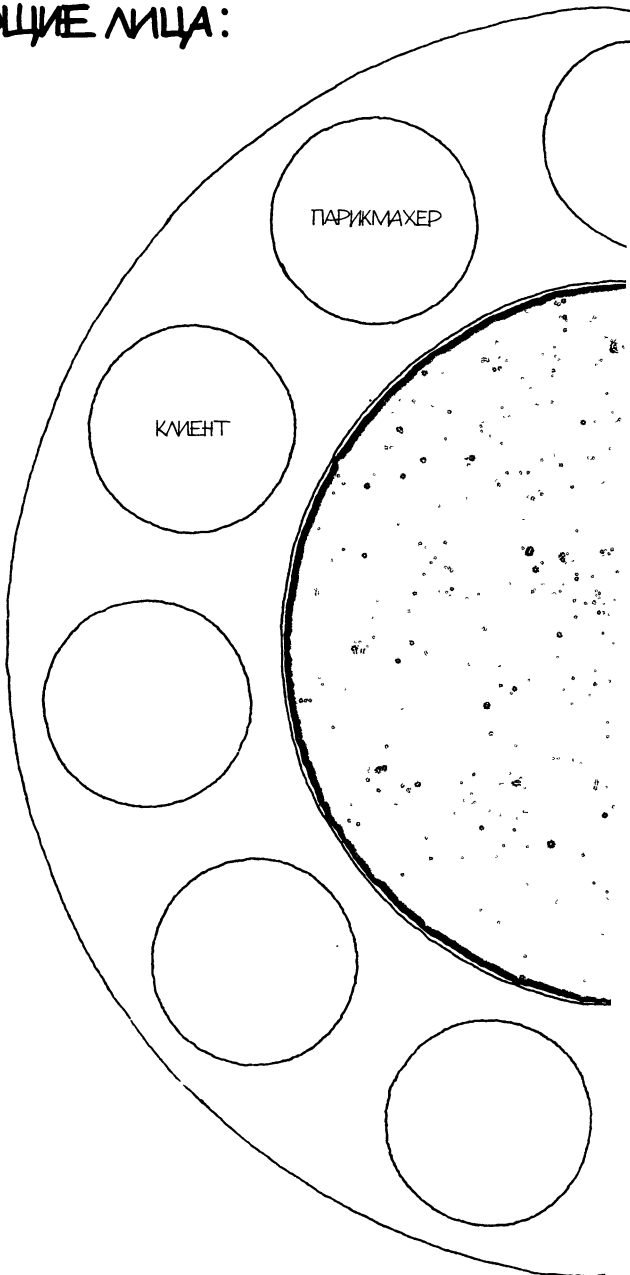
З а н а в е с

СТРИЖКА

МОНОПЬЕСА В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Посредине сцены стоит парикмахерское кресло. Рядом — столик с инструментами для стрижки и бритья. На столике стоит телефон.

П а р и к м а х е р (в к у л и с у). Следующий!

На сцену выходит Клиент и садится в кресло. В течение всего спектакля Парикмахер может стричь одного клиента. Может быть и так, что клиенты в кресле будут меняться. К примеру, после Толстого мужчины в кресло сядет Длинноволосый парень, потом Старик, потом Высокий блондин, среди клиентов может быть и Мальчик, которого Парикмахер стрижет, посадив на специальную скамеечку...

Не исключен вариант, когда вместо живого человека в кресле будет сидеть манекен, кукла, натуралистически выполненная, так что в первые мгновения стрижки можно будет подумать — в кресле сидит живой человек.

Выбор варианта, а также разработку линии поведения Клиента автор составляет за режиссером. Неизменным остается лишь одно — монолог Парикмахера ни разу не прерывается голосом другого актера.

П а р и к м а х е р. Как вас постричь? (Однако сразу же.) Только ничего не говорите! Я все знаю. Ничего не надо говорить — сидите, молчите и не двигайтесь! Я все сделаю. Где снять, где добавить — мне все ясно. Терпеть не могу, когда клиент начинает долго объяснять, как ему сделать, чтобы он стал красивым. Ведь со стороны виднее. Вы в руках профессионала, ничего не надо говорить. (Пауза.) Впрочем, я чувствую, что вы хороший клиент. Мы с вами сработаемся. А то бывают такие — приходит один, садится и спрашивает... меня спрашивает. «Вы, — говорит, — в ленинградском Эрмитаже были?» — «Ну, был», — отвечаю. «Помните картину кисти Тициана «Страдания святого Себастьяна»?» — «Ну, помню». — «Так вот сделайте мне, как у него. Только сверху не сильно снимайте». Он забыл, что в этом Себастьяне во всех местах стрелы понатыканы. Прямо в голое тело. Я, когда брил этого клиента, я ему пару порезов нарочно нанес. Чтобы больше похож был на святого. Раз хочется человеку. А вы мне нравитесь, вы хорошо сидите, поняли, что вы в руках профессионала. Не скажу, что я парикмахер номер один, но в первую десятку вхожу. У нас в парикмахерской есть один, очень честолюбивый, мы, когда курим, заводим его. Говорим, парикмахер номер один, ну например, Иванов, парикмахер номер два — Петров, парикмахер номер три — Сидоров, парикмахер номер четыре — Семенов, парикмахер номер пять... ну, там Николаев... И тут этот наш не выдерживает: «А когда же я?!» Но мы постепенно

спесь с него сбили — он теперь до парикмахера номер восемь выдерживает... (*Вдруг.*) Мне надо отлучиться... на полминуты... за свежей салфеткой... даже секунд на двадцать, я успею... У меня к вам просьба, если мне позвонят... вот телефон... крикните меня... Или возьмите трубку, скажите, сейчас подойдет, я тут же выбегу... это близко... шагов двенадцать... даже десять... Вы скажете: «Сейчас подойдет», — и я сразу... Я жду звонка. Я привязан, понимаете, я привязан... Только не подумайте, что это повлияет на качество стрижки! Ни в коем случае! Вы в руках профессионала. У настоящего профессионала руки и сердце не связаны. Говорят, все надо делать с сердцем. А я вам скажу: нет! Каждый день в сердце творится разное... иногда такое!.. а делать я каждый день должен одинаково — одинаково хорошо! И вы, клиенты, не должны даже догадываться, что у меня на сердце сегодня. Я мигом. (*Убегает за кулисы и тотчас появляется с салфеткой.*) Мне никто не звонил?.. Звонка не было?.. Вы ничего не слышали?.. Фу!.. Успел, значит...

Парикмахер повязывает Клиенту салфетку, потом простыню, берет в руки ножницы, расческу, оглядывает голову со всех сторон и начинает стричь.

Вы видели «Юнону и Авось» у Захарова? У нас все мастера видели. Говорят, выдающийся спектакль. Но я сейчас больше балет уважаю. У меня один балетмейстер стрижется. Я ни одного спектакля с Плисецкой не пропустил. Правда, он лысеет, балетмейстер мой. Я борюсь с его лысиной, как лев. Я достаю ему импортные средства. Я так втянулся в балет. Как я буду жить без этого?! Вам сколько лет?.. Не говорите! Я сам отгадаю. Я думаю, мы где-то ровесники. Вы, как я, выглядите моложе своих лет. Мне в разное время суток дают разный возраст. С утра, после душа, бритья, чистой рубашки, дают тридцать пять, к обеду уже тридцать девять набегает, потом наступает такой час — ни день, ни вечер, свет такой, ни туда, ни сюда, — вот тогда, в этот час, и тридцать четыре могу схватить. Особенно в профиль и если подбородок повыше держать. Я в этот час стараюсь подбородок повыше держать, как при бритье. В этот час может все решиться. Потому что еще немного, и включают электрическое освещение, а вечером при электрическом освещении мне со стороны совсем к сор-

ковке подходит и даже переваливает. А вообще-то мне сорок два. Это много или мало? Я считаю, для мужчины в самый раз. Мог бы иметь двадцатилетнюю дочку. Даже двадцатидвухлетнюю... Почему-то я всегда думаю, что мог бы иметь именно дочку. Смотрю на молодых девушек и представляю, что у самого могла бы именно такая. У меня есть один знакомый, большой ходок, у него поговорка: «Пусть ей даже шестнадцать, лишь бы молодого выглядела». Вот так же, как вы, пришел однажды стричься, и мы с ним подружились. Меня сначала поразили его волосы. Рыжие-рыжие. Я таких не видал. Прямо красные! Но не конопатый. Знаете, чаще всего рыжие бывают с веснушками, а у этого ничего, чистенький. Счастливчик. В детстве рыжих дразнят, а потом они становятся счастливчиками. Не, мы с вами — нормальные брюнеты, а они — рыжие. Он тоже сидел спокойно, как вы... Я слышал, где-то в Америке в одной парикмахерской над креслами висят таблички; над одними: «Для любителей послушать», а над другими: «Для любителей поговорить». Последнюю табличку над моим креслом не повесишь, верно?..

Парикмахер идет к телефону, поднимает трубку, слушает. Кладет трубку, возвращается к креслу.

Гудит. (*Пауза.*) Он, рыжий, был явно из любителей послушать. Потом я, правда, убедился, что и поговорить он может. Особенно про женщин. Тут он специалист... Сейчас немного потерпите, я пройдусь по вашим волосам бритвой. Вообще это ничуть не больно, но некоторым неприятно. Есть мастера, которые только бритвой и работают. Вот моя бывшая жена. Она была парикмахером. Я тут по телевизору видел — муж и жена работают на одном заводе, приходят домой, и только про мартены и блюминги у них разговор. Глупость. Все не так. Это счастье, когда муж и жена работают в одной системе. Приходишь домой, ничего не надо рассказывать, как у тебя там и что. Она все знает, и дома вы только друг для друга и работа забыта до утра. Если в первую смену. А если во вторую, то совсем здорово. Мы, когда расписывались, мы условились: жить будем весело. И мы весело жили. Месяца через два после нашей свадьбы встречает меня товарищ и спрашивает. «Ну как, — спрашивает, — ты доволен семейной жизнью?» — «Пока да», — отвечаю. А товарищ: «А я пока нет». А он женат

уже лет восемь. Мы весело жили. Мы условились: год она будет застилать постель, год — я. Я по четным годам, она по нечетным. А раз в четыре года, когда високосный и лишний день накапливается — в этот день вместе, наперегонки: я одеяло, она подушку, я простыню, она другую подушку... Весело! Но до високосного года мы не дожили. Только не спрашивайте почему. *(Неожиданно. Резко.)* Сидите и молчите! Как сидели. Я все сделаю сам. Здесь мы чуть уберем, — уши видны не будут, они у вас несколько... выдающиеся. *(Пауза.)* Я сам не понимаю: почему мы разошлись?.. Я что-то сказал, она что-то сказала, я перестал разговаривать, она перестала... И мы разъехались. Но не в этом дело... Я, знаете, до сорока лет страдал от своего характера, от того, что он не такой, как хотелось бы. Я мягкий человек, не хватает решимости, резкости... Рубануть по столу, рывкнуть: «Нет!» — или: «Да!» Я так: «Может быть... Посмотрим...» — а то и: «Может быть, посмотрим...» Страдал от этого, понимал, что в нашей жизни надо быть потверже, но ничего не мог с собой поделывать. До сорока лет я боролся со своим характером, думал — переломлю себя, и жизнь пойдет другая. А в сорок лет понял, что никакой другой жизни не будет. Что есть — то есть. Есть такой характер — все, привет, поезд ушел. Другого не будет. И как только я до этого дошел, я перестал бороться со своим характером, а стал... любоваться. Да-да, именно — любоваться. Характером своим, жизнью... «Смотри ты, — думаю, — от меня ушла женщина, а я ничего». Я даже сам себя заинтересовал. «Вот тип, — размышляю я про себя о себе. — Тут бежать надо, руками размахивать, по столу стучать, а он (это я) ходит себе на работу — обратно, на работу — обратно...» Потом замечаю, иду по улице, смотрю по сторонам — нет ли ее в толпе. «Наконец проснулся», — думаю про себя. Но не попадается. Потом смотрю, одна похожа, вроде походка ее, догнал — не она. У другой прическа сзади чуть-чуть ее напоминает. Вперед забежал — не она. И вот постепенно мне стали попадаться женщины, все больше и больше похожие на нее. Ну просто почти она! Почти двойники. «Ну, — думаю, — скоро, значит, ее встречу». Уж очень вокруг меня напряженно, должен быть взрыв. Однажды иду — бах! — она. И походка, и прическа — она! Бросился я к ней. рванулся, забыл, что характер у меня нерешительный...

Но вдруг все внутри меня опало, и я прошел мимо. Нет, это была она, но... С ней рядом шел мужчина, но не в том деле, что м у ж ч и н а, а в том, что он был похож на меня. Рост, походка, прическа — все мое. Но не я. Какие-то пошлые усы концами вниз, бедра широки. Одет тоже... я бы так не оделся, слишком ярко, рубашка гипюровая, вкуса нет. Короче, прошел я мимо и полюбавался на свою неудачу. Не расстроился, нет, я научился любоваться своими неудачами, полюбавался и подумал: «Что ж ты не подождала, ведь немного оставалось и встретился бы тебе я. А мне — ты. Ведь я дождался... А тебе стали попадаться похожие на меня, ты на полпути и остановилась». И все. И как бритвой отрезало. И сразу вокруг меня исчезли женщины, похожие на нее... Между прочим, хороший дамский мастер была. Работала только бритвой. Правда, меня стригла плохо. Когда мы жили вместе, ходил как клоун, волосы во все стороны торчали. Но я не перестригался, так и ходил как клоун. Боялся обидеть. А она однажды сказала: «Волосы у тебя непокорные, зато сам ты такой причесанный...» (*Взрывается.*) Да, причесанный! Просто с мужской головой надо уметь работать! И она сама причешется! Волосок к волоску! Волосок к волоску!.. (*Постепенно успокаивается.*) Волосок к волоску... Волосок к волоску... (*Теперь это уже относится к голове клиента.*) Вы назад носите или вперед?.. А может, на косой пробор?.. Вы скажите — я сделаю, как захотите. Если желаете, можно и художественный беспорядок. Но я вижу, вы не из клоунов. Тогда сидите смирно, я знаю, что вам нужно.

Некоторое время Парикмахер молча стрижет Клиента.

А что, мне плохо? Я человек независимый, самостоятельный, зарабатываю хорошо. Оклад сто двадцать — сто тридцать... Но я хорошо зарабатываю! Кое-кто считает профессию парикмахера так себе... Это, я вам скажу, отсталый взгляд. У нас всякий труд в почете, любая профессия уважается. А тем более именно сейчас сфера обслуживания. Люди стали жить лучше, у многих появились деньги. Правда, откуда — вопрос. Впечатление такое, что все подпольные парикмахеры — каждый что-то стрижет. Ну, это не наше дело... А когда у человека есть деньги, он хочет иметь своего парикмахера, своего портного, своего автомеханика, своего мольного оператора... Человеку уже не надо, чтобы его стриг

случайный парикмахер и подешевле, ему хочется, чтобы прическу ему делал свой человек и брал подороже. И, кстати, чтобы разговаривал с ним при этом... Так, легкая беседа, чуть-чуть о политике, немного о сексе, легкая поюморить, продать новый анекдотец... Я для многих — свой парикмахер. Тоже вроде бы унижительно. Но он считает меня своим парикмахером, а я считаю его своим инженером. И если мне чего-нибудь нужно, то он к моим услугам. Правда, мне в ближайшее время не понадобится построить мост или там домну... Да, собственно, что мне от него может быть нужно? Скрепки, кнопки... Так что пусть он за меня держится, а не я за него. Это сейчас многие хорошо понимают. Вот один мой дружок... ну, не дружок, так, вместе ШРМ кончали... он дальше учиться пошел. Работал слесарем на заводе и в вечернем машиностроительном учился. Кончил институт, перевели его в замначальники цеха. Получал он двести — двести пятьдесят, стал получать сто сорок. Крупное повышение! Побултыхался он в начальстве, уволился, спрятал свой диплом в бабушкин сундук и пошел учиться... на парикмахера. Сейчас уже в «Чародейке» работает. Стадвацирублевым машиностроителям прически сооружает. Кроме того, стрижку пуделей освоил, по дипломатическим домам ездит... А кем бы он был, если бы по своему диплому пошел? Ну начальником цеха, ну главным инженером, ну директором. Деньги те же, а ответственность!.. Директора своя голова кормит, а парикмахера — чужая... Ничего, что я болтаю? Вы никуда не спешите? Если сели в кресло, спешить не надо. Я не люблю спешить. У нас тут есть один парикмахер — он спешит. Он уже стрижет в счет 1999 года. Волос у людей еще нет, а он их уже стрижет. А у некоторых к тому времени лысина будет, он и ее стрижет. У меня зуб дергает иногда, так тихонько тянет, тянет... Я не спешу идти к зубному врачу. Пока терпеть можно. А кто знает, что с нами будет завтра? Может, завтра на меня вдруг кирпич свалится. Так лучше я до этого момента поживу без этой ужасной бормашины. Но что-то в последнее время со мной случается все меньше и меньше неожиданностей. Может, возраст... СКОЛЬКО РАЗ БУДЕТ СНЕГ, И СКОЛЬКО РАЗ — ТРАВА, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ЧТО-НИБУДЬ ИЗМЕНИТСЯ ВОКРУГ?.. (Пауза.) Это не мои слова.

Внезапно Парикмахер бросается к телефону, лихорадочно набирает номер. Кричит в трубку.

Бюро ремонта? Девушка, девушка, проверьте, пожалуйста, номер 72-44-50. Не прозванивается. Я знаю, мне звонят, а я не слышу, ничего не слышу... Я говорю с этого номера... Я вас слышу, очень хорошо слышу, но не прозванивается. Звонков нет. Не звонит... Нет-нет, мне должны звонить, я знаю... Проверьте, пожалуйста... *(Ждет у телефона.)* Все в порядке... И было все в порядке... А почему же никто не звонит?.. Вы думаете? Спасибо.

Парикмахер кладет трубку. Возвращается к креслу и некоторое время молча работает над головой Клиента.

Я иногда утром записываю свои сны. Мне снятся удивительные сны, сложные, с приключениями, с разговорами... Интереснее, чем телевизор. В последнее время я жду ночи. Что мне в этот раз покажут. В телевизоре все ясно, а здесь тайна. Правда, эту тайну я уже немножечко разгадал. Я чуть-чуть научился... заказывать сновидения. Выращивать их искусственно, как шампиньоны. Я заметил, что если перед сном попить слабого чая с айвовым вареньем под синей лампой — обязательно под синей! — почти наверняка приснится дворец в восточном стиле, а может быть, если повезет, и гарем. Такой передачи по нашему телевизору не увидишь. Специально на зиму айвы напасаю. Наварю варенья, — и я в порядке! Я сам готовлю. Все умею делать. Я ведь живу один. В однокомнатной квартире. Двадцать метров комната, девять и восемь кухня, холл, лоджия метров шесть... Я всю жизнь прожил в коммунальной квартире. Года четыре всего живу один. Иногда ночью я встаю, зажигаю везде свет и пью чай на кухне. Или поджариваю бифштекс. Вообще-то я больше отбивную уважаю, но отбивать ночью нельзя — соседи внизу... А своим бифштексом я никому не мешаю. Я люблю ночью поесть. Говорят, на ночь есть вредно. Не верьте! Надо брать пример с диких животных, они всегда спят после еды, и ни у кого из них нет лишнего веса, все поджарые, спортивные. Главное, после еды не пить. Ведь животные как — едят, спят и только потом идут на водопой. Вот и нам надо так. Если ночь теплая, я пью чай в лоджии. У меня очень удобная лоджия — с нее открывается прекрасный вид на пункт приема стеклотары. Правда, там всегда очередь. Но я приспособился, я в грозу сдаю. Когда гроза, у палатки никого нет. Я быстро мою бутылки в ванне

и бегу. Промокаю, но зато без очереди! А у меня соседи напротив, муж и жена, у них окна на другую сторону, так когда хозяин идет сдавать бутылки, жена просится ко мне на балкон и в морской бинокль наблюдает, как ее благоверный продвигается к окошечку. В эти минуты она похожа на Кутузова, а наш двор с палаткой — Бородинское поле. Правда, не всегда операция «Сдача бутылок» кончается победой наших. Иногда палатка закрывается раньше времени — тары у них не хватает... Височки прямые, косые? Баки уже не носят. Все сделаю по моде... Я привык жить один. Самое дорогое, что есть у мужчины, — это свобода. Я — один. Я отвечаю сам за себя. Я ни за кого не хочу отвечать! Сам за себя! Я — один. Не одинокий, заметьте, а о д и н. У одинокого человека никого нет, его никто не любит. А я живу в окружении любви и уважения. Ко мне очень хорошо относятся... какао, жареная картошка, — они меня любят даже больше, чем я их. У меня услужливая посуда, меня обожает мое кресло. Когда я в него сажусь, оно так обнимает меня, так согревает... Я каждый раз с кровью отрываю себя от него. А как меня любит яичница!.. Я выпускаю яйца на сковородку, и они так нежно поджариваются, желток так симметрично возвышается среди белоснежной глади белков... Только любимое существо может день ото дня доставлять такое удовольствие любимому. Бывают, конечно, у меня дома и конфликты: то кран в ванне начинает течь, то отопление загудит... Но это скорее от любви ко мне. Чтобы я обратил на них внимание, погладил их, приласкал, починил... У меня есть хрустальная ваза, очень любимая, она так отражает в себе все, что у меня есть в комнате, и это все так кружится в ней, переливается!.. Я люблю по вечерам смотреть в эту вазу, как в телевизор... Потом в один из вечеров я подошел к этой вазе и... ударил по ней молотком. *(Взрывается.)* Ударил! Молотком! Сильно! Вдребезги! Молотком! *(Успокаивается так же мгновенно, как взорвался.)* Ведь молоток я тоже любил, и он долго лежал у меня без работы, без моего внимания. Он истосковался по моей руке. Должен же я был его приласкать?.. *(Снова набрасывается на Клиента.)* Должен? Или нет? Отвечайте!!! Не надо! Меня не интересует ваш ответ. Вы пришли стричься, ну так и сидите смирно. Не крутитесь! *(Успокаивается и переходит на обычный миролюбивый тон.)* Клиенту очень важно сохранять неподвижность.

Особенно когда парикмахер работает над его затылком. Затылок — очень ответственная часть тела. Если все идет в одном направлении, вас видят в основном в затылок. И судят о вас по нему. Например, вы стоите в очереди, тому, кто сзади, есть время рассмотреть ваш затылок. А вдруг сзади вас стоит хорошенькая женщина... (*Игриво.*) Или вам это не грозит? Не грозит? Я знаю, не грозит. Ведь если в очереди сзади вас стоит хорошенькая женщина... вы обязательно пропустите ее вперед. А?! Шутка! (*Смеется.*) Но все равно затылочек мы вам сделаем.

Пауза, во время которой Парикмахер тщательно обрабатывает затылок Клиента.

Так вот, СКОЛЬКО РАЗ БУДЕТ СНЕГ И СКОЛЬКО РАЗ ТРАВА, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ЧТО-НИБУДЬ ИЗМЕНИТСЯ ВОКРУГ?.. Это не мои слова. Я вообще ничего не жду. Все лучшее в жизни получается случайно, ничего не надо торопить, не надо насиловать события. С женщинами я тоже так. Правда, мой друг, этот рыжий, говорит: «Не надо насиловать события, надо насиловать женщин». Нет, все-таки лучшие встречи получаются случайно. Однажды я поцеловал женщину, просто так поцеловал, почти шутливо, у меня не было никаких планов на ее счет. Рука моя при этом лежала, как положено, на изгибе ее спины. И вот в момент поцелуя я поймал рукой два электрических удара. Под рукой прокатилось — раз! — и еще — раз! И я все понял. Я понял, что этот случайный поцелуй уже не случайный, что он будет иметь последствия, что это поцелуй жизни. (*Пауза.*) Все так и получилось. (*Пауза.*) Она не была парикмахершей... это та, первая, была... и я думал, у меня уже никто не появится, и вдруг эти два удара под рукой — раз! — и еще — раз! И каждый раз, когда я целовал ее потом, я ловил эти два удара. С той, с моей первой, парикмахершей, мы, когда начинали жить вместе, условились, кто будет застилать постель; с моей новой любовью мы договорились, что никогда не станем мужем и женой. Никогда! Мы были единомышленниками, мы знали, что институт брака в наши дни терпит крах, и радовались, что нашли друг друга. Я ей рассказал историю своей женитьбы, она мне — своего замужества, у меня была квартира, у нее квартира — у нас не было никаких проблем, и мы были счастливы. И вдруг однажды я за-

метил изменение в ее глазах. Нет, любовь не ушла отсюда. Пожалуй, ее стало даже больше, но еще в глазах появился какой-то... маникюр. В ее глазах появился какой-то незнакомый налет, такая перламутровая пленка, как маникюр. И глаза от этой пленки приобретали такое вопросительное выражение. И я понял: она ждет. Она ждет от меня... Ну, короче, чтобы я ей предложил... Предложения ждет. И я понял: когда мы с ней улаживались, что всю жизнь будем только любовниками, она меня только начинала любить, а вот теперь любит по настоящему и теперь к ее мозгу не пробиться. Но она ничего про это не говорила, молчала, и только вот этот маникюр в ее глазах... Но как-то она все-таки проговорила. Она сказала: «Если бы мне кто-нибудь сказал: «Подожди, и все изменится»,— я бы ждала сколько угодно. Но мне никто ничего не говорит». — «Подожди, и все изменится»,— сказал я. «Нет,— сказала она,— ты не сам придумал эти слова, я тебе их подсказала». Тогда я: «Какое это имеет значение? Я сказал». — «Хорошо. Сколько мне ждать?» — спросила она. Я сказал: «Ты же сама говоришь, что это неважно, что ты готова ждать сколько угодно. Тебе хотелось иметь эти слова — считай, что они у тебя есть». Она. «Мне двадцать семь». Я: «Мне тоже... сорок. Я не считаю, что это много». Она: «А я старуха, старуха! Когда ты решишься, мне будет семьдесят. Что ты со мной будешь делать?» Я сказал: «Я решу гораздо раньше». Она: «Раньше мне тоже будет много». Я сказал... я сказал: «Ты всегда будешь для меня моей девочкой». И тут она заплакала. Я сказал ей: «Потерпи». Она сказала: «Я и терплю. Но если бы мне кто-нибудь сказал: «Подожди, и все изменится»,— я бы ждала сколько угодно». (Пауза.) А теперь я жду звонка. Из родильного дома. Она рожает. Я договорился, мне позвонят... Она сама решила изменить что-то в своей жизни. **«СКОЛЬКО РАЗ БУДЕТ СНЕГ, И СКОЛЬКО РАЗ ТРАВА, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ЧТО-НИБУДЬ ИЗМЕНИТСЯ ВОКРУГ?»** Это ее слова. Теперь меняется. Для нее. У меня пока все по-прежнему. Утром я жарю свою яичницу, я сажусь на автобус номер семьдесят один, еду до остановки «Школа», пятьдесят два шага — и я у этого кресла. (Вдруг кричит.) Бриться будем?! Я спрашиваю: бриться будем?! (Спокойно.) Извините.

Парикмахер быстро выходит. На ходу от кресла к кулисе он снимает с телефонного аппарата трубку и кладет ее рядом на стол. Некоторое время на сцене лишь неподвижно сидящий в кресле Клиент. Возвращается Парикмахер со свежими простынями и салфетками. Набрасывает их на Клиента, готовится к бритве: взбивает пену, правит бритву... Намылывает Клиенту щеки.

Вы чем дома бреетесь: электробритвой, опасной?.. Мне надо знать. Если ваша кожа не привыкла к опасной бритве, вас надо брить по-особому. Электробритвой, конечно, быстрее, но опасная освежает, она снимает тоненький слой кожи, и у вас всегда свежее лицо. Вы знаете, рассказывают... не знаю, правда, а может быть, придумано... Короче, Хрущев, еще давно, съездил в Америку, привез оттуда электробритву «Браун», отдал на Харьковский завод и сказал: «Сделайте точно такую. Только, ради бога, не улучшайте!» «Харьков-5», помните, такая была? Правда, все-таки кое-какую рационализацию они внесли — шнур иногда в самом основании перегорал... Я в детстве, когда смотрел, как отец мой бреется, все думал: неужели мне всю жизнь возиться с этими мыльными палочками, помазками?.. Помазок всегда мокрый, противно. Но к тому времени, когда у меня выросла борода, как раз и появилась первая советская электробритва в коробочке — «Харьков-5». Я бреюсь опасной, но эту свою первую бритву не выбрасываю. Я — бархольщик. Я ничего не выбрасываю. Я часто меняю бритвы, часы, другие мелкие вещи, но старых не выбрасываю. Уж я часов сто пар сменил, а первого послевоенного выпуска «Победу» храню. Знаете, с красненькой цифрой двенадцать? Все цифирки черные, а двенадцать красненькая. Мне эти часы родственники в складчину подарили, когда я школу кончил. Я очень часы хотел. В детстве мне отец иногда свои большие часы поносить давал. Едем мы с ним в автобусе, а я всю дорогу переносицу левой рукой чешу, — так мои часы всем видно. Смех! *(Вдруг метнулся к телефону, коротким движением кинул трубку на рычаг и снова подскочил к креслу. Лихорадочно.)* Они идут, эти старые часы, идут... Тютелька в тютельку... Раньше на совесть делали. Первый послевоенный выпуск, а идут, как вчера купил. Это Рыжий все, Рыжий, все этот Рыжий... Он говорил, гони, гони, говорил, не приучай, гони... Холодней, холодней... чтоб не привыкла... Усы не будем оставлять? *(Кричит.)* Не модно

уже усы, не модно... Не носят! Относились! (*Успокоенно.*) У него были очень подходящие волосы для усов. Пышные. Почти у всех крысиные хвостики, а у него пышные, как на портретах у старых полководцев. Адмирал Макаров. Да я ему еще их специально обрабатывал. Роскошные усы!.. Когда он мне долго не звонил, я встречал его и спрашивал: «Почему ты мне долго не звонишь?» Он вынимал из портмоне бумажку, показывал мне список и говорил: «Ты у меня восемнадцатый». Я обижался. «Не обижайся,— говорил он,— у меня мама шестая». Я с ним познакомился прямо сразу после того, как развелся с моей первой женой, и он учил меня всем премудростям холостой жизни. Он не говорил про себя: я — холостяк; он говорил: я — плейбой. «С женщиной грубее,— говорил.— Холодно, холодно, пусть ни на что не надеется. Чуть заметит в глазах влажность — все, сядет на голову. Гладь прохладной рукой, смотри сухим глазом... Утром сразу прогнать. Может, и жалко — но прогнать. Не волнуйся — вернется, на лестнице ждать будет, как собачонка, пока придешь». Смеялся, рассказывал, что у него такие случаи бывали. Ночью возвращался к себе с другой, а предыдущая стоит под дверью. «Это соседка,— говорит он той, которую привел, про ту, которая под дверьми,— за спичками пришла». Дает той, которая под дверьми, коробок спичек и захлопывает дверь у нее перед носом. Ловко? (*Пауза.*) Та, которая сейчас рождает, была в его списке на первом месте. Потом он перенес ее на третье, потом на одиннадцатое, потом куда-то в конец списка... А потом он познакомил ее со мной. Потом он говорил другим: «Я попользовался, а он завяз». И очень меня за это ругал. «Сбиваешь нам ритм». А я завяз... И она завязла... Я бы на месте клиентов боялся садиться в кресло к незнакомому парикмахеру. Иногда, знаете, если у тебя бритва в руках, да клиент еще шею свою белую тянет, так легко... одно движение... так и хочется... Парикмахеров, как летчиков, надо проверять на психическую уравновешенность. Сумасшедший летчик может нажать кнопку, и начнется война. Что может сделать скромный парикмахер?.. Но знаете, что я вам скажу: скромность и рождает вот здесь и здесь (*показывает бритвой сначала на свое сердце, потом на голову*)... нет, скорей здесь (*показывает на голову*), она рождает такое... что опасная

бритва может стать опасной. Сколько можно водить бритвой вверх и вниз?.. Иногда так и хочется вглубь... У вас похудение в районе макушки. Уже просматривается полянка. Пока это заметно только парикмахеру, но если вы не позаботитесь... Достаньте польское средство Л-102 и на ночь втирайте, втирайте... Крепче втирайте! Подушка пачкается, но зато можно остановить похудение волосяного покрова. А то девушки перестанут вас любить. Девушки любят жесткие мужские кудри, они обожают блуждать в зарослях своими розовыми ноготками... А что они будут делать в пустыне? Перламутровые пальчики ныряют и выныривают в вашей шевелюре, и вот вам уже кажется, что вы океан и стадо дельфинов играет в ваших прохладных волнах... Однажды она сказала мне, что беременна. Вот бабы! Они проходят путь от первого до последнего пункта в списке одного, потом переплывают в список другого, потом третьего, потом они говорят, что беременны!.. Они только прикидываются кроткими, такими девочками-лапочками, зайчиками-зверюшками, они говорят вам: «Ты мой сладунчик, ты мой пупочек»,— вымываются в душу, а потом попробуй выпихни их оттуда... *(Агрессивно.)* Их надо выпихивать!.. Выпихивать!.. Как одна засиделась — каюк! Не нарушать ритма — выпихивать! А если что — не признавайся! Сама виновата. Ищи отца в других списках. Я — эпизод. И никто не докажет. Тем более что все знают, что она была не только с тобой. Была! Была! Шлюха! Курва! Подстилка! Пошла вон! Вон!!! Вон!.. *(Пауза. Спокойно.)* Так он меня учил. Рыжий. И так я сделал. Не в такой грубой форме, разумеется.

Звонит телефон. Парикмахер одним прыжком оказывается у него.

Алло!.. Алло!.. Да-да, парикмахерская... Что? Кто это говорит?.. *(Сникает.)* Мы работаем до восьми. Но в семь двери закрываются. Так что если хотите обслужиться, приходите до шести. У меня уже все забито, я работаю с последним клиентом... Завтра?.. Кто может знать, что будет завтра...

Парикмахер кладет трубку. Некоторое время неподвижно стоит над телефоном, оставившись на него. Потом выхватывает из кипящей ванночки распаренную салфетку и быстро набрасывает ее на лицо Клиента.

Я люблю ее!.. Я люблю ее!.. Эти списки — они меня не касаются. Я люблю ее! Это мой ребенок. Она моя жена. Я люблю ее! И ребенка люблю! (*Массирует лицо Клиента. Бьет его по щекам.*) Мне никого другого не надо. Я океан, и ее дельфины... Я люблю ее! Я люблю ее! Я люблю ее! Все! (*Сдергивает с лица Клиента салфетку. Ровным тоном.*) Вот, немного терпения, и у вас новая кожа, дышит каждая пора. Чувствуете, кожа, как у младенца,— гладкая, розовая, чистая... Вообще все не так плохо, как оно есть на самом деле. В армии у нас — я служил три года,— когда кто-нибудь чего-нибудь выкинет, сержант вызывал того перед строем и показывал ему два растопыренных пальца, вот так (*показывает два растопыренных пальца — указательный и безымянный*) — показывал и спрашивал: «Сколько нарядов вне очереди?» Провинившийся смотрел на пальцы и говорил: «Два». — «Пять! — кричал сержант. — Римское!»

Парикмахер стремительно направляется к телефону, судорожно набирает номер, в трубку.

Ты сволочь! Я не с тобой. Слышишь, я не с тобой! Вычеркни меня из своего списка! Я — восемнадцатый. Вычеркни! Я не с тобой! (*Швыряет трубку на рычаг. Возвращается к креслу.*) Ну вот, сейчас мы отфрезеруем с боков — и порядок. (*Стрижет.*) Эту операцию я делаю всегда старой машинкой. У меня к ней рука привыкла, и особо важные операции я делаю всегда ею. Почти антикварная вещь. Старая немецкая фирма «Баумгардт». (*Демонстрирует машинку.*) Отец с войны привез. Он не был парикмахером, но меня стриг всегда сам. Этой машинкой. Наголо. Раньше в школе все мальчики должны были ходить остриженные наголо. Обратите внимание, на послевоенных школьных фотографиях все ребята похожи друг на друга, все под нулевку. Детскому парикмахеру легко было тогда работать. Фасон один. Я помню, как холодно было выходить на улицу после стрижки. Даже летом. Голова становилась легкой, как воздушный шарик. Казалось, вот-вот взлетит. Уж очень тщательно стриг меня отец перед экзаменами. Вот эта машинка буквально вгрызлась в мою голову. Чтoб не торчал ни один волосок. И чтобы всем было видно, что у меня две макушки. Да-да, у меня две макушки. Это сейчас не заметно, а тогда, после отцов-

ской стрижки, они сияли, как две луны. Отец очень гордился моими двумя макушками и хотел, чтобы все их видели. Я должен был вырасти счастливым. Каждый раз после стрижки отец стучал согнутым пальцем по моей голове и говорил: «Хорош арбуз». Утром в день экзамена на нашей коммунальной кухне я глотал яичницу... Странное дело, моя любимая яичница в те утра имела вкус резины. Меня всего колотило от страха перед экзаменом. Чай проваливался в живот кусками... Такой был семейный ритуал: вечером накануне экзамена отец меня стриг, а мать стирала белую рубашку, а утром, когда я ел резиновую яичницу, она эту рубаху гладила, и я надевал ее еще теплой. Не очень-то приятно в жаркий день надевать на себя теплую рубаху... Я все экзамены сдавал в одной и той же белой рубашке — счастливой. Так считалось. Две макушки и счастливая рубашка — не много ли выпало на одно?.. Верхняя пуговица у меня была всегда расстегнута, а чуть пониже ее мама закалывала мне ворот булавкой, чтобы шея все-таки не была слишком открыта, чтобы выглядел я поскромнее. И вот эта булавка впивалась мне в шею на всех экзаменах, сюда (*показывает*), где ямка. Вот что осталось в памяти — булавка, впивающаяся в горло. Но как ни странно... как ни странно... как это ни странно, резиновая яичница, стриженная холодная голова и эта булавка, царапавшая иногда до крови, — все это напоминает мне... о счастье. Я был счастлив тогда. И больше ничего такого в жизни не было. «Хорош арбуз...» (*Берет маленькое зеркало и демонстрирует стрижку Клиенту.*) Ну, взгляните, какая у вас получилась голова. Теперь вы понимаете, что мне ничего не надо было говорить? Вы сидели, молчали, и правильно. Ведь я все сделал именно так, как вам нужно. Вы посмотрите — волосок к волоску, и между нами похудение в районе макушки я замаскировал. Смотрите, не видно. Теперь можете смело повернуться затылком к самой прекрасной женщине. Пусть смотрит вам вслед! И пусть жалеет, что упустила. А вы удаляйтесь, удаляйтесь, сверкая своим безукоризненным затылком. Удаляйтесь к новым целям, к новым женщинам... Мужчина должен всегда удаляться. Чего застревать? Чтобы потом все говорили: «Он завяз». С таким затылком надо идти вперед! Кто бы меня так постриг...

А мы сидим в затылочек друг другу,
И непонятно, что это такое,
А это лошадь бегаёт по кругу,
Покинув состояние покоя.
А мы сидим в затылочек друг другу...*

Стрижка окончена! Прошу!

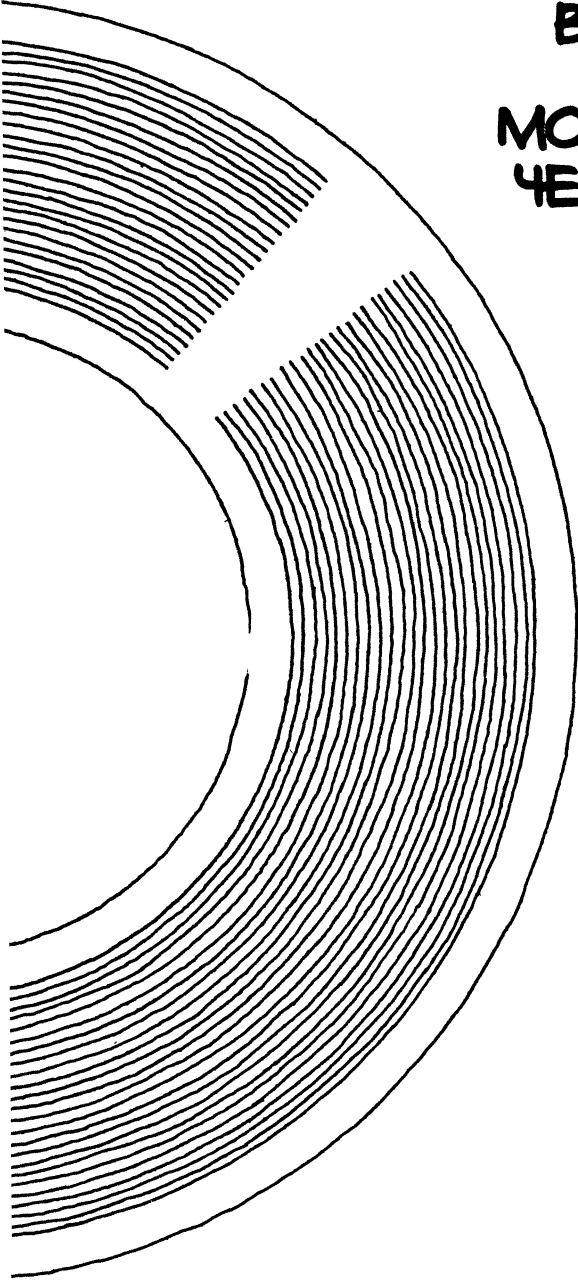
Парикмахер снимает с Клиента простыню. В этот момент раздаётся телефонный звонок. Парикмахер срывает трубку с рычага.

Алло! Да, я... Да, жду... Да, из родильного... Что?! Кто?.. Кто?.. Что?.. Девочка... Я знал... *(Внезапно начинает кричать в трубку.)* Это моя девочка!.. Это моя дочка! Вы слышите, это моя дочка! Так всем и передайте, она моя!.. Только той, только той не передавайте, только той, которая родила, не говорите. Я сам ей скажу. Расскажите мне про мою дочку... Сколько?.. Три шестьсот?.. В меня, в меня! Мне тоже килограмма четыре сбросить надо. А рост, ну, длина?.. Пятьдесят четыре?.. Во мне метр восемьдесят два — тоже сходится! Глазки голубые... Это в мать, это в мать... Волосики?.. Как? Как вы сказали?.. Что?.. Повторите... Рыженькие... Красные... Вы посмотрите, вы посмотрите внимательно, она не конопатая? Ну, рыжие всегда бывают в веснушках... Сейчас не весна?.. Но она и весной будет чистенькой... в отца. Передайте... вы меня слышите?.. передайте той, которая родила, что ее дочка будет счастливой, рыжие всегда счастливые... если только у них не две макушки...

Парикмахер кладет трубку. Подходит к неподвижно сидящему в кресле Клиенту, останавливается над ним. Стоит. Затем одной рукой нащупывает на столике машинку «Баумгардт», другой нашаривает голову Клиента и... выстригает у него борозду посередине головы. Глядя в зал, автоматическими движениями Парикмахер стрижет Клиента наголо. Медленно слезают на пол клочья волос...

---

* Стихи Л. Таракановой.

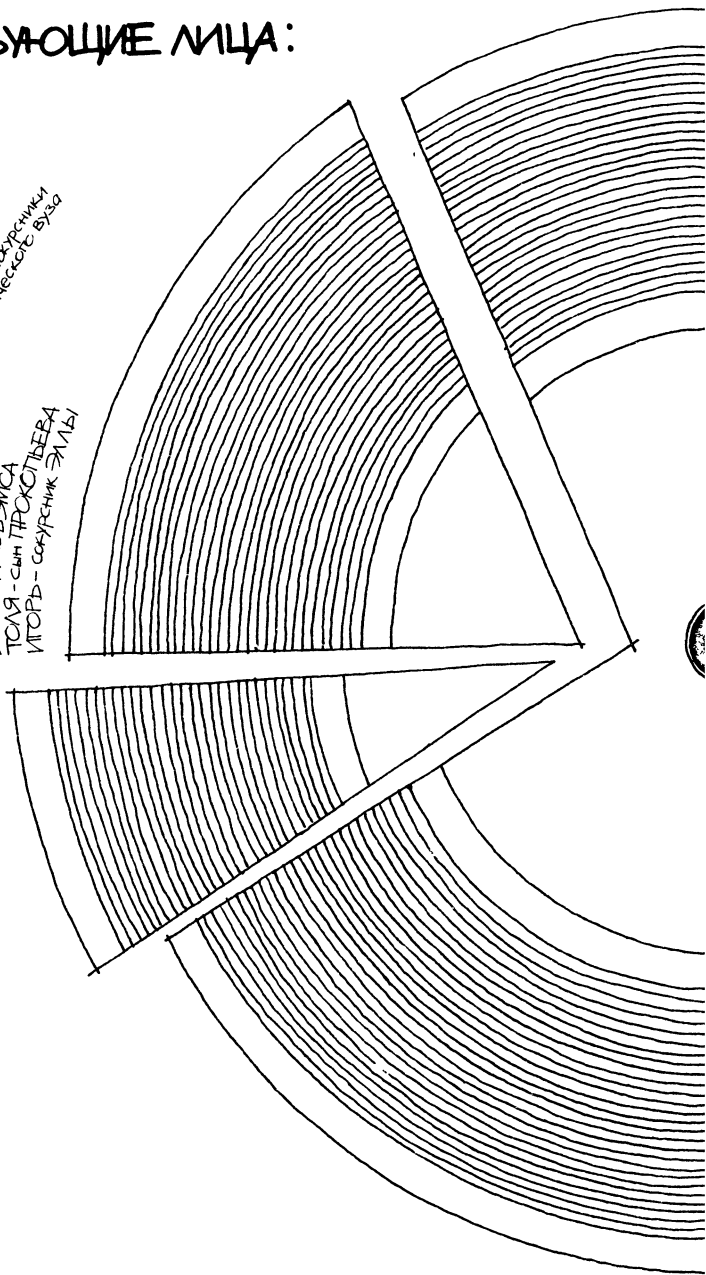

**ВЗРОСЛАЯ
ДОЧЬ
МОЛОДОГО
ЧЕЛОВЕКА**

ПЬЕСА В ДВУХ
ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

КУПРИЯНОВ, по кличке БЭМБ
ПРСКОПЬЕВ, по кличке ПРСКОП
ИВЧЕНКО } Бывшие сослуживцы
АНОСА - жена ПРСКОП } техничности БУБА
ЭМА - жена БЭМБ
ТОЛЯ - сын ПРСКОПЬЕВА
ИГОРЬ - сослуживец ЭМА

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Обычная комната в обычной современной квартире. Обстановка на уровне среднего инженерского вкуса и среднего инженерского достатка.

Хозяин дома Куприянов — старая институтская кличка Бэмс — стоит посреди комнаты с хозяйственной сумкой в руках. Его бывший сокурсник Прокопьев — Проккоп — сидит на диване.

Люся, жена Бэмса, уставляет стол закусками.

Бэмс. Я не хочу, чтобы он приходил ко мне.

Проккоп. А что, Люсь, что? Что тут такого?

Люся. Вот человек! Ты, Прокоп, не представляешь, каким он стал!..

Проккоп. Бэмс...

Бэмс. Ты что, забыл?

Проккоп. Что?

Бэмс. Не помнишь?

Проккоп. А что помнить-то?

Люся. Спортом не занимается.

Проккоп. Когда дело было... Двадцать лет назад.

Люся. Чего наматывать одно на другое, чего наматывать... Что прошло, то ушло. Живи.

Бэмс. А я все помню.

Проккоп. А я забыл! Вернее, помню, но как о приятном.

Бэмс. Ничего себе, приятные воспоминания... Приятно вспомнить...

Проккоп. Слушай, Люська, а этот порошок, «Тайд» этот, он хорошо стирает?

Люся. Еще бы!

Проккоп (*проверяет по списку*). Тридцать пачек «Тайда»... Вычеркиваю... (*Люсе.*) У нас, знаешь, со стиральным порошком в Челябинске не очень. Мне моя список дала. Покупаю — вычеркиваю, покупаю — вычеркиваю...

Бэмс (*отдает Люсе хлеб*). Возьми.

Люся. Хорошо, мягкий...

Проккоп. Еще в самолет не пустят. (*Закидывает ящик со стиральным порошком на антресоль.*) А чего? Были когда-то и мы рысаками! А, Люсь?

Люся. Особенно ты.

Проккоп. Так на первые роли не претендуем. Мы челябинские утюги. На фоне Бэмса я был челябинским утюгом.

Люся. А сейчас?

Прокоп. Что?

Люся. А сейчас ты не утюг?

Прокоп. Тоже утюг, Люська, тоже! Но с прошлым. Требую уважения со стороны молодежи. Ведь было все это у нас, было!

Бэмс. Ну что было-то? Что?

Прокоп. Не спорю, все в основном у тебя. И Люську ты вон какую отхватил. Все в институте умерли! Помнишь, Люська, все просто так и подошли!

Люся. А теперь все живут, а мы с ним помираем.

Прокоп. Да вы что, парни?

Люся. Все у него не так, все не то, всем он недоволен. И мной недоволен.

Прокоп. Ну, вы тут, в Москве, заелись!

Бэмс (Люсе). Что ты несешь?

Люся. Прокоп свой. Кому я это скажу? Да у нас никто и не бывает... (Прокопу.) Певичка из «Ориона» — тогда звучало. А теперь я кто? Вообще никто. Так, Бэмс?

Прокоп. Ты мать. (Бэмсу.) Она мать.

Бэмс. Поговорите. (Выходит из комнаты.)

Люся. Как ты Бэмса нашел? Вы же лет десять не виделись. Постарел?

Прокоп. Да что ты! Бэмс — молоток! Ну, конечно, не то, что было... Ох и давал он тогда! Наш Бэмсик — первый стилинга факультета, король джаза, покоритель женских сердец. «Джонни, парень из Чикаго!» А как ходил, как ходил!.. Небрежно! На голове кок... (Прокоп пытается из остатков волос соорудить кок на голове и вообще демонстрирует все, о чем говорит.) Галстук с драконами до полу болтается... пиджак, плечи на вате — во! (Напевает.) «А мой пиджак, а канареечного цвета, тот не чувак, кто не носит узких брюк...» А у Бэмса самые узкие были — с мылом натягивал! Полуботинки на белой каучуковой подошве вот таковой толщины... Как они назывались-то?

Люся. На платформе.

Прокоп. Ты что? Какая платформа? Тогда такого слова не было. Как же они назывались... Погоди. Ну, еще подметку отрывали и белый каучук наваривали... Как называлось-то?.. Во! Вспомнил — «манная каша». Туфли на «манной каше». Сила! Ну, Бэмсик ходил! Я за ним только попевал. Куда мне!..

Л ю с я. Да, было дело... Помнишь, пели: «С тобой одной я буду танцевать, любимой называть...» Где сейчас эти танцы?.. Может, это действительно старость? Рановато, а?

Пр о к о п. А ты пой, Люся, пой! Ах, как ты пела тогда!..

Л ю с я. Жизнь, видите ли, не удалась, блеска не получилось... Он вот, слышишь, насверлил дырок, полки собрался делать, потом бросил... Дырки целый год сверкают. И заделывать не дает. По воскресеньям подойдет, дощечку примерит, штукатурку колупнет и стоит вздыхает. Я ему хочу сказать: «Бэмс, да черт с ними, с этими дырками. И вообще черт с ним со всем!»

Пр о к о п (*примеряя перед зеркалом новый пиджак*). Пиджачок стрельнул... Ничего? Венгерский. Лацканы, плечи... Клетка крупная...

Л ю с я (*напевает*).

Джонни, ты меня не знаешь,
Ты мне встреч не назначаешь,
Сколько раз меня встречал,
Но в толпе не замечал —
Не был ты со мною дружен.
В целом мире я одна
Знаю, как тебе нужна,
Потому что ты мне нужен.

Пр о к о п. Какие слова! «Потому что ты мне нужен» — надо же так сказать! По тем временам это звучало просто неприлично.

Л ю с я. В кино теперь не поют перед сеансом. А больше я ни на что не гожусь.

Пр о к о п. А ты дома пой! Эх, если бы моя в Челябинске пела...

Л ю с я. Дома скучно...

Пр о к о п. Сегодня повеселимся! Я знаю, как его развеселить, я знаю... Вам вот что, вам с ним надо побольше песен петь, ну, тех, которые мы пели тогда.

Л ю с я. Слова забыты.

Пр о к о п. Вспомним, Люська! Сегодня соберемся и вспомним. Один — одну строчку, другой — другую, и все слова вспомним! Я знаю, как его раскатать! Я знаю...

В комнату возвращается Бэмс.

(Подмигивает Люсе и кричит.) Бэмс, «Чучу»!!!

Бэмс молчит. Пауза.

Люся. Не умеет человек радоваться жизни, ну не умеет!

Бэмс (Прокопу). Утюгом ты был, утюгом и остался.

Прокоп. Это наш Бэмсик-то не умеет?! Ха! Ты что, забыла?.. На факультетских вечерах какой скандеж был: «Бэмс, «Чучу!» Бэмс, «Чучу!»... И наш Бэмсик давал!!! Железно! Пиджак скинет, галстук расслабит, воротничок беленькой рубашечки так наверх вздернет — и как пойдет выдавать стилем: «Падн ми, бойз, из дет де Чаттануга-чуча!»

Бэмс (затжимает уши). Ой!..

Прокоп. И я туда же! Но моих талантов только на второе «ча» и хватало. «Он «чу», а я — «ча». Бэмс начинает: «Падн ми, бойз, из дет де Чаттануга-чу...» И тут я ору свое «ча»! Он «чу», я — «ча»... Коронка! У нас всегда так: он — «чу», я — «ча»... Как он «чу», так я «ча»...

Люся. Тише ты, соседи...

Прокоп. У меня со слухом не очень, но ритм я всегда держал железно. А ну давай Бэмс. «Падн ми, бойз, из дет де Чаттануга-чу...»

Бэмс. Заткнись.

Прокоп. Черт с ним! Не в коммуналке живете!

Бэмс. Мог бы пригласить его к себе в гостиницу... Или в ресторан... или... я не знаю... в боулинг.

Прокоп. Я думал, ты мне друг...

Бэмс. Тебе! А не ему.

Люся (Бэмсу). Постыдился бы, ей-богу! Ты же знаешь, зачем все это нужно. Не маленький. Прокоп специально приехал из Челябинска.

Прокоп. Скоро лето... Толя наш десятилетку кончает, в институт его хотим, в Москву... Надо парня в жизнь выводить. Мать мечтает, чтобы в Москве учился. Если провалится, не переживет. И эту поездку она придумала. Я, балда, сам проговорился, что с Ивченко вместе институт кончал... Мы с Бэмсом все инженерим, а он, смотри ты, проректор нашего института. И ректором будет, помяни мое слово, будет! Ну вот, вези, говорит, Толю, поговори... Вот приехали.

Люся. Я тебя понимаю. Сейчас эти конкурсы в институт — это не между абитуриентами, это между

их родителями конкурс. Кто больше репетиторов наймет, у кого связи солидные, а кто и больше даст...

Проккоп. Ну, давать, сама понимаешь, я не собираюсь. А вот с Ивченко о Толе надо поговорить. Я ему позвонил вчера, он тут же вспомнил меня, Бэмса... «Приду, — говорит, — на встречу друзей». Так и сказал — «друзей». А может, не придет? Адрес записал, а сам не придет.

Люся. Придет. Ему тоже интересно на нас посмотреть. *(Заглядывает в зеркало.)* Правда, ничего хорошего он уже не увидит...

Проккоп. Если не поступит, мне в Челябинск хоть не возвращайся. Съест моя, съест...

Бэмс. А известно тебе, что Ивченко до сих пор не знает, что Элка — моя дочь?

Проккоп. Не знает?!

Бэмс. Он ей каждую неделю лекции читает и даже не догадывается, что она моя дочь. А откуда? Экзамены сама сдала, без папиной помощи, а сейчас — студентка Куприянова. Мало ли Куприяновых...

Люся. Да тебя все равно по фамилии в институте никто и не знал — Бэмс и Бэмс... «Бэмс, «Чучу!» — звучало. Я замуж выходила — не знала, как его зовут.

Бэмс. И хорошо, и пусть не догадывается, что Элка — моя дочь.

Проккоп. А я считаю, зря. Она у тебя только на втором курсе, мало ли что может еще случиться, а он все-таки свой человек.

Бэмс. Как бы наоборот не вышло...

Проккоп. Да брось ты! Небось тоже о прошлом как о приятном вспоминает.

Люся. Мы, ребятки, в таком возрасте, когда все, что было, лучше того, что есть.

Бэмс. Ну ладно... Заклевали... Делайте что хотите.

Люся. А уже делать нечего — все на столе. Как стол?

Проккоп. Люська, стол как песня!

Люся *(Бэмсу)*. Бэмс, милый, будь сегодня, как прежде, — добрым и веселым. Не будь этим самым... Бэмс, я с тобой.

Проккоп *(обнимает Бэмса за плечи, тихонько раскачивается, напевает.)* «Падн ми, бойз, из дет де Чаттануга-чу...» Ну, Бэмс, — «чу...».

Бэмс. «...ча».

Прок о п. Вот и хорошо! А чего?.. Посидим, выпьем... А, Бэмс? И мне так легче. Я его тут в программе «Время» видел. Представительный, цвет лица хороший... У меня в Челябинске цветной «Рубин-6». А чего вы себе цвет не приобретете?

Лю с я. На цвет не заработали. Жизнь наша черно-белая. Он там *(в сторону смежной комнаты)* не скучает один?

Прок о п. Нет. У меня парень нормальный, Толя мой. На пианино рубит от души. А чего вы себе пианино не купите?

Звонок в дверь. Люся идет открывать. Возвращается с И в ч е н к о — красивым сорокапятилетним мужчиной, одетым по европейской моде, неброско, по-джентльменски. В меру солиден, в меру спортивен, в меру холен.

И в ч е н к о *(с порога)*. Здорово, чуваки!

Лю с я. Во дает! Слова помнит...

И в ч е н к о. Подготовился к встрече друзей!

Прок о п. Здорово, чувак!

Б э м с. Раздевайся... Давай плащ повешу... Портфель сюда.

Лю с я *(оглядывая Ивченко)*. Какой ты...

И в ч е н к о. Какой?

Лю с я. Моложавый.

И в ч е н к о. А что, разве нам много лет?

Прок о п. Ты вроде нас постарше был. Ты вроде до института уже поработать успел.

Лю с я. Так что лет нам всем по-разному.

И в ч е н к о. А Бэмс все такой же молодец. Только как на голове поредел.

Б э м с. Остатки прежней роскоши...

Прок о п. Мы еще ого-го!

Лю с я. Да уж молчи...

И в ч е н к о. Кстати, откуда тогда это словечко «Бэмс» взялось?

Прок о п. «Бэмс и — нет старушки!» Помнишь?

И в ч е н к о. Какая старушка?

Лю с я. Опять вы о возрасте! *(Ивченко.)* А у тебя что за прозвище тогда было?

Прок о п. Ивченко! Прозвище у него было — Ивченко. Я Прокопьев, меня, значит, Прокоп. А он Ивченко, и все. Факультетского деятеля не больно-то прозовешь...

Лю с я. Ну что ж, Ивченко, прошу к столу.

Все рассказываются за столом.

И в ч е н к о. Как живешь, Проккоп?

П р о к о п. В Челябинске.

И в ч е н к о. Неплохо.

П р о к о п. Жить можно. Не Москва, конечно... До главного дослужился. Сын растет... вырос... школу кончает... вот в институт... этим летом... собираем его...

И в ч е н к о. У меня там, в портфеле бутылки. Джин английский. А это тоник. Джин под тоник идет. «Бифитер» — обычная можжевельовка.

Выпивают. Пауза.

Л ю с я. А твой джин ничего. Где ты его достаем?

И в ч е н к о. В Париже.

П р о к о п. В Париже?! Ни фи-га!

И в ч е н к о. Я недавно туда на симпозиум летал.

Л ю с я. Часто за границу ездешь?

И в ч е н к о. Бывает.

П р о к о п. А я еще нигде не был.

И в ч е н к о. Не горюй! Скоро все поедем в Кембридж, в Сорбонны...

Б э м с. Все?

И в ч е н к о. Что — все?

Б э м с. Поедем все?

Л ю с я. Ну... многие.

П р о к о п. Все будет в порядке, спасибо разрядке.

И в ч е н к о (*выпивает рюмку*). А там ни капли в рот не брал. Грех пить в Париже. Да и не хочется.

П р о к о п. А я бы в Париже все быстро так раз, раз — и все быстро бы обежал.

И в ч е н к о. Такая атмосфера на улицах... непри-
нужденно, развнченно... В метро девушка сидит, Баха пилит по нотам на виолончели, перед ней сковородка для денег... Бросил франк в сковородку — помог молодому дарованию, приятно.

Б э м с. Я шесть с половиной лет тому назад в Бол-
гарию оформился. На отдых. На Златых Пясах жил. Хорошо отдохнул! В отеле «Сирень». (*Ивченко.*) Не знаешь?

И в ч е н к о. Не помню...

Б э м с. У немцев там шезлонг удобный, матрас надувной разноцветный, рулетка прямо на пляже... А у нас море Черное, небо синее, а кругом сплошной золотой песок! Кофе за границей дороже, чем у нас.

Прок о п. Дороже?! Во деятели! А говорят, у них там все дешевле.

И в ч е н к о. Да брось ты, Прок о п! Возьми Америку, иди поешь в хороший ресторан — штанов не хватит.

Л ю с я. Джинсов.

Прок о п. А я себе джинсы справил. Ага, за двадцатку. Можайская фабрика, между прочим, под носом у вас производит. Фирма «Ну, погоди!».

Б э м с. Выпьем за Прокоповы джинсы, чтоб хорошо носились.

Прок о п. Эх, парни, хорошо в отпуске! Никаких начальников, никаких подчиненных, забываешь, где будни, где выходные...

И в ч е н к о. Счастливы!

Прок о п. Завтра крематорий осматривать поеду.

Л ю с я. Прок о п. в своем репертуаре!

Прок о п. Крематорий у вас новый в Москве открылся. Неужели ни разу не были?

И в ч е н к о. Как-то не торопимся.

Прок о п. Ну москвичи, ну народ!.. Никакого любопытства. Вы поэтому и в Третьяковку не ходите — успеется, мол, всегда под боком. Я на вас прямо удивляюсь. Заелись! Да ваш крематорий — чудо архитектуры!

Б э м с. А ты откуда знаешь?

Прок о п. Соседняя фирма печи конструировала.

Б э м с. Серьезно? А-ха-ха!..

Прок о п. А чего ты смеешься?

Б э м с. Значит, мы все в твоей челябинской печечке греться будем?

Прок о п. Нет, товарищи, надо сказать, мы не справились. Не дожали мы эти чертовы печки. Мартены — пожалуйста! А эти не смогли. Там секрет какой-то.

Б э м с. Какой секрет!.. Бэмс — и нет старушки!

Пауза.

В Нью-Орлеане, когда хоронят, джаз играет...

Прок о п. *(запевает)*. «Падн ми бойз...»

И в ч е н к о. *(Бэмсу)*. А ты и сейчас «падн ми бойз»?

Б э м с. Так...

Прок о п. Он «чу», а я «ча»... У нас всегда так: он «чу», я «ча»... Как он «чу», так я «ча»!!!

Б э м с. Заткнись!

Проккоп. Молчу, чувачок!
Ивченко. Во времена были! Смешно вспомнить...
На джаз как быки на красное кидались.
Люся. А наш Ивченко впереди всех.
Ивченко. Не волнуйся, помню. Не лучшая страница моей биографии.
Бэмс. За биографию!
Люся. Бэмс, сократись!
Проккоп. Да пусть пьет, Люсь! Такой день.
Люся. Что день, что день?.. Завтра, между прочим, на работу.
Проккоп. Какая, к черту, работа — завтра суббота! Во — стихи!
Люся. Все равно ему больше не надо — я его знаю.
Ивченко. Действительно, черт с ней, с работой!
Люся. У нас строгий начальник.
Проккоп. А для меня эти времена — праздник! Лучшие пять лет моей жизни. Чего-то нам все хотелось, чего-то мы всегда придумывали... Вот взять эту «Чучу» нашу, мы же ее ночами репетировали! Я свое второе «ча» аж во сне кричал, а Бэмс, чтоб хрипеть, как Армстронг...
Бэмс. ...Пять пачек мороженого перед выступлением съедал!
Ивченко. Ах, какой тогда вечер факультетский был! Прямо настоящий мюзик-холл! Два фиолетовых луча под верх сцены пустили, там чемодан висит белый, чемодан опускается, барабанная дробь, выстрел — бац! — из чемодана Снегурочка, полный свет — это наша Люська! Потом — бац! бац! — Снегурочкин наряд к черту срывает и — в купальничке. Скандал!
Люся. Ой, ты рассказываешь, можно подумать, прямо стриптиз!
Ивченко. Вспомните, мы колени наших девочек только на физкультуре и видели. (Люсе.) И как ты в этот чемодан уместилась?
Люся. Я тогда тоненькая была. По два батона в день съедала, а была тоненькая. А сейчас не жру ни черта — и все мало. А поесть я люблю. Макароны по-флотски, и мордой в подушку — наутро хо-рошо выглядишь.
Ивченко. Что назавтра на факультете творилось!.. Один я знаю.

Л ю с я. Пойдите, пойдите, ничего не рассказывайте без меня. *(Убегает на кухню.)*

Пр о к о п *(запевает)*. «У московских студентов горячая кровь...»

И в ч е н к о. Ну хорошо, двадцать лет прошло... Вот ты, Прокоп, скажи мне: почему нельзя было показать вашу «Чучу» перед выступлением?

Пр о к о п. Да, вам покажешь... Вы бы нас все равно не пропустили.

И в ч е н к о. Почему? Нашли бы рубрику — «Их нравы» или «Дядя Сэм рисует сам». Шикарно бы прошло!

Л ю с я *(возвращается из кухни с картошкой)*. У Бэмса на собрании один спрашивает: «Зачем тебе усы?» А Бэмс: «Ты очки носишь, а я усы».

Пр о к о п. Бэмсику нашему тогда попало...

Б э м с. Одно из ваших я на всю жизнь запомнил. Аспирант какой-то. Прорабатывал нас. Даже не его самого, а глаза запомнил — прозрачные такие, немигающие, прямо в душу смотрел, крючок. «Диплом вам дадут, но будете вы инженер без допуска. А вы, — говорит, — знаете, что такое инженер без допуска?» Я тогда не знал, что это такое, но понял: что-то очень страшное. Это значит, все вроде допущены, а я вроде нет... К чему?!

И в ч е н к о. Пугал.

Б э м с. И ты знаешь, испугал. Я потом всю жизнь старался, но к чему-то меня так и не допустили.

И в ч е н к о. А где ты работаешь?

Б э м с. Не имеет значения...

И в ч е н к о. Ну а все-таки?

Б э м с. Знаешь, что такое стасорокарублевый инженер? Плюс, правда, прогрессивка. Технадзор. Все строят, а я надзираю.

И в ч е н к о. Надо что-то для тебя придумать.

Б э м с. Не надо. Мне сорок четыре. Еще лет шестнадцать надзираю — и на пенсию.

Л ю с я. Ну, ребята, ребята! Давайте лучше о прошлом! Ой, помню, как я в своем купальничке на сцену вылетела...

И в ч е н к о. В желтом.

Л ю с я. Точно, Ивченко, — в желтом. И у меня слова такие были: «Вот я, Снегурочка, прискакала к вам из леса, я от Дедушки Мороза, поздравляю вас, товарищи с наступающим 1954 годом!»

Бэмс. Точно! Пятьдесят четвертый.

Пауза.

Люся. Ну вот, выкинули меня из чемодана, подхожу я к авансцене, делаю маленькую паузу, и вместо этого: «Бэмс, «Чучу!»

Проккоп. Коронка!

Бэмс. Скандал...

Ивченко. Партизанщина.

Люся. Партизанщина — это если бы я негритянский танец в ватнике танцевала.

Проккоп. Коронка!

Люся. У вашего декана так челюсть до полу и отвалилась.

Проккоп. А он, Кузьмич наш, как назло, в первый ряд сел. Коронка!

Бэмс. Кочумай, утюг!

Ивченко. Он с женой был, ну, она, наверное, ему на Люську и наклепала. (Люсе.) Ты же была не институтской, со стороны. Деканша тебя в «Орионе» видела.

Люся. Певичка из «Ориона» на сцене серьезного вуза — о ужас!

Проккоп. Вот название было — «Орион»! Теперь так кинотеатры не называют. Все больше «Темп», «Прогресс»... Тьфу!..

Ивченко. Певичка из «Ориона»... Я тоже ходил тебя смотреть.

Люся. Слушать.

Ивченко. Смотреть. И слушать, как ты поешь.

Проккоп. Вот Бэмсик — мужик! Такую бабу у всех из-под носа увел! (Ивченко.) Знаю, знаю, вы после своих заседаний бегали на Люську посмотреть... А Бэмс взял и увел ее у вас из-под носа!

Ивченко (Прокопу). А у вас?

Проккоп. Мы челябинские, мы не претендовали... Люська, и чем тогда он тебя взял, этот чертов стиляга?

Люся (напеваает). «Я помню, было нам шестнадцать лет...»

Бэмс. Ну, чего мы с тобой, Прокоп, хотели тогда? Чего хотели? Да не так уж много... Хотели одеваться поярче, хотели ходить такой походочкой пружинистой, джаз хотели. Хэма читать...

Ивченко. Кого?

Бэмс. Хемингуэя. Я ничего лучше не читал.

Ивченко. А ты сейчас много читаешь?

Бэмс. Все равно лучше Хэма ничего нет. Я это и тогда говорил, и сейчас. Я Чюрлёниса знал! Тогда о нем ни слова, а я знал — Чюрлёнис! И что Пикассо — человек. Но разве вы меня, такого, слушали... Помню, в пятьдесят шестом, в самом конце, выставка Пикассо в Москве... Народу!.. Все стоят, ждут, напирают, открытие чего-то задерживается. И вдруг выходит Эренбург... у него такая трубочка была, тоненькая, как мундштук, и сигареты он в эту трубочку вставлял... выходит он с этой трубочкой и говорит: «Мы с вами двадцать пять лет ждали эту выставку, — потерпите еще двадцать пять минут». И мы успокоились и еще немножко потерпели... А потом я все это увидел... Кошку с птичкой в зубах... портрет Франсуазы, где в профиль оба глаза видны...

Проккоп. Да ладно, Бэмс! Заладил: «Я говорил, я предупреждал...» Чего ты стариком заделался? Ты у нас еще молоток!

Бэмс. Молоток... Вон от кока три волосинки осталось. Помнишь, какой у меня кок был?

Люся. А у меня «венчик мира» — прическа тогда называлась. В середине гладко, а по кругу такие кудряшки шли — «венчик мира». Нас с Бэмсом сразу хоть на обложку журнала «Крокодил»! «Жора с Фифой на досуге танцевали буги-буги...»

Бэмс. А теперь про Пикассо во всех энциклопедиях пишут: Пикассо — тире — гений.

Проккоп. Так хорошо! Чего ж тут плохого? Хорошо, что пишут. Брось, Бэмс!

Люся. Я помню, было нам шестнадцать лет...

Бэмс и Проккоп (*подхватывают*).

...Душа не знала жизни тень,
Поцеловались мы тогда с тобой
В весенний день.
Тянулись ветки сада
К тебе через ограду,
Букеты роз роняли
И на свиданье звали...

Люся (*Ивченко*). Ты женат?

Ивченко. Знаешь, как-то не очень...

Люся. И вам это разрешают?

Ивченко. Кому — нам?

Л ю с я. Ответственным работникам.
И в ч е н к о. А мы что — не люди?
Л ю с я. Люди вон женаты. У них дети.
П р о к о п. У меня два!
И в ч е н к о. Что?
П р о к о п. У меня два дети! Старший и младший.
С ы н о в ь я.
Л ю с я (И в ч е н к о). Видишь?
И в ч е н к о. Я плейбой.
Л ю с я. Чего?
И в ч е н к о. Бэмс, переведи жене.
Б э м с. Я не переводчик.
И в ч е н к о. Но ты же сек английский.
Б э м с. Ничего я не сек.
И в ч е н к о. Но ты же по-английски всю дорогу
пел: «Падн ми, бойз, из дет де Чаттануга-чу...»
П р о к о п. «Ча»!!!
Б э м с. Может, хватить орать?
П р о к о п. Все, все... Рефлекс. Он «чу», я «ча»...
И в ч е н к о. Вы сейчас упадете!.. Был я в ней!
В этой самой вашей Чаттануге.
П р о к о п. В Чаттануге-чуче?!
И в ч е н к о. «Чуча» — это просто так, мол, поезд
«чу-ча-чу-ча», а станция называется Чаттануга. Я когда
прилетел в Нью-Йорк, сразу должны были в Калифор-
нию через всю Америку на поезде ехать... Там, в Лос-
Анджелесе, конгресс университетов открывался... Ну
вот, едем, сижу у окна, вдруг поезд останавливается на
одной станции, смотрю — елки-палки! — написано
«Чаттануга!» Я выскочил на перрон, негр стоит, орешки
какие-то продает, я его спрашиваю: «Это Чуттануга?»
«Ез, сэр», — говорит. Я говорю: «А это не шутка?» —
«Ноу, сэр», — и орешки мне свои сует. А я стою смотрю
на эту надпись и вдруг все вспоминаю... вечер наш
тот факультетский... Бэмса... «Чучу».
Л ю с я. Правда, вспомнил?
И в ч е н к о. Стою посреди Америки и все вспоми-
наю... Я этому негру с орешками говорю: «А помните,
такая песенка была: «Падн ми, бойз, из дет де Чаттану-
га-чуча»? А он: «Это что-то во время войны, сэр... Купи-
те орешки, сэр...»
Б э м с. Ну и что?
И в ч е н к о. Что?
Б э м с. Ну, орешки купил?

Проккоп. «Падн ми, бойз...»

Ивченко. Кстати, невинная песенка оказалась. Там негритянка спрашивает у двух парней: «Это поезд на Чаттанугу»? И все! Обычная железнодорожная тематика. А Бэмс так страшно хрипел, как будто кто-то кого-то убил и поет над трупом: «Падн ми, бойз, из дет де Чаттануга-чуча...» Жуть! Мороз по коже!

Бэмс. Слова помнишь... Мелодию не врешь...

Ивченко. Я же ее, вашу пластинку, тогда раз сто слушал.

Бэмс. Так понравилась?

Ивченко. Надо было лично ознакомиться с творческим влиянием Запада.

Проккоп. «Чтобы в сердце не закралась плесень...»

Ивченко. Какими мы тогда пеньками были!

Бэмс запевает старую песенку из студенческих капустников тех лет.

Бэмс.

Вот получим диплом,
Хильнем в деревню,
Будем там удобрять
Навозом землю.
Мы будем сеять рожь, овес,
Лабая буги,
Прославляя колхоз
По всей округе.

Это ты был пеньком.

Проккоп. Бэмс...

Бэмс. Что — Бэмс?! Тогда он себя пеньком не считал. Судил как специалист. Нашей «Чуче» противопоставлял «Танец маленьких лебедей».

Люся (Бэмсу). Тебе что, плохо? Сидишь, пьешь, закусываешь, гости у тебя в кои веки... Тебе что, плохо?

Проккоп. Вот и я говорю... Встреча друзей.

Бэмс. Музыки не хватает! Сейчас будет музыка. *(Бросается к проигрывателю, лихорадочно роется в пластинках. Наконец находит нужную, ставит.)*

Звучит «Чуча». Запись старая, некачественная, пластинка заезжена, но, несмотря на это, хорошо чувствуется общий ритм и «заводная» сила этой вещи.

Пластинка кончается. Пауза.

Проккоп. Берцовая кость с переломом шейки бедра в двух местах.

Бэмс. Она самая. Узнал?

Проккоп. Еще бы! Парни, да эту же пластинку в музей надо. Молодежь ведь не знает, что у нас первые джазовые пластинки на рентгеновских снимках записывались. Джаз на костях! Музыка на ребрах! Скелет моей бабушки! Это ж вот как крутились!.. Помнишь Чарли?

Бэмс. Еще бы — Чарли! В зеленой велюровой шляпе ходил, никогда не снимал.

Проккоп. Пятьдесят старыми за пластиночку брал и материал заказчика. Помнишь, как перед степухой наскребали?.. Хорошо еще, снимок рентгеновский нам бесплатно достался. Переломчик чей-то.

Люся. Подумать только — чья-то берцовая кость давно срослась, а ее два перелома вот уже двадцать лет живут в нашем доме.

Проккоп. Может, ее хозяин уже давно дуба дал, а его косточка поет.

Бэмс. Так выпьем за его здоровье!

Проккоп. За кого?

Бэмс. Ну, за мужика, чья кость.

Ивченко. Это не мужик.

Бэмс. А кто?

Ивченко. Это она. Женская кость. И хозяйка, между прочим, жива.

Люся. Откуда ты знаешь?

Ивченко (*Бэмсу и Проккопу*). Вы где этот рентгеновский снимок тогда взяли?

Бэмс. Как я могу помнить?..

Проккоп. А я помню! В деканате на окне валялся. Студент какой-то оставил, а нам материал заказчика во как нужен был! Не пропадать же добру.

Ивченко. Это деканши кость. Декановой жены. Вот в чем дело! Поняли? А он, Кузьмич наш, когда пластинку ему показали, снимок узнал, вот тогда-то он и сказал свое коронное: «Бум отсчислять». Тут все и началось.

Проккоп. Иди ты!

Люся (*рассматривая пластинку на свет*). А ничего у нее ножки были... Выдающаяся кость!

Ивченко. Вот то-то и оно! Жена-то «Бум отсчислять» лет на тридцать моложе его была. Он ее ножки как зеницу ока хранил, а тут их весь институт не только голенькими, но и на просвет рассматривал.

Бэмс. Так выпьем за нашу маленькую деканшу, за ее ножки, которые, кроме всего прочего, могут еще и спеть!

Ивченко. Да вам срок за порнографию могли навесить!

Бэмс. И ты нас отстоял. Прокоп, он меня отстоял!

Ивченко. Во всяком случае, когда голосовали, я воздержался.

Люся. Ивченко воздержался.

Бэмс. Спасибо! И меня вышибли из института. Спасибо!

Ивченко. Рассуждаешь как мальчишка. Тебя же потом восстановили. Во наивняк!

Люся. Ты что, предпочел бы совсем вылететь из института?

Прокоп. Она же ради тебя старалась!

Ивченко. Что тут страшного? Встретились перед бюро, поговорили...

Бэмс. Пойдите, пойдите... вы что... вы... (Люсе.) Ты просила за меня? (Ивченко.) Она просила за меня? Ты ей что, обещал?

Ивченко. Ну, не то чтобы обещал... Сказал, что сделаю все, что в моих силах.

Бэмс. Вот оно что!

Прокоп. Мы же товарищи...

Люся. Что оно? Что оно? Опять настроение людям портишь?

Бэмс. Я знал, знал... Я догадывался, что-то без меня... Что-то произошло за моей спиной... Я знал... (Ивченко.) Воспользовался?

Ивченко. Ты что говоришь?!

Люся. Опомнись, Куприянов!

Ивченко. Столько лет прошло...

Бэмс. Да! Столько лет прошло, а я все думал, все думал! Представь себе, я все думал! Где вы были в тот вечер... тогда... перед бюро? Я всех друзей обзвонил, заезжал... Где вы были? Где прятались?

Люся. Мы не прятались. Меня Ивченко пригласил на день рождения к Мишке Боярину... Ты же знаешь Мишку?..

Бэмс. И ты пошла? И ты пошла?!

Люся. Там был проигрыватель. Мы с Ивченко проигрывали твою пластинку, я доказывала...

Бэмс. Там вы и заездили мою пластинку.

Люся. Игла была тупая...

Прокоп. Вы что, совсем!.. Такую нежненькую пластиночку и тупой иглой... Это же просто варварство!

Ивченко. Бэмс, я подарю тебе гигант Гленна Миллера. Там есть «Чуча». Редкая запись. Завтра с курьером пришло.

Бэмс. Не надо.

Ивченко. У меня две. Мне привозят диски... знают мое увлечение и привозят отовсюду, кто где бывает.

Бэмс. Я сказал — не надо!

Люся. Не комплексуй! Из-за чего!.. Надумал себе черт-те что! Сто лет прошло.

Бэмс. Я сказал — не надо мне никакого Гленна Миллера.

Люся. Мы скоро ушли с этого дня рождения.

Прокоп (Бэмсу). Но он фактически испортил нам пластинку, ничего же не слышно.

Бэмс. Я слышу все! Каждую ноту. Это ты оглох! (Снова заводит «Чучу».)

И вдруг Люся и Ивченко начинают танцевать. Слаженно и красиво они танцуют старинный танец «буги-вуги». Прокоп подхлопывает им в ритм.

Бэмс неподвижно наблюдает за танцем. «Чуча» кончается. Пауза.

Люся (смущенно). Вот...

Бэмс. Значит, вы все-таки не сразу ушли тогда с этого дня рождения. Ты научила его танцевать под мою пластинку, а наутро они прорабатывали меня за нее.

Люся. Ну, все же хорошо кончилось.

Ивченко. Ты бы ей спасибо сказал.

Бэмс подходит к Люсе и неожиданно дает ей пощечину. Люся быстро выходит из комнаты. Ивченко бросается к Бэмсу, но между ними встает Прокоп.

Прокоп. Бэмс!.. Ребята!.. Вы что?..

Бэмс. Пусти, Прокоп, пусти!.. Дай мне его!..

Прокоп. Бэмс!.. Ну Бэмс!.. Не надо... ты что... (Оттягивает Бэмса от Ивченко.)

Бэмс. Он еще говорит!.. Рыбья кровь! Волчье семя!!! Джентльменом заделался. Пенек!.. Забыл, каким пеньком был?

Прокоп. Слушай, сходи извинись. Мол, выпил...

Бэмс. С тлетворным влиянием он боролся, а теперь взятки американскими пластинками берет... Джин с тоником хлещет, кока-колу на заливочку... А я ее так и не попробовал, слышишь?

Ивченко. Что ты болтаешь? При чем здесь кока-кола?

Бэмс. Это сейчас она ни при чем, это сейчас она стала ни при чем, а тогда она была для тебя полна смысла. «Не ходите, дети, в школу, пейте, дети, кока-колу...» Двадцать лет, Прокоп, слышишь, двадцать лет им понадобилось, чтобы понять, что кока-кола — это просто лимонад, и ничего больше. А тогда нам вжарили и за кока-колу, и за джаз, и за узкие брюки. Потому что тогда-то было точно известно — если это все нам нравится, значит, мы плесень! Гниль! Не наши! Двадцать лет... Жизнь...

Прокоп. Сходи к Люсе... Плачет, наверное... Попроси прощения...

Бэмс. Погоди. Он хочет мне ответить.

Ивченко *(после небольшой паузы)*. Неудачник. Ты просто старый, занюханный неудачник. А что тебе мешало не стать неудачником? Ведь я помню, ты был полон азарта, нас поучал, все знал про будущее, про жизнь, про искусство... Вот к нам пришло оно, это будущее. А где твой азарт? Весь в «Чучу» ушел? Сто лет прошло. А ты все на стенку лезешь. «Из института исключили...» А как восстановили? Ты не помнишь?

Бэмс. Я сам себя восстановил.

Ивченко. Сам себя...

Бэмс. Мы с отцом везде ходили...

Ивченко. Вы с отцом... Ну, чего ты смотришь?.. Да, я уже тогда знал ходы! То, что я воздержался, дало мне возможность потом спокойно побеседовать с деканом, с «Бум отчислять», он к тому времени поостыл немножко, и, когда вопрос разбирался вторично, я мог говорить. А если б я на собрании пошел против него — все, дальше бы вопрос решали без меня. Теперь понимаешь? Я это тебе говорю не для того, чтобы ты меня благодарил. Жили без этого двадцать лет, проживем дальше... А то у тебя все кругом виноваты — и я, и Люся, и Прокоп...

Прокоп. А я-то чем?

Ивченко. Тем, что оптимист ты, веселый, настроение у тебя хорошее!..

Бэмс. Да катитесь вы к черту со своим хорошим настроением!.. Весельчаки.

Прокоп. Бэмс, Люся там...

Бэмс (*Ивченко*). Эту пощечину надо было влечь тебе. Я сейчас готов руку себе отрезать... Но за ножом надо на кухню идти... А там она...

Последние слова слышит Люся. Она стоит на пороге комнаты, на ее лице уже нет следов слез. Люся сзади подходит к Бэмсу, обнимает его за плечи.

Люся. Стиляжка ты мой милый. Ты не повзрослел за эти годы.

Пауза.

Ивченко. Эти слова она и тогда сказала... На этой самой проклятой вечеринке. «Стиляжка милый...» А мне никто таких слов не говорил. «Стиляжка милый...» Я завидовал тебе. Я вообще завидую вам. И тогда я был один и сейчас один тоже. Видно, такая судьба...

Пауза. Бэмс отворачивается.

Прокоп, почуввав перемену погоды, метнулся к столу, стремительно наполнил рюмки, подлетел к каждому, вручил.

Прокоп. Выпьем, чувачки! (*Люсе*.) И чувырлы! Ха!.. Помнишь, так говорили?

Выпивают. Шумно рассаживаются за столом.

А все-таки дали мы в свое время шороху! А?.. Помните, у нас на курсе такая Шелест с Украины была, всегда все экзамены на пятерки сдавала, и в стенгазете наши факультетские хохмачи каждый раз писали: «Дала Шелест шороху!» (*Смеется*.) Каждую сессию писали... Слушай, Ивченко, а как нынешние? Лучше нас или хуже?

Ивченко. Другие. Как мы — мало.

Прокоп. А какие?

Ивченко. Ну, взять хотя бы нашу с вами историю с этой «Чучей» — ведь все серьезно было, понастоящему, стенка на стенку...

Прокоп. Да чего там серьезного — танцы-банцы.

Ивченко. Нет, нет, вы во многом были правы! (*В сторону Бэмса*.) Помню, как он на обсуждении говорил, взгляды свои отставил, вопрос остро ставил. Почему, мол, наш студент в свободное от учебы время не может танцевать танцы, которые танцуют демокра-

тические студенты?.. На одной планете, мол, живем, руки, ноги, мол, одинаковые...

Проккоп. А что, не так?

Ивченко. Да так! Но у меня, положим, тогда другая точка зрения была... Я считал, раз мы обучаемся по разным программам, то и танцевать должны по-разному, и напитки другие пить...

Проккоп (*пытается изобразить буги-вуги*).

Раньше были Баха фуги,

А теперь танцуют буги!

Ивченко. Ваши буги-вуги тоже, знаешь, не идеал.

Проккоп. «Разрешите пригласить вас на зажига-
тельный танец падекатр». (*Изображает чинный паде-
катр.*)

Ивченко. Вот Баха не надо было трогать. Зачем травить гусей? Думаешь, мне тогда не хотелось задом повилать? Еще как хотелось! Но я понимал, что идет борьба и мне нельзя ошибаться. У вас была позиция, и у меня была позиция. Шла борьба — это нормально. Вы считали так, а я считал так — мы друг друга убеждали. Все было принципиально, серьезно — кто кого, стенка на стенку. А эти современные... беспринципные какие-то. Слыхали краем уха про хиппи, про всякую там западную чушь, и туда же...

Люся. Можно подумать, ты не туда.

Проккоп. Он у нас только оттуда. Смотри, костюмчик какой оторвал.

Люся. Небось не в ГУМе...

Ивченко. Ну, не в ГУМе, а что? Это вас волнует?

Люся. Волнует. Идет он тебе очень. Под цвет глаз.

Ивченко. Да?..

Люся. А под твои глаза цвет трудно подобрать.

Ивченко. Да?..

Бэмс. Я в «Неделе» читал, пиджаки не очень носят. Теперь куртки.

Проккоп. Эх... Вот бы Толе моему куртку. У меня хороший парень, школу кончает, все пятерки, две четверки только...

Бэмс (*Ивченко*). Ты что-то про нынешних хотел рассказать. Ну что они, эти нынешние, примерно?

Ивченко. Нынешние... А вот я тебе расскажу.

Я к вам сегодня прямо с экстренного заседания ректората — ЧП. Обсмеяться на этих доморощенных хиппи!.. Знаете, как они лекцию сегодня сорвали?

Л ю с я. Хиппи?

И в ч е н к о. Да какие они хиппи!.. Так, играют в эти дела. Что-то где-то прочитали, в кино видели... Короче, входит в аудиторию лектор... Кстати, наш бывший декан...

П р о к о п. «Бум отчислять»?

И в ч е н к о. Кузьмич. Он самый. Ну вот, входит, здороваются, все встают, как положено, тоже здороваются, лектор открывает конспект... И тут девчонки выбегают вперед и всю кафедру вместе с конспектом заваливают... цветами.

Б э м с. Иди ты!

Л ю с я. Красиво.

П р о к о п. А может, у него юбилей какой?

И в ч е н к о. Какой юбилей! Он все свои юбилеи еще при нас справил. А потом, я ни на одном юбилее столько цветов не видел. Забавно, да? Зачинщиков будем отчислять.

П р о к о п. «Бум отчислять...»

И в ч е н к о. Я сказал — будем.

П р о к о п. А знаешь, что меня больше всего в ваших магазинах удивило? За импортным стиральным порошком давятся, а Армстронг — свободно.

И в ч е н к о. А чего тебя тут удивляет?

П р о к о п. Луи Армстронг — навалом, а со стиральным порошком у них перебой! Ты представляешь, если бы в наше время, ну, тогда, в пятидесятые, Армстронга на прилавок выбросили — магазин бы разнесли. А тут бери — не хочу. Я себе две взял. Одна изотрется — другую крутить буду. Если, конечно, Толя в институт поступит. Если нет — тогда траур.

Л ю с я. Вообще я не понимаю, как можно на цветы обижаться. Если бы мне какой-нибудь жалкий студентиска какой-нибудь жалкий букетик преподнес, я была бы счастлива.

П р о к о п. Это ты как женщина, а педагогам каково...

Л ю с я (Ивченко). Слушай, педагог, а на тебя, наверное, студенточки клюют, а?

И в ч е н к о. Иногда ловлю флюиды.

Л ю с я. Приятно.

И в ч е н к о. Не скрою, для тонуса.

Л ю с я. Завидую.

Б э м с. Что ты говоришь?! У тебя же дочь.

П р о к о п. У них дочь!

И в ч е н к о. Ну, было, было! Что ж теперь, сто лет будем помнить, счета сводить, на воспоминаниях зациклимся... Жить надо! Ребята, оглянитесь кругом, все другое! Страна изменилась — в Жигули-лэнд живем!

Б э м с. Что это — Жигули-лэнд?

И в ч е н к о. У тебя машина есть?

Б э м с. Откуда?

И в ч е н к о. Разбейся — купи! Купи — и разбейся!.. В Жигули-лэнд живем! Все есть!

П р о к о п. А вообще распустились, слишком хорошо живут. У нас в провинции не такие. Мой Толя себе этого никогда не позволит. У меня хороший парень. (*В сторону Ивченко.*) Школу кончает... пятерки все, две только четверки... аттестат скоро получит... в институт собирается...

И в ч е н к о. В какой?

П р о к о п. В этот... наш... в твой... к тебе.

И в ч е н к о. В наш? По стопам отца?

П р о к о п. Я хотел, знаешь, с тобой поговорить... Ну, насчет конкурса... какие требования... и вообще...

И в ч е н к о. Понял. Не сейчас. Заходи завтра. Я секретаршу предупрежу. Так часа в три.

П р о к о п. Звонить не надо?

И в ч е н к о. Нет. Скажи: «К Пеньку» — и прямо в кабинет.

П р о к о п. Спасибо, старик.

Л ю с я (*Ивченко*). А с цветами что стало?

И в ч е н к о. В каком смысле?

Л ю с я. Ну, куда делись потом цветы-то?

И в ч е н к о. А-а-а... Целый день ходили по институту как победители — с букетами и в венках. Завтра этих мальчиков и девочек сюрприз ждет. Проект приказа у меня на столе. Будем отчислять.

П р о к о п. О господи!

Л ю с я. Помнишь, Бэмс, у тебя присказка была: «Малиновый бьюик с белой баранкой». По любому поводу — «Малиновый бьюик с белой баранкой».

Б э м с. Что ты этим хочешь сказать?

Л ю с я. Ничего, просто вспомнила...

П р о к о п (*Ивченко*). У тебя какого цвета машина?

И в ч е н к о. Вишневого.

Л ю с я. Почти малиновый... С белой баранкой?

И в ч е н к о. Нет, у меня, как у всех, руль черный.

Б э м с. Я на них смотрю, на это поколение... Ходят как хотят. Я иногда иду по улице, совсем близко подхожу или вообще незаметно так в их толпу влезая и иду вместе с ними. И ты знаешь, ничего — даже не замечают, что чужой.

И в ч е н к о. Безразличные. Им наплевать.

Б э м с. Нет! Вписываюсь! Вписываюсь в их компанию. А что пиджачок у меня потертый, брюки всегда неглаженные... А ты, Ивченко, не впишешься.

И в ч е н к о. Почему?

Б э м с. Одет с иголочки. Эх, вот я бы тот, из пятидесятих, да они, это раскованное поколение, да если б нам вместе — мы бы этот мир крепко качнули!

И в ч е н к о. Оставь, Бэм! Перебьются — хороши-ми чиновниками станут. Я уже видел, как это бывает.

Б э м с. Где бывает?

И в ч е н к о. На Западе.

Б э м с. На Западе...

И в ч е н к о. Куда там, к примеру, хиппи делись? В конторах сидят, по фирмам устроились, чистенькие, постриглись, сидят не пикнут.

П р о к о п. Нет, мы учебу ценили, жили-то на стипендию, да я еще матери в Челябинск старался всегда сотенку послать... Старыми. Всегда! Тогда еще старые деньги были.

И в ч е н к о. Ведь что получилось... Кончилась война в сорок пятом, приехали наши солдаты, офицеры домой, Европу повидали, с американцами на Эльбе встречались и вообще встречались. К нам товары американские пошли — «виллисы», помните, «студебекеры»...

Л ю с я. Мой дядька с войны приехал в пальто кожаном. Реглан, пояс, карманы накладные — ходил, кожей скрипел...

И в ч е н к о. Американские картины пускать стали, трофейные...

П р о к о п. «Девушка моей мечты!» Сила!

И в ч е н к о. И это появилось: «Дети до шестнадцати лет не допускаются». Но меня-то пускали — я всегда длиннее своего возраста выглядел. Ну вот, мы все это тогда и увидели... Потом — бац! — речь Черчилля в Фултоне, «холодная война», контакты — пшик... И

дальше мы эту западную жизнь дорисовывали своими доморощенными красками.

Проккоп. Нет, мой Толя в филармонию ходит, и волосы короткие.

Ивченко (*Прокопу*). Я помню — завтра в три.

Проккоп. Спасибо, старик.

Ивченко. Что мы представляли себе? Мы представляли, что сидят там все в ресторанах, в клетчатых пиджачках, дымят сигарами, ноги на стол, ну и, конечно, джаз рубает, девочки ножками дрыгают... И вот некоторые годами жили этой ложной моделью. А жизнь на Западе была не совсем такой, а потом и совсем не такой. У них были свои сложности, свои проблемы... А некоторые все мечтали обо всех этих вещах, которые давно ушли в прошлое. Вот там и остались...

Бэмс. Это он меня имеет в виду.

Проккоп. Кочумай...

Бэмс. Молчу, чувачок, молчу... Он — «чу», я — «ча».

Люся. А у меня мама считала, что в ресторанах едят только спекулянты и шпионы. А если я на такси домой приезжала — она слышала, как дверца хлопала, — мама всю ночь не спала, все думала: раз ездит на такси, значит, пошла по опасной дорожке.

Бэмс. Ты знаешь, если бы меня сейчас спросили, что бы я хотел, ну, самое такое фантастическое, если бы можно... Я бы знаешь чего хотел — вот где-нибудь примоститься между двумя нотами, ну, например, в композиции Дюка Эллингтона «Настроение индиго», пристроиться там, пригреться, и больше ничего не надо, до конца жизни ничего не надо... У Дюка там, в «Настроении индиго», есть такое место «ти-та», я так думаю, туда как раз можно протиснуться, между «ти» и «та», примоститься, свернуться калачиком, пригреться, а мелодия мимо тебя течет, обтекает, и ты вместе с ней поплыл, и тебе хорошо... До конца жизни ничего не надо.

Люся. «Ти-та»... А я туда помещусь?

Бэмс. Джаз — он для души. Это слезы, хотя и весело.

Ивченко (*Люсе*). Он у тебя поэт.

Люся (*Бэмсу*). Как ты хорошо сказал сейчас! Мне весело с тобой. Хотя и слезы...

Бэмс. Это жизнь, Люся.

Люся. Да, Бэмс, это жизнь.

Ивченко. Был на нем, когда он приезжал?

Бэмс. Кто?

Ивченко. Эллингтон.

Бэмс. Билетов не достал.

Ивченко. В следующий раз звони. Вместе пойдём.

Бэмс. Так он же умер.

Ивченко. Кто?

Бэмс. Эллингтон.

Ивченко. Еще кого-нибудь пришлют. У нас теперь с американцами проблем не будет. Позвонишь?

Бэмс. Позвоню.

Люся (*Ивченко*). Смотри, костюмчик какой оторвал!..

Проккоп. Небось не в ГУМе.

Ивченко. Ну, не в ГУМе, не в ГУМе!

Проккоп. А галстук какой? Стиль!

Ивченко (*срывая галстук*). Дарю...

Проккоп. Ты что?.. Ты что?.. Вот это не надо...

Ивченко. Бери, бери... От души. Мне приятно.

Проккоп. Не надо... Не надо... Я не для этого сказал.

Люся. Хватай, Проккоп! Он таких себе сто достанет.

Ивченко. Сыну твоему.

Проккоп. Он у меня не по этому делу. Он у меня хороший парень... все пятерки... две четверки только...

Ивченко. Бери, бери.

Проккоп. А, давай! На старости лет пофикстулю! (*Повязывает галстук и как бы преобразается в пижона пятидесятих годов, лихо, в стиле тех лет, поет и танцует.*) «Одна чува хляляла по Бродвею...» Как дальше-то? Дальше-то как? Спасибо за галстук, старик! (*Целует Ивченко.*)

Ивченко. Давайте выпьем за Бэмса.

Бэмс. А я хочу выпить за тебя.

Ивченко. Да ну!

Бэмс. За тебя. (*Встает.*) Вот ты тут говорил, что завидуешь мне. А я завидую тебе. Я хотел бы жить, как ты. Я мечтал путешествовать, чтобы у меня на стене висела карта мира, а я бы подходил к ней и так смотрел — тут был, тут был, тут был... а тут еще не был...

А ты уже там побывал! У тебя проигрыватель «Грюндиг» небось?

И в ч е н к о. «Филлипс».

Б э м с. А у меня «Концертный» за тридцатку! Как с первой зарплаты купил, так и крутится...

И в ч е н к о. Брось, Бэмс! Всему этому цена — копейка.

Б э м с. Да не в этом дело! Ты спокоен, я завожусь. Я лысею, у тебя волос вон еще сколько...

И в ч е н к о. Чего сколько, чего сколько!.. Я тоже лысею. Посмотри...

Л ю с я (Бэмсу). Как ты хорошо сказал сейчас!

П р о к о п. Про копейку, что ли?

Л ю с я (Бэмсу). Мне весело с тобой, хотя и слезы.

Б э м с. Это жизнь, Люся.

Л ю с я. Да, Бэмс, это жизнь.

Б э м с. И все это теперь не мое. А вроде должно было быть моим...

И в ч е н к о. Всему свое время, Бэмс. Как в Библии сказано: «Время разбрасывать камни, время их собирать».

Б э м с. Вот ты мои камни тогда и разбросал, а теперь собираешь.

Л ю с я. Да что с тобой сегодня? Как такое лицо, так заводится...

П р о к о п (встревает). Во, вспомнил! Там дальше: «...Она хилила взад-вперед... Одна чува хилила по Бродвею...»

Б э м с. Погоди. Я хочу выпить за нашего славного Ивченко. Он молодец, он рос вместе со временем. Правда, время немного отставало, но ведь и он не спешил... Будь здоров! (Выпивает.) А теперь — потанцуем!

П р о к о п. Бэмс, «Чучу»!!!

Л ю с я. «Чучу»! (Идет к проигрывателю, ставит пластинку.)

Звучит «Чуча». С первыми звуками Бэмс преображается. В него как бы входит новый стержень. Небрежным движением он вздергивает воротничок своей белой рубахи, из остатков волос взбивает кок на голове и...

Б э м с. «Падн ми, бойз, из дет де Чаттануга-чу...»
В с е. «...Ча»!!!

Бэмс танцует, выкидывает лихие колена двадцатилетней давности. Одни у него получаются, другие уже не под силу отяжелевшему

Бэмсу, но сам Бэмс этого не замечает. Ему кажется, что танцует он легко, изящно, как в молодости. Прокоп, Люся, Ивченко подхлопывают и подпевают танцу. Они тоже окунулись в старые добрые студенческие времена. Танец, который в свое время эпатировал, ныне со стороны выглядит старомодным, даже провинциальным... С жалостью и страхом смотрит на танцующего Бэмса появившаяся на пороге комнаты девушка. У нее в руках большой букет, голову украшает венок. Первым замечает девушку Ивченко. Лицо его искажает гримаса гнева.

И в ч е н к о (*кричит*). Что вам здесь надо? Какого черта вы за мной ходите?

Э л л а. Я... я здесь живу.

П р о к о п. Элка! Невеста, ну невеста!..

Э л л а. Отец, что здесь происходит?

Б э м с (*танец его сбит, отрезвев, он чувствует себя крайне неловко*). Мы... танцуем.

П р о к о п. Встреча друзей! Стиляги собрались, Эллочка.

Л ю с я (*Ивченко*). Познакомься, это наша дочь Элла.

И в ч е н к о. Куприянова? (*Бэмсу*.) Ты же Куприянов?

П р о к о п. Бэмс он, Бэмс!

Б э м с. Я Куприянов.

Л ю с я (*дочери, жестко*). Сними с головы этот дурацкий венок. Цветы поставь в вазу. (*Срывается*.) Я тебе говорю!

Опрокидывая стулья, Элла бросается через всю сцену к двери в смежную комнату, распаивает ее. С порога она бросает в сторону Ивченко, Бэмса, Люси и Прокопа охапку цветов.

Э л л а. Я вас всех ненавижу! (*Схватив с телефонного столика у двери телефон, захлопывает за собой дверь*.)

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Комната Эллы.

Письменный стол, книжные полки, тахта. Над тахтой на стене прикреплена гирлянда засушенных цветов и листьев.

В углу с книжкой в руках сидит Толя, сын Прокопа.

Распахивается дверь в комнату. На пороге — Элла с венком на голове и с охапкой цветов в руках. Элла бросает эту охапку в сторону гостиной.

Элла. Я вас всех ненавижу! *(Перед тем как захлопнуть дверь, хватает из гостиной телефон и забирает его в свою комнату.)*

Стуки в дверь.

Голос Люси (из-за двери): «Открой дверь!.. Открой!..» Голос

Прокопа: «Толя!.. Толя!..»

(Оборачиваясь и замечая Толю.) С тыла наступают.

Толя. Не бойтесь. Я из Челябинска.

Элла. Толя?

Толя. Толя.

Элла. Из Челябинска?

Толя. Из Челябинска.

Элла. Сын утюга?

Толя. Сын утюга.

Элла. Обиделся?

Толя. Не обиделся.

Элла. А я — дочь стилиги. Можешь меня так называть. Элла.

Толя. Толя.

Элла. Элла — дочь стилиги. Звучит?

Толя. «Бэмс, «Чучу»...

Элла. «Бэмс, «Чучу»?

Толя. Отец рассказывал.

Элла. У тебя с отцом такие отношения?

Толя. Какие?

Элла. Он тебе рассказывает, ты слушаешь...

Толя. А у вас разве не такие? Ты вон про утюга знаешь.

Элла. Знаю. Это мать.

Толя. А это отец. Отец с сыном откровенен, мать — с дочерью. Нормально.

Элла. Нормальная советская семья. *(Внезапно набирает номер телефона.)* Игорь!.. Это ты?.. А это я. Слушай, у меня идея. Приезжай! Прямо сейчас. А то

они меня достают. Бред! Я пришла, а они танцуют. Один — «чу», а другой — «ча». Маразм! Он здесь, слышишь, он здесь? Кто, кто?.. Ивченко! Я пришла, а он с моими родителями... Они танцуют!.. Бал уродов!

Стук в дверь.

Погоди... *(Бросается к двери, поворачивает ключ в замке, снова берет телефонную трубку.)* Дверь заперла.

Голос Прокопа: «Толя!.. Толя!..»

(В телефонную трубку.) Не знаешь, как? Как всегда. Я окно открою. Возьми мотор. Я жду. *(Кладет трубку.)*

Стук в дверь.

Совсем спятили!.. *(Подходит к окну, открывает его настежь.)*

Толя. Тут не жарко.

Элла. Я жду гостей.

Толя. Тогда открой дверь.

Элла. Слушай, я тебе нравлюсь?

Толя. За что ты их ненавидишь?

Элла. Ты не поймешь.

Толя. Почему?

Элла. Просто они одни люди, а я другая.

Толя. Чем они другие?

Элла. А тебе в Америку не хочется?

Толя. А чего я там не видел?

Элла. Ничего не видел.

Толя. Почему? Кое-что видел. По телевизору.

Элла. Пожалуйста — знаменитый кинопутешественник! Небось уже «Жигули» на уме?

Толя. А что, плохо?

Стук в дверь.

Голос Прокопа: «Толя... Толя... Ты там?»

(Подходя к двери.) Я здесь, папа. Мы скоро выйдем.

Элла. А мне и тут хорошо. С тобой. А тебе?

Толя. Чего?

Элла. Ну, купишь ты свой «жигулевич», ну, сядешь за руль — и что?

Толя. И поеду.

Элла. Куда?

Толя. Куда захочу. В Гагры.

Э л л а. В Гагры. Так тебя в Гаграх и ждут. Когда к нам Толя из Челябинска придет? Мы ему и номер в отеле приготовили, и очередь в столовую заняли...

Т о л я. Я в машине спать буду.

Э л л а. Тогда купи лучше раскладушку, двенадцать рублей всего, поставь перед телевизором — и поехал в Гагры. А то в Америку.

Т о л я. Слушай, хватит!

Э л л а. По рабочим окраинам проедешься. Людей посмотреть, себя показать...

Т о л я. Жизнь рабочих окраин тоже интересна.

Э л л а. Толечка, тебе надо в наш институт!

Т о л я. Не волнуйся. Я там буду.

Э л л а. Конечно, конечно!..

Т о л я. Ну, просто отец хотел выяснить, какие требования...

Э л л а. Зайчик.

Т о л я. Что?

Э л л а. Зайчик. Это я так. Не обращай внимания. Ну, что еще в Челябинске у нас новенького?

Т о л я. Да уж цветами не бросаемся.

Э л л а (*снимая с головы венок*). Хочешь веночек поносить?

Т о л я. По назначению используем.

Э л л а. А что ж ты Элле цветочек не принес? (*Вынимает из двери ключ.*) Видел? Ключ. Больше не увидишь. (*Выбрасывает ключ в окно.*)

Т о л я. Ты что, чокнутая?

Э л л а. Пиф-паф, ой-ей-ей, умирает зайчик мой!

В это время на карнизе появляется И г о р ь — долговязый молодой человек. На голове у него такой же веночек, как у Эллы. На плече — противогазная сумка.

И г о р ь. Привет?

Э л л а. Игорь!..

Стук в дверь.

Голос Бэмса: «Элла...»

(*Подходя к двери.*) Ну что?

Голос Бэмса: «Это я — отец».

(*В сторону двери.*) Говорите. (*Игорю.*) Познакомься — это наш гость из солнечного Челябинска.

Т о л я. Толя.

Голос Бэмса: «Открой мне».

Игорь. Мрачок.

Элла (*в сторону двери*). Не открою. (*Игорю*.) Должна тебе сказать, Челябинск у нас скучнейший городок.

Игорь. Ты что, тут коллекцию собираешь?

Голос Бэмса: «Открой, слышишь?»

Толя. Я смотрю, у вас в Нью-Йорке весело.

Элла (*в сторону двери*). При всем желании не могу.

Голос Бэмса: «Почему?»

(*Игорю*.) С папой приехал в институт поступать. (*В сторону двери*.) Я ключ выбросила.

Голос Бэмса: «Что?»

В окно. Фьють! Выкинула в окно.

Игорь (*Элле*). Зайчик?

Элла. Начинающий.

Голос Прокопа: «Толя... Толя...»

(*Толе*.) Вас к телефону.

Игорь. С папой? Такого еще не было — отец и сын на первом курсе. Мрачок.

Элла. Нашего Ивченко обрабатывают насчет конкурса.

Толя (*подходя к двери*). Я здесь.

Голос Прокопа: «Это правда?.. С ключом».

Да.

Игорь. Зайчик.

Толя. Да что вы заладили: «зайчик, зайчик»!.. Небось живого зайца в глаза не видели.

Голос Бэмса: «Элла... Элла...»

Игорь. Как же, как же! Такие маленькие, сеньские, морковку свою никогда не упустят — хруп, хруп, хруп...

Голос Бэмса: «Хулиганка!»

Элла (*в сторону двери*). Разговор окончен. По-весьте трубку.

Игорь (*Толе*). Что, поближе к пирогу пожить хочется? Большой театр нужен? «Седьмое небо»? Третьяковка? Улица Горького? Оружейная палата? Алмаз-

ный фонд? ГУМ? ЦУМ? Музей изобразительных искусств? «Ядран»? Это все мура, понял, мура! И твой институт, и диплом — мура все! Пыль!

Э л л а. Да, у нашего Толеньки дела неважные — срывается разговор с Ивченко. (*Игорю.*) Пошли отсюда!

Элла и Игорь направляются к окну, вспрыгивают на подоконник.

Т о л я. Мне что... Отца жалко.

И г о р ь. Чао, зайчик!

Э л л а. Надоело! Хочу иметь отдельный выход. Отдельный! Вообще! Хоть в окно — но отдельный! Ото всех. Чтоб я могла через него в любой момент выйти. Вот вышла — и все! И нет меня!

И г о р ь (*Толе*). Не скучайте в камере, мой генерал.

Э л л а (*Толе*). Чао, зайчик!

Вдруг совершенно неожиданно на карнизе появляется Бэмс. Он сталкивается с Эллой и Игорем, некоторое время они втроем балансируют... Потом все вместе валятся внутрь комнаты.

Б э м с (*взбешен*). Ты что, дрянь! Ты что!.. Я тебе мальчишка? Запираться... Я тебе мальчишка по карнизам лазить?.. Дрянь. Сними с головы этот дурацкий веноч!

Э л л а (*представляет Игоря*). Игорь, мой однокурсник. (*Представляет отца.*) Куприянов.

И г о р ь. Понял.

Б э м с. Эту хохму с цветочками он придумал?

Э л л а. Эту хохму с цветочками придумала я. Думаешь, совсем дура?

Б э м с. Играете все...

Э л л а. Не волнуйся, вон ты белый весь.

Б э м с. Зато ты спокойная.

И г о р ь (*ерничая*). Купите букетик!

Б э м с. Пижоны. Куда вы пойдете со своими цветочками?

И г о р ь. К вокзалу. Букетиками торговать. Букетик — рубль. «Жигули» как в кармане.

Б э м с. «Жигули» у вас на уме... (*Толе.*) Посмотри на бизнесменов.

Э л л а (*Бэмсу про Игоря*). Он шутит. Ты его не знаешь.

Б э м с. А кстати, почему я его не знаю?

И г о р ь. Потому что я хожу в ваш дом через отдельный вход.

Голос Прокопа: «Бэмс!..»

Бэмс. Чего тебе? Нашел ключ?

Голос Прокопа: «Да нет нигде...»

Поищи там, под окном. Или в стороне. На спички. (*Бросает в окно спички.*)

Игорь. Оперетта!

Голос Прокопа: «Да нет нигде».

Бэмс. Хорошо, будем ломать дверь. Толя, помоги мне, от стены разбегись — и ногой, а я плечом сбоку.

Толя не двигается с места. Бэмс разбегается, неуклюже бьет ногой в дверь. Дверь не поддается.

Игорь (*Элле*). Поздравляю тебя с таким папашей!

Бэмс, обессиленный, присаживается на тахту.

Бэмс. Ну что с тобой происходит? Что происходит?.. Я не знаю... Цветы... ключ... Что это?..

Элла. Мы отметили юбилей.

Бэмс. Какой?

Элла. «Бум отчислять».

Бэмс. Кузьмича?

Игорь. Да не было у него никакого юбилея!

Элла. Мы его выдумали. Намекнули, что пора, мол, на пенсию отваливать.

Бэмс. Оригинально, черт... Оригинально... Мы в наших пятидесятых до такого бы ни в жисть бы не додумались. Куда нам...

Игорь (*показывает*). У него челюсть на лекции вываливается... Он ее на лету ловит, обратно в рот втыкает и продолжает говорить. Мрачок!

Элла. Маразм!

Игорь. Цирк!

Бэмс. Послушайте старого студента... Все-таки я тоже был студентом, учился в том же институте. Потерпите, потерпите немножко... Знаете, что он с нами делал, Кузьмич ваш? Ну хорошо, ну в деканате там зверствовал, а то на факультетский вечер отдыха пришепает, встанет около нас и следит, чтобы играли только то, что утверждено. Чтоб никакой джазьяры! Ни одной ноты чтобы лишней! Вот хмырь! И жена рядом стоит. Он на вечера всегда с женой приходил.

Между прочим, хорошенькая... Мы всегда удивлялись, как такая пупочка за такого хмыря пошла. Однажды я подошел, и пригласил ее танцевать, и повел стилем, назло Кузьмичу, а она ничего, ее ведешь, она слушается. Ох, я тогда умел эти дела! И вот тут медленная часть подходит, и она меня спрашивает: «Студенты любят Алексея Кузьмича?» А я возьми да брякни: «А вы?» Во плюшку выдал? «А вы?»— говорю. Ну, что ты... Она тут же руку выдернула и через весь зал к Кузьмичу пошла. Встала рядом, а у него от злости аж нос задергался. С тех пор больше тройки я от него не получал.

Игорь. Тоже, можно сказать, пострадали.

Бэмс. Во приложился! И трояк только со второго захода давал.

Игорь. Мрачок!

Бэмс. Кранты! Любимая фраза: «Бум отчислять».

Элла. Сейчас тоже.

Игорь (*подражая голосу Кузьмича*). «Бум отчислять».

Бэмс. Нет, не так. В нос больше: «Бум отчислять». «Бум»... «Бум»...

Игорь (*пробует*). «Бум»... «Бум»...

Бэмс. Вот, уже лучше!

Игорь. «Бум отчислять».

Бэмс. О! Молодец! Похоже. (*Элле, про Игоря*.) Хазанов! Очень похоже! «Бум отчислять».

Игорь и Бэмс (*вместе подражают декану*.) «Бум отчислять... Бум отчислять... Бум отчислять...»

Бэмс. Двадцать лет прошло... Наверно, она постарела и они сравнялись. Ты ее на вечерах не видела?

Элла. Я не хожу на вечера.

Бэмс. Почему?

Игорь. Скука.

Бэмс. А у нас было весело...

Игорь. Танцы с женой декана — возбуждает!

Бэмс. Очень было весело...

Игорь. Извините, не знаем.

Бэмс. Что вы вообще о нас знаете?

Игорь. Я понимаю, я все понимаю. Вы, Ивченко, Кузьмич ваш, деканша... Прокоп этот... с ключом — все одно и то же! (*Пародийно поет*.) «Возьмемся за руки, друзья, возьмемся за руки, друзья...» У меня отец целыми днями крутит: «...чтоб не пропасть поодиночке...» Одна компания!

Т о л я. А кто твоя компания? У тебя хоть она есть?

И г о р ь. Я — моя компания! Я!

Т о л я. И все?

И г о р ь. И все!

Б э м с. Все-таки очень было весело...

Т о л я (*Игорю*). А что ты тут про моего отца говорил? Ты что, его видел, знаешь?.. Лично я своим отцом доволен. Это вы своих родителей ненавидите.

Э л л а. Почему ты так думаешь?

Т о л я. Ты же сама говорила, что всех ненавидишь. Значит, и родителя.

Э л л а. Всех — да.

Т о л я. Значит, и родителя.

Б э м с. Поговорите... (*Отходит.*)

Э л л а. Всех вместе я ненавижу, а каждого в отдельности — люблю.

Т о л я. Так не бывает.

Э л л а. Бывает! Каждого в отдельности я люблю, а всех вместе — ненавижу. Если бы в течение моей жизни все люди — знакомые, родственники, незнакомые, — все подходили бы ко мне по одному...

Т о л я. Через твой отдельный выход?

Э л л а. Да, через мой отдельный выход! Я бы ко всем к ним относилась бы хорошо, я бы всех их любила. С каждым можно договориться. Но когда все вместе лезут на тебя, прут... Даже с Ивченко, я уверена, можно договориться.

И г о р ь. С Ивченко?

Э л л а. Да. Если взять его одного как такового, голенького... Даже с ним.

И г о р ь. «Возьмемся за руки, друзья, возьмемся за руки, друзья...»

Э л л а. Но в том-то и дело, что он никогда не будет один, он всегда будет со всеми. Никогда один на один ни с кем не встретишься.

Б э м с. Прав Ивченко — чужие вы, холодные.

И г о р ь. Я просто ни в ком не хочу копать. Все равно, кроме дерьма, ни в ком ничего не найдешь. Одна компания. Только один «чу», а другой «ча». И все! И каждый человек готов. С первого класса готов. И к каждому я имею свое отношение. Тебя я люблю, а его ненавижу. Ладно, пошли отсюда! (*Прыгает на подоконник и ступает на карниз.*)

Голос Прокопа: «Бэмс!.. Бэмс!.. (Пауза.) Я не могу попасть в квартиру. Они не открывают, Ивченко и Люся. Они заперлись». Игорь снова впрыгивает в комнату. Пауза. Бэмс подходит к двери.

Бэмс. Ивченко!.. Ивченко!.. Ты этого длинного черненького, Игоря этого, — гони ты его. Гони к шутам собачьим! Хотя нет, не гони — на картошку лучше упеки на два месяца, пусть в навозе поковыряется. А может, там на него нечаянно трактор наедет, отдавит ему кое-что... или ногу... Или руку до плеча на заводе под прессом, на практике. (Пауза. В сторону окна.) Прокоп, кинь спички!

Голос Прокопа: «Держи!»
В окно летят спички.

(Игорю.) У тебя закурить есть?

Игорь через комнату кидает Бэмсу пачку сигарет. Бэмс закуривает.

Голос Прокопа: «Так что мне делать, Бэмс? Я поднимался, звонил, они не открывают — Ивченко и Люся... Они заперлись. Изнутри».

(Подходя вплотную к двери.) Люська... Ты что там затеяла? Люська, открой, не бойся... Ты что там? Ивченко... Воспользовался... Убью! Люська, убью!.. Открой дверь, открой! (Стучит в дверь.)

Элла. У нее нет ключа.

Бэмс (резко оборачивается). Где ключ?! Как вы меня... (Начинает из всей силы и всем телом биться в дверь. Вдруг останавливается, прислоняется к стене, обмякает.)

Элла. Что происходит? Я не понимаю, что происходит?

Бэмс. Японский городской!.. Плохо мне. Сердце... Элка, воды!

Элла (подходит к двери). Мама!.. Мама!.. Ты слышишь меня?

Бэмс. О, стреляет!.. (Падает.)

Элла. Папа!.. Воды!.. А, черт, дверь!..

Игорь. Так. Хватит. Надоело. Отойдите от двери! (Мощно бьет в дверь ногой.)

Дверь не поддается. Игорь отходит подальше, разбегается, теперь уже к нему присоединяется Толя. Вместе они штурмуют дверь. Наконец она рушится. Игорь и Толя прорываются в смежную комнату. Элла склоняется над отцом. Из смежной комнаты возвращается Толя.

Т о л я. Вот... вода... Дай ему выпить.
Э л л а (отцу). Полежи... Тебе надо полежать. (От-
ходит к Толе.) Что там?

Т о л я. Никого нет.

Э л л а. Никого?

Т о л я. Было пусто.

Э л л а. Пусто?

Т о л я. Стол стоит. Игорь побежал.

Э л л а. Куда?

Т о л я. Сказал — догонит. Побежал. Сказал — зна-
ет, где его искать. Вашего Ивченко.

Э л л а. Вмешался все-таки!

Т о л я. Энергичный.

В комнату за своей сумкой возвращается И г о р ь.

И г о р ь. Я его теперь из-под земли достану. Я его
достану... (В сторону Бэмса.) Я его достану, приведу
и поставлю перед вами. Вот так — он, вот так —
вы. Стенка на стенку. И мы посмотрим... Бэмс, «Чу-
чу»... (Элле.) Дала ему воды? (Убегает.)

Появляется П р о к о п.

П р о к о п. Бэмс, что с тобой? Бэмс...

Э л л а. Ему плохо.

П р о к о п. Ты чего, старичок? Ты чего?

Э л л а. Оставьте нас, пожалуйста, вдвоем.

П р о к о п. Бэмс...

Т о л я. Пойдем, папа.

П р о к о п (Бэмсу). Ну, ты даешь!..

Толя уводит Прокопа. Пауза.

Э л л а. Тебе лучше, Бэмс?

Б э м с. Мне нравится, когда ты называешь меня
Бэмс. Бэмс — и нет старушки... Мне лучше. Там... в той
комнате... никого не оказалось?

Э л л а. Никого.

Б э м с. Все это уже было.

Э л л а. Там никого не оказалось.

Б э м с. Она исчезала, а я искал.

Э л л а. Не надо, Бэмс. Молчи, Бэмс.

Б э м с. А знаешь, где она тогда была?

Э л л а. Тебе вредно разговаривать.

Б э м с. Они с Ивченко у Мишки Боярина были. На
дне рождения. Но это только так называлось. День
рождения Боярин устраивал себе каждую неделю. По

четвергам. Собирались девочки, ребята... Ну, понимаешь?.. У вас, наверное, тоже есть такое...

Э л л а. Есть, нет... Чего ты хочешь?

Б э м с. У нас это называлось «хата». Была большая проблема. Мы все ходили и спрашивали друг у друга: «У тебя хата есть?»

Э л л а. Бэмс, заткнись!

Б э м с. У Боярина хата была всегда. Я догадывался, что они могут быть там. Как раз в четверг было... Детям такие вещи не рассказывают, но... Мы похожи с тобой.

Э л л а. Я твоя дочь.

Б э м с. А этот... как его, мальчишка... который побежал... дружок твой?..

Э л л а. Игорь.

Б э м с. У вас с ним что?

Э л л а. С кем?

Б э м с. С этим... Игорем.

Э л л а. В каком смысле?

Б э м с. В смысле... дружба, любовь?

Э л л а. Ни то ни другое.

Б э м с. Что же?

Э л л а. Отношения.

Б э м с. Отношения?..

Э л л а. Отец, ну что может быть между мужчиной и женщиной?

Б э м с. Между мужчиной и женщиной...

Э л л а. А что тебя здесь удивляет?

Б э м с. Я выгляжу старым дураком. Мальчишка побежал искать мою жену... Все пляшут у меня на голове!

Э л л а. Все будет хорошо, Бэмс.

Б э м с. Все будет хорошо у тебя. Потому что тогда... ну, тогда, в институте еще... после того как Люська исчезла с Ивченко... от меня сразу отлепились. (Пауза.) У меня не хватит сил прогнать ее.

Э л л а. Зачем ты полчаса назад заставлял меня любить Ивченко?

Б э м с. Я не заставлял тебя любить его.

Э л л а. Ну, не любить. Бояться.

Б э м с. Слушай, Элка. Обещай мне — что бы ни было, как бы ни повернулось... ты должна обещать мне... ты не сделаешь глупости. Институт на дороге не валяется. Видишь, как Прокоп суетится?

Э л л а. У нас на курсе есть парень, он вегетарианцем стал, он всем говорит: «Наконец я могу прямо смотреть в глаза корове. Я ее не ем». Давай посмотрим в глаза друг другу, ты — мне, а я — тебе. Ну, Бэмс... И скажем: «Мы не едим друг друга».

Б э м с. Я сам себя ем. А знаешь за что? За то, что ты меня не ешь, за то, что мать меня не ест, за то, что не едят меня ни работа, ни развлечения, ни природа... И сам я вегетарианец. Люська это чувствовала, и... не сложилось. А как красиво начиналось!..

В кухне.

Т о л я. Отец...

П р о к о п (*рассматривает в зеркале свой новый пиджак*). Чего?

Т о л я. Поехали.

П р о к о п. Куда?.. Во пиджачок стрельнул! Плечи широкие, клетка крупная... Идет?

Т о л я. Сядем в поезд, попьем чайку, к вечеру дома будем. Мать обрадуется.

П р о к о п. Надо было и тебе такой купить. Ходили бы вместе.

Т о л я. Как два утюга.

П р о к о п. Никуда я не поеду!

В комнате Эллы.

Э л л а. Ты знаешь, я передумала — давай есть друг друга. Ты — меня, а я — тебя, давай?

Б э м с. Давай. Прокормимся как-нибудь, правда?

Э л л а. Еще как заживем! Отец, у меня гениальная идея! Пойдем с тобой в дискотеку. А что? Чего ты киснешь? Я тебя со своими пастушками познакомлю. У меня знаешь какие пастушки — отпад! Без предрассудков. Могу даже не говорить, что ты мой родитель. «Знакомьтесь, Бэмс» — и все. Ты у них хорошо пройдешь. Виски седые, лысоват, возраст — все годится. Одна из моих именно такого и полюбила. Да у него еще глаз искусственный, левый. Надоели эти мальчишки с двумя глазами!

Б э м с. А челюсть искусственная ей не подойдет?

Э л л а. Ты смотри, я не знала, что у меня такой молодой отец — он у меня танцует и поет. Ну что, познакомимся?

В кухне.

Прок о п. Матери давно не звонили. Стирального порошка ей навезем...

То л я. Большая радость. Материных рук не жалко.

Прок о п. А жалко, сам стань к корыту!

То л я (*про пиджак*). Пояс ни к чему.

Прок о п. С поясом — небрежно.

То л я (*на ящик со стиральным порошком*). Бери свое мыло — и поехали!

Прок о п. И без пояса можно... (*В сторону смежной комнаты.*) То, что там было, — это наши дела. Понял? И успокойся.

То л я. Я спокоен.

В комнате Эллы.

Б э м с. Как зовут вас, девушка?

Э л л а. Элла.

Б э м с. Фицджеральд?

Э л л а. Примерно. А вас зовут как?

Б э м с. Зовут меня Бэмс.

Э л л а. Мне нравится называть вас Бэмс. Бэмс, научите танцевать «Чучу».

Б э м с. А зачем вам «Чуча»? «Чуча» — немодно.

Э л л а. А сейчас модно то, что немодно.

Б э м с. О'кей!

Э л л а. Бэмс, «Чучу»!

Бэмс приосанивается, снова вздергивает воротничок белой рубахи и начинает потихоньку танцевать «Чучу». Элла подлаживается под его танец, быстро улавливает ритм и рисунок. Отец и дочь танцуют.

Б э м с. Черт принес его именно сегодня!

Э л л а. Кого?

Б э м с. Этого, твоего...

Э л л а. Он часто бывает здесь. Особенно летом.

Б э м с. Почему летом?

Э л л а. Окно открыто.

Б э м с. Все лезут в мое окно! (*В сторону кухни.*)

Прок о п! Эй, Прок о п! Где ты там?

Прок о п (*из кухни*). Иду!.. Все хорошо шло... И зачем Бэмс затеял это толковище?

Прок о п и То л я входят в комнату Эллы. Прок о п останавливается на пороге, мрачно наблюдает за танцем Бэмса и Эллы.

Б э м с (*Прок о пу*). Что же ты не кричишь свое второе «ча»?

Прок о п. Докричался...

Бэмс (*продолжая танцевать*). Тебе же назначили завтра в три.

Прокоп. Куда я теперь пойду?

Бэмс. Ты ни при чем. Ты приезжий.

Толя. Отец, не ходи. Завтра в три не ходи.

Прокоп (*свирепо*). Ты-то еще что тут?

Толя. Я сдам в другой институт. На общих основаниях.

Прокоп. Вы слышали?

Элла (*Толе*). Не комплексуй. Что мы там говорили — все ерунда.

Прокоп. О чем вы там говорили?! (*Элле.*) Это, наверное, твой хулиган?

Бэмс. Знаешь, Прокоп, они не такие уж дети, наши дети, пусть поступает как хочет.

Прокоп. На общих основаниях... Герой нашелся... Лермонтов.

Бэмс. Айда, мужики! Нам не нравится эта комната.

Все проходят на кухню. Тесно рассаживаются за кухонным столом. Вынимают из холодильника закуски. Элла достает бутылку шампанского.

Элла. Как раз шампанское подморозилось.

Бэмс (*Прокопу*). Во Элка у меня! Ну-ка, Элка, повернись... В порядке! А, черт с ними со всеми! Вот мы сидим вчетвером — и нам хорошо, а что там будет через час... Да что будет, то и будет! Давай, Прокоп, выпьем с детьми! С ними уже пить можно.

Прокоп. Толя не пьет.

Толя. Сегодня выпью. С тобой.

Прокоп укоризненно смотрит на Толю.

Бэмс. Когда мне было столько лет, сколько вам, я смотрел на себя в бабушкино зеркало и завидовал своим будущим детям — это вам. Вот, думал я, им повезло, они сразу получают современного, понимающего, нескучного отца. Это меня. Я Элке завидовал; ее еще на свете не было, а я ей завидовал. Вот, думал я, будет у нее вечно молодой отец — это я. И вот прошло время, я купил себе зеркало, и теперь вы смотрите на себя в мое зеркало и думаете: «Вот бы нам родителей таких, как мы, современных, понимающих, нескучных... а тут старые индюки...» Это мы с тобой, Прокоп. Похож я на индюка, Прокоп? Хрр-рр. (*Подражает индюку.*)

Прокоп (*Элле и Толе*). Чего он?.. Бэмс, ты чего?

Бэмс. Раньше прохожие оборачивались мне вслед, а теперь я сам стал прохожим... (*Элле, Толе.*) Посмотрели бы вы на нас тогда, может быть, не так нас стеснялись сегодня...

Толя. А мы не стесняемся.

Бэмс. Давайте же выпьем за то, что мы такие, какие мы есть, и вы такие, какие вы есть, за то, чтобы мы не желали себе других детей, а вы бы не жалели, что у вас такие родители!

Элла. Это мой отец.

Бэмс. Посмотрим, как вы у нас пьете. Поехали!

Все выпивают.

Хорошо!

Прокоп. Ой, Толя!..

Толя. Отец, все будет в порядке, я хорошо подготовлен.

Элла (*Бэмсу*). Слушай, а может, тебе усы отпустить?

Бэмс. У меня когда-то были. Шнурочки такие, специально подбривал... «Мерзавчики» назывались.

Прокоп (*Толе*). А куда ты считаешься?

Толя. Я еще не решил.

Прокоп. Тут надо сто раз подумать, сто раз...

Элла. А я, когда маленькая была, хотела ветеринаром стать.

Толя. Чего ж в медицинский не пошла?

Элла. Там на таких ветеринаров не учат. Я знаете чего хотела — насекомых лечить. Ветеринар по насекомым!

Толя. Фантазия.

Элла. Ничего не фантазия! Чем комар, например, хуже коровы? Корова — животное, и комар — животное. Корова болеет — есть ветеринар, а комар ножку вывихнет, так ему и помочь некому. Элла — ветеринар по насекомым! Нонсенс.

Прокоп. Эх, столичная молодежь!.. Все оригинальничаете.

Элла. Бэмс, вот тебе надо, как у Прокопа, усы попышней, так сейчас носят. Посмотри, как Прокопу усы идут.

Прокоп (*раздражен*). Да не называй ты меня Прокопом! Кто я тебе?..

Элла. Ну, извините, извините... Если вам угодно, я не буду...

Проккоп (Толе). Что матери скажем? У тебя математика хорошо идет. Тебе в технический надо. И вообще механика надежнее всякой болтологии. Точно, Бэмс?

Бэмс. Да я бы сейчас с удовольствием поболтал...

Проккоп. А я никогда! Я первый раз когда на практике ковырнул землю... два месяца экскаваторщиком работал... так вот, ковырнул ковшом землю, посмотрел в яму и подумал: ведь это я, считай, глобус ковырнул, это ж вот что мне позволили за государственный счет и машину еще дали для этого. И так я себя зауважал. А теперь у меня этих экскаваторов — сто!

Бэмс. И уважаешь себя в сто раз больше?

Проккоп. Во всяком случае, никому не завидую. У меня работа — лучше всех!

Элла (Толе). Бери пример с отца.

Толя. Я еще к нему на практику приду.

Проккоп. Приходи, приходи, погоняю по участку будь здоров! Взвоешь, к чужому дяде на отца жаловаться побежишь.

Толя. Отец, у нас все будет хорошо. Так матери и скажи.

Бэмс. Династия. Что он сказал, вернется, Игорь этот?

Толя. Сказал, чтобы ждали, что достанет Ивченко из-под земли. Сказал, знает, где его искать.

Бэмс. Что он знает! Что он знает!.. Уж если кому бежать, то мне, а я вот сижу с вами, и мне хорошо... Вернее, мне плохо. Вот она уже второй раз в жизни исчезает с ним...

Проккоп (вскакивает с места). Я не могу это слушать!

Бэмс. Что?

Проккоп. Твои откровения... при детях.

Бэмс. Я никогда об этом никому не говорил. И знаешь, как мне было тяжело. Сейчас легче. Сказал — и легче.

Элла. Отец, я с тобой.

Бэмс (обнимая Эллу, целует). Когда ты еще была... в общем, когда тебя еще не было, мы с матерью договорились, что если родится дочка, назовем ее Эллой, в честь Фицджеральд, а если мальчик, то Луи. Я рад, что у меня родилась девочка.

Толя. А Луи в честь кого?

Бэмс. Армстронга, конечно.

Т о л я. Космонавта?

Б э м с. Космонавт в пятьдесят шестом году? (*Прокору.*) Почему он у тебя такой темный?

П р о к о п. Технократ.

Б э м с (*Толе*). Твой отец тоже технократ, но в твои годы он знал, что Луи — имя золотого трубача двадцатого века. (*Как бы вскидывает к губам невидимую трубу, голосом подражает ее звукам. Потом отнимает «трубу» от губ и поет.*)

О Сан-Луи, город стильных дам,
Крашенные губы он целует там,
Девушка хохочет,
Полная любви огня,
С ней мой любимый хочет
Позабить меня!..

Из-за стола поднимается Элла с бокалом в руке.

Э л л а. А я хочу выпить знаете за что?.. Вернее, за кого? Никогда не догадаетесь! За мою тезку — за Эллу-большую, за Эллу Фицджеральд. Мы с ней не знакомы... так получилось... но знала бы она, что на другом конце земли живет Элла-маленькая, это я, — может быть, мы и стали подружками. Мы с ней разные: она живет в Штатах, я здесь; она черная, я белая; она в очках, я вижу хорошо. Она Первая Леди джаза, я... я просто леди... Леди Элла — ничего звучит!.. Но у нас есть общее, кроме, конечно, имени, — мы друзья нашего Бэмса. Она, конечно, ему ближе, чем я, она его старший друг, она поет ему всю жизнь, но я буду учиться... Я завидую своей тезке, у меня нет такого голоса. А мне бы сейчас очень хотелось быть в каком-то таком длинном платье с блестками, луч прожектора, трубач за спиной.

Бэмс снова вскидывает воображаемую трубу.

И я выступаю: «Па-да-ду-да-па-бу-ба-па-ла-да-ду-ди-па-ба...» (*Поднимая бокал.*) Здоровье Эллы — подруги Бэмса!

Б э м с. Моя дочь!

Э л л а и Б э м с (*поют*).

О Сан-Луи, город стильных дам,
Крашенные губы он целует там.
Девушка хохочет,
Полная любви огня,

С ней мой любимый хочет
Позабить меня...

Прокоп (*перехватывает песню, убыстряя ее ритм и придавая ей более юмористический, пародийный смысл*).

Москва, Калуга, Лос-Анжелос
Объединились в один колхоз.
Стиляги трактор завели,
Колхоз называли «О Сан-Луи».
Изба-читальня — сто второй этаж.
Там буги-вуги лабают джаз.
Ковбой Михеич бросал лассо
Автомобилю на колесо,
Колхозный сторож Иван Лукич,
Хлебнувши виски, толкает спич.
О Сан-Луи, о Сан-Луи...

Эти куплеты Прокоп и Бэмс поют по очереди, танцуя при этом и пародируя самих же себя двадцатилетней давности. Элла танцует с ними, ловко подделываясь под их стиль. Толя за столом отбивает ритм ножом по стаканам.

В середине веселья входят Люся и Ивченко.

Бэмс. Вот и Люся пришла!

Люся. А почему вы на кухню перебрались? (*Молчание. Бэмсу.*) А у нас сюрприз для тебя.

Ивченко (*достает из-за спины большую пластинку в ярком конверте*). «Чу-ча!» Диск Гленна Миллера. Юбилейная запись. Специально домой ко мне ездили, чтобы сюрприз тебе сделать.

Люся. Такси долго ловили...

Ивченко протягивает конверт Бэмсу, Бэмс берет его. Аккуратно вынимает из конверта пластинку. Рассматривает.

Прокоп в это время разговаривает с Ивченко.

Прокоп. А это мой сын Толя.

Ивченко. Очень приятно. Я помню — завтра в три.

Прокоп. Я в три, знаешь, не могу...

Ивченко. Тогда в четыре...

Прокоп. В четыре тоже...

Ивченко. Ну, смотри, тебе надо.

Вдруг Бэмс одним коротким и резким движением ломает пластинку о колено на две половинки. Одну протягивает Люсе, другую — Ивченко.

Бэмс. Горько!

Люся. Ты что, с ума сошел?!

Бэмс (*кричит*). У меня такая есть!
Ивченко (*Бэмсу*). Что с тобой? (*Люсе.*) Что с ним?

Бэмс. У меня есть «Чуча»!!! Мне не надо!!! Я говорил!!!

Ивченко. Зачем пластинку ломать?

Бэмс. Вы себе еще достанете.

Пауза.

Люся. Дурак!.. Ой, какой же ты дурак!..

Элла. Мама!..

Люся. Он же думает (*Ивченко*)... что ты... что я... О господи!..

Ивченко. Дурак.

Элла (*Ивченко*). Не смейте так с ним разговаривать! Вы не имеете права!

Бэмс. Я говорил!.. Мне не надо!.. У меня есть!..

Элла. Бэмс, ты не прав. Неужели ты не видишь, что ты не прав? Мама, успокой его. Он просто нервный. Скажи ему.... Бэмс, не волнуйся, мы с тобой — я, мать... Мама, ну скажи ему!..

Люся. Ну как мне объяснить?.. Ты видишь, он не хочет слушать! Он вбил себе в голову... Бэмс, ты вбил себе в голову! Я твоя жена. Почему ты не веришь своей жене? Ты слепой! Ты ничего, кроме своей «Чучи», не видишь. Что ж она не отпускает тебя столько лет? Она тебе жить не дает. А ты все наматываешь, все наматываешь... Оборви ниточку — и все кончится. И ты поймешь, что я... что мы... Я хотела приятное тебе... сюрприз... мы поехали... пластинку... чтобы веселее... А ты... Будь ты проклят вместе со своей «Чучей»!

Бэмс (*подходя вплотную к Люсе*). Дочери бы постыдилась! У тебя взрослая дочь! Час ночи... Убежала, прибежала... Дверями хлопаешь...

Люся (*сквозь слезы*). Я не хлопала.

Бэмс. Приключений ночных захотела?..

Люся (*сквозь рыдания*). Замолчи!

Бэмс. Посмотри на себя — на кого ты похожа. Распухла вся... Макарончиков перед сном — и мордой в подушку. (*Люсе.*) Забудь о макарончиках!!! Кукарача!

Люся (*после рыданий*). Да, кукарача. (*Уходит.*)

Элла. Что же вы, мужики, уши развесили... (*Уходит вслед за матерью.*)

Элла и Люся на кухне.

Люся. Элка, сигарету!.. Быстро!..

Элла. Мои будешь курить?

Люся. Все равно... (*Заглядывает в зеркало.*) Во морда!.. Как пореву, так потом хоть в зеркало не заглядывай.

Элла. А ты возьми творог со сметаной и маску наложи минут на сорок.

Люся. Откуда ты знаешь?

Элла. Применяю... После рева.

Люся. Ты ревешь?

Элла. Бывает.

Люся. Вот никогда не видела...

Элла. А зачем мне, чтоб ты видела?

Люся. Я думала, ты железная.

Элла. В кого мне быть железной?..

Люся (*неожиданно резко бьет ладонью по столу*). Не смей так говорить про отца! Если хочешь знать, эта моя история с Ивченко...

Элла. Не психуй! Еще больше распухнешь.

Люся. Все вы смелые... Раскованное поколение... До первого аборта.

Элла. Люська, ты чего?

Люся. Помаду дай. Там, в косметичке...

Элла (*протягивая помаду*). Тебе лучше не краситься. Я давно хотела сказать.

Люся. Что, старая?

Элла. Сейчас стиль такой. Натуральный. Тебе пойдет.

Люся. Пойдет?

Элла. Пойдет.

Люся (*снова смотрясь в зеркало*). А такая морда мне идет?

Элла. Не комплексуй, Люська! У нас с тобой нормальные морды.

Смеются.

И не говори со мной так.

Люся. Как?

Элла. «Все вы смелые... Ваше поколение...» Какое я тебе, к черту, поколение? Я тебе дочь, а ты мне мать. Вот стоим разговариваем... При чем тут поколения?.. Ну, чего помаду мусолишь?

Люся (*бросая помаду*). А ну их всех к черту! Буду я перед ними выставляться. Да пошли они все!..

Элла. Так их, Люська! Пусть мужики свое место знают! А мы еще подумаем, оставить их на этом месте или подальше задвинуть.

Людья. Задвинем, Элка, знаешь, как еще задвинем! В самый пыльный угол!

Смеются.
В комнате.

Ивченко. Все! С меня хватит! Посидели. Хватит... Где мой портфель? *(Мечется в поисках портфеля, уходит в смежную комнату, быстро появляется с портфелем в руках. Распаленный, останавливается против Бэмса, хочет что-то сказать ему, но осекается.)*

Некоторое время они стоят, глядя друг другу в глаза. В комнату вернулась Элла.

Бэмс *(Ивченко)*. Останься. *(Пауза.)* Сядем.

Бэмс и Ивченко садятся. Ивченко не выпускает из рук портфеля.

Садись, Прокоп. Собрались в кои веки... Я рад.

Прокоп. Сядем! В ногах правды нет. *(Садится.)*

Бэмс *(Элле и Толе)*. Мы поговорим.

Элла и Толя выходят в смежную комнату.

Прокоп. Бэмс, ты... как?

Бэмс. Ничего. Все.

Прокоп. Нормально?

Бэмс. Нормально.

Прокоп *(Ивченко)*. Ты же знаешь Бэмса — у него сначала... А потом ничего... Ведь ничего, Бэмс?

Бэмс. Ничего.

Пауза.

Ивченко. Тебе что-то с работой делать надо. Хочешь, дам совет по-дружески? Тебе с работой что-то делать надо. Мужик должен иметь настоящую работу. Когда чувствуешь себя на месте, то все у тебя везде в порядке.

Бэмс. А что это такое — чувствовать себя на месте?

Прокоп. А я скажу! Это когда тебе не обидно подчиняться своему начальнику, а твоим подчиненным не обидно, что ты ими командуешь. Как у Архимеда.

Ивченко. При чем тут Архимед?

Прокоп. Если выталкивающая сила равна собственному весу, то ты не тонешь и не всплываешь, ты находишься в покое.

И в ч е н к о. Хорошо говоришь. Но если ты находишься в покое, какой от тебя толк?

П р о к о п. А я спокоен по поводу того, что занимаю свое место. Плаваю и плаваю... Как тело. Чем больше такого спокойствия, тем злее человек в работе. Самый горячий — это тот, кто чувствует себя на своем месте. Он кроет в открытую, ему нечего финтить. Он рубит! Ох и не любят таких!..

Б э м с. Я тухло выгляжу?

И в ч е н к о. Ты о чем?

Б э м с. О себе. Я тухло выгляжу?

П р о к о п. Чего ты?..

Б э м с. Что же я, не понимаю, что вы обо мне тут говорите?

И в ч е н к о. Мы вообще... рассуждаем, теоретизируем...

Б э м с. Ну да, ну да... Вы можете, а я не могу. Вы горячие, я холодный. (Ивченко.) Это ты мне хотел сказать?

П р о к о п. Что ж ты так об этом говоришь? Что ж ты о себе так говоришь?

И в ч е н к о. Погоди. Может, он лучше нас знает, что выше ему не потянуть. А, Бэмс? Ну! Начистоту. Мы ждем.

Бэмс молчит.

П р о к о п. А тогда чего мучиться? Живи нормально. В конце концов, всякий инженер — инженер. Зачем себя изводить?

И в ч е н к о. Жестче надо быть. Жестче.

Б э м с. Я, знаешь, на работу однажды опоздал. Обогнать не смог.

П р о к о п. Кого, Бэмс?

Б э м с. У нас один хромой работает. И вот бежишь без двух девять, он впереди шкандыбаает... Был рядовой, стертый день... Без двух девять. Коридор такой длинный... Я иду — и он впереди. И без двух девять. (Пауза.) Ну как объяснить?..

И в ч е н к о. Если уж пошел у нас мужской разговор без свидетелей — знаешь, почему ты из той нашей истории вынырнуть не можешь?

П р о к о п. Бэмс, поставь свое прошлое на полку. Я свое прошлое поставил на полку... Как первый том моей жизни. Оно там и стоит, а я на него любуюсь.

И в ч е н к о (Бэмсу). Что ты вообще от меня хо-

чешь? Чтобы я говорил то, что раньше? Я изменился! Чего тут плохого? Жизнь меняется, мы меняемся — так и идет.

Бэмс. Куда?

Ивченко. Туда... В будущее... Ты что думаешь, мы там такие, как сейчас, будем? Еще тысячу раз переменимся! Ты знаешь, к примеру, какого роста были средневековые рыцари? Ученые говорят, что рост мужчины-неандертальца был метр шестьдесят пять сантиметров, таким был и рост европейца в прошлом веке. За сто лет, с 1868 года по 1968-й, мужчины выросли в среднем на девять сантиметров, женщины значительно отстали: за последний век они стали выше лишь на шесть с половиной сантиметров. Если так пойдет дальше, в трехтысячном году рост женщины будет равен двум метрам тридцати восьми сантиметрам, а мужчины уже будут смотреть на них с высоты пяти метров семидесяти семи сантиметров.

Бэмс. О чем он тут говорит, Проккоп? Я ничего не понимаю.

Проккоп. Так я тоже чегой-то не секу.

Ивченко. Человечество растет. И мы растем. Но не сразу. Сто лет нужно. У древних была пословица: «Тэмпора мутантур эт нос мутамур ин иллис» — времена меняются, и мы меняемся с ними.

Пауза.

Проккоп. Эх, я в своей Челябине и скучать по вас буду, парни! Намотаешься за день, надергаешься, наорешься — вот так бы вечером посидеть, потрепаться... Утром жить снова можно.

На кухне.

Толя. Ну, я пойду.

Элла. Куда ты?

Толя. Пойду погуляю... Город посмотрю. Сейчас, наверное, туман...

Люся. Да успеешь! Чайку попьем...

Толя. Нет, утром хорошо. Народу мало. Дома видны. Легкие проветрю.

Элла. Я бы тоже пошла с тобой... но вот с матерью сижу... Понимаешь?

Толя. Понимаю.

Люся. А чего вы свою мать с собой не привезли?

Т о л я. Она ездить не любит. Она любит дома сидеть и за нас волноваться.

Л ю с я. Чего за вас волноваться?..

Т о л я (*Элле*). Слушай, у тебя не будет пяти копеек? На метро... Не хочу у отца просить.

Л ю с я (*достает из кармана горсть монет, находит пять копеек*). Держи.

Т о л я. Спасибо. (*Рассматривает монету.*) Новенькая... Тысяча девятьсот семьдесят восьмой год. Жалко отдавать.

Э л л а. На еще. (*Протягивает монету.*)

Т о л я. Зачем? Мне одной хватит.

Э л л а. Этой на метро поедешь, а эту оставишь на память. О семье Куприяновых.

Т о л я. Мне у вас понравилось.

Л ю с я. Бери.

Т о л я (*Элле*). Я тебе долг занесу... Пять и пять — десять... сумма... (*Уходит.*)

В комнате.

Люся и Элла возвращаются в комнату.

П р о к о п (*Бэмсу*). У Люси какой размер ноги? У моей тридцать девятый. Завтра в магазин «Богатырь», что ли, двинуть?..

Б э м с. Это где-то на проспекте Мира.

В комнату вбегает И г о р ь. Он тяжело дышит.

И г о р ь. Элка, принеси мой венок! (*Бэмсу.*) Ну... Ну, вот он — вот вы. Ну скажите! Все скажите! Рывкните! Рывкните! Стенка на стенку... Это же нормально. (*Пауза.*) Яблочки, шампанское... Сидим выпиваем...

Э л л а. Успокойся, не кричи, сядь.

И г о р ь. Очень весело...

Э л л а. Ты ничего не понимаешь.

И г о р ь. А ты?! Он же тебя все равно выгонит. Что ты ангелочка из себя строишь?

Э л л а. Замолчи!

И г о р ь. Ах так. Ну, тогда я скажу. Мне терять нечего. Я даже хочу потерять. Черт с ним! Так вот знайте, имейте понятие или ведайте, что они...

Э л л а. Игорь!!! (*Пытается оттащить Игоря от Бэмса.*)

И г о р ь. Я на такси — и на площадь... Я знаю, где его дом. Каланча на площади... У него два окна

на площадь выходят. Я сел на лавочку, внизу, нога на ногу, дай, думаю, понаблюдаю... Ну так вот...

Элле все-таки удается оттащить Игоря.

Бэмс, «Чучу»!.. Ну же, Бэмс, «Чучу»!.. Мы хотим посмотреть!!

Бэмс (*подходя к Игорю*). Не надо, прошу тебя.

Игорь. А вы... вы еще хуже!

Бэмс (*кричит*). Не надо, прошу тебя!

Игорь. А вы еще хуже!

Бэмс. Не надо, прошу тебя!!!

Игорь. А вы еще хуже!!!

Элла. Замолчи!!!

Игорь (*срываясь на истерику*). Да что вы все ко мне пристали! Отстаньте от меня! Отстаньте! Что я вам сделал? Что вы на меня кричите? Не кричите на меня! Отстаньте!

Элла подходит к Игорю, обнимает его, целует.

Я ничего не хочу... Я ничего не хочу...

Элла. Успокойся, милый, успокойся... (*Уводит Игоря в глубь комнаты.*)

Они сидят на диване, тесно прижавшись друг к другу. Пауза.

Проккоп. Вы хоть тут соберитесь без меня... Все-таки в одном городе живете.

Ивченко. Все от Бэмса зависит.

Бэмс. Я всегда.

Проккоп. А то ко мне, ребята! Ух, как я вас принимать буду!

Ивченко (*подходит к Элле*). Чего вы ревете, Куприянова? Когда я приехал в Москву, у меня тут никого не было. Меня знали только в Сухиничах. Слуцись со мной что, из Сухиничей никто бы не приехал. А если бы приехал, какой толк... Я должен был сам за себя. Один. Сам за себя. Я никого не хочу выгонять. Думаете, я не понимаю, что Кузьмичу пора на пенсию? Но так это не делается. Это мы здесь с вами так можем разговаривать, а там, в институте, три тысячи студентов, двести преподавателей... Попробуйте поруководите! Ну, поруководите!.. Ладно, мы все это уладим. Но учтите, объяснение все-таки придется написать. Все будет в порядке... Только не надо из меня делать влиятельного папенького дружка! (*Снова отходя к столу.*) Я никого не хочу выгонять... Сейчас у

меня в Штатах больше влиятельных знакомых, чем тогда в Сухиничах.

Пауза.

Л ю с я. Мужики, у меня идея — пошли в кино. На первый сеанс. В «Орион» наш. Там, правда, все перестроили. Стены деревом обшили, разные витражи кругом, светильники финские в таком современном стиле. Я часто туда хожу. Все в зал уходят, а я на весь сеанс в фойе остаюсь. Там в одном месте, под самым потолком, такой хитрый закоулок, такая ниша для вентиляции, что ли... В общем, туда при ремонте не добрались и оставили там кусочек этой лепнины дурацкой — листья какие-то гипсовые, яблоки, факелы, ну, помните, раньше мы еще плевались на эти украшения. Я когда пела в «Орионе», тогда еще, я во всех трудных местах в эту лепнину впивалась, у меня от этих яблок и факелов такая возникала злость, что я любую ноту брала. А теперь я смотрю на это место, и мне так тепло... ей-богу... Я все вспоминаю, вспоминаю... как мы жили тогда, что было... Спасибо, хоть кусочек этот оставили.

П р о к о п. Люська, взойдешь ты на эстраду и споешь нам: «Я помню, было нам шестнадцать лет...»

Л ю с я. Не смогу. Заплачу. (Пауза.) Может, кофейку, мальчишки?

Б э м с. Сделай, мать.

Л ю с я (Прокопу). Ты что с утра — чай или кофе?

П р о к о п (смотрит на часы). Ни фиги! В это время я уже в конторе.

Б э м с. Сегодня суббота.

П р о к о п. Тогда чай.

Л ю с я (Ивченко). Чай или кофе?

И в ч е н к о. Я как все.

Б э м с. Смотрите, семь, а уже светло. День прибавляется.

П р о к о п. Скоро магазины откроются.

Л ю с я. А что тебе, ты почти все купил.

П р о к о п. Так можно не бегать, Люсенька.

И в ч е н к о. А может, действительно в киношку рванем?.. В «Орион».

П р о к о п. В «Прогресс».

И в ч е н к о. Какой, к черту, «Прогресс» — «Орион»!
У меня сегодня совещание — отменю.

Л ю с я. Четыре билета на последний ряд.
И в ч е н к о. Четыре.

Пауза.

Т о л я. Пять.
И в ч е н к о. Пять.

Пауза.

Э л л а (*с дивана, где они сидят с Игорем*). Семь.

Все удивленно смотрят на Элли и Игоря.

И в ч е н к о. Семь.

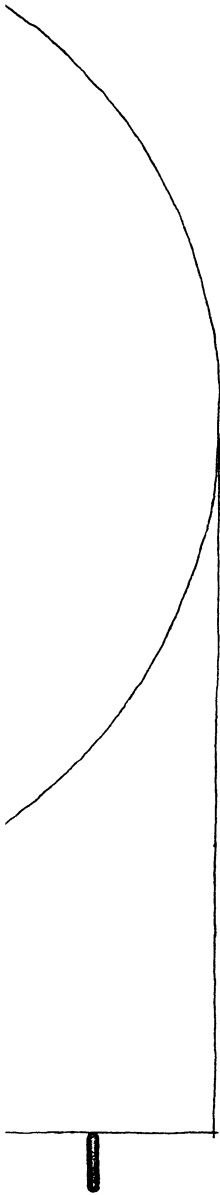
Пауза. Начинает звучать музыка.

Б э м с. Вот наш поезд в Чаттанугу-чучу-то и причу-
хал. Чух-чух-чух.

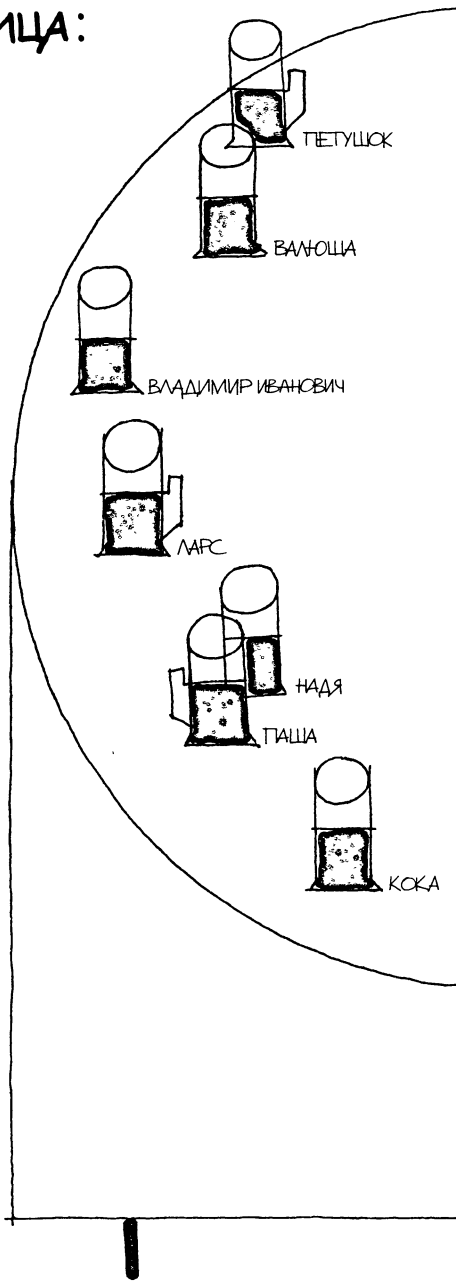
З а н а в е с

СЕРСО

ПЬЕСА В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Пятница. Вечер.

Пустой бревенчатый дом. Заколоченные снаружи окна. Старинная мебель в чехлах. Запустение. Видно, что в доме никто не живет.

Слышен звук мотора. Это к дому подъезжает машина. Мотор затихает. Звук открываемых дверок, голоса. Раздается удар топора, потом еще удар, еще... Это снаружи отбивают щиты и доски, которыми заколочены окна и двери. Несколько ударов — и дверь распахивается настежь.

В дом вваливается компания.

Петушок. Заваливайтесь!.. Это теперь все мое. Надя. Ой! Надо же! Одним все, а другим ничего. Владимир Иванович (Наде). Разрешите, я баул поставлю. (*Берет у нее из рук большую сумку, ставит у своих ног.*)

Петушок. Прошу всех быть как дома.

Валюша. Наконец наш Петушок крылышки расправил! Кто бы мог подумать — у Петюнчика свой дом! Поздновато, правда...

Владимир Иванович. Еще все успеем.

Паша. Сюда тыщонку-две вложить — жить можно.

Петушок. Зачем вкладывать, зачем?

Ларс. Ни в коем случае! Тут ловушка.

Надя. Ларс — это имя или фамилия?

Валюша (Ларсу). А что вы предлагаете?

Петушок. Имя, имя...

Ларс. Вдохните в себя глубже, вдохните... Чувствуете — воздух! Сосна. Старое дерево.

Паша. Вот я и говорю, подремонтировать надо. В тыщонку-две можно уложиться.

Петушок. Какая тыщонка, какие две!.. Я бы и этого дома не имел, если бы не бабушка. Земля ей пухом.

Надя. У меня тоже бабушка померла. Но ее квартиру мне не отдадут. Говорят, кооператив не наследуется. Правда, Владимир Иванович?

Владимир Иванович. Задача высшей степени сложности.

Надя. Ой, я такая неумелая!..

Валюша. Петушок, у тебя же бабушка еще тогда умерла.

Петушок. А это другая, двоюродная. Елизавета

Михайловна. Я ее даже не знал, она меня сама разыскала. Оказывается, я последний из нашего рода остался. У нас в роду с рождаемостью не очень.

Л а р с. Вложил деньги — все, попался. Всю жизнь будешь ждать процента. Я не вкладываю.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Я тоже. Но по чисто идейным соображениям.

П е т у ш о к. Ну, уж это аморализм какой-то!..

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Ох, чувствую, напроделываешь ты здесь род!..

В а л ю ш а. Петушку бы пораньше такую хату...

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Ха! Пораньше... Ему сорок, но он молодо выглядит.

В а л ю ш а. Петушок у нас хорошо сохранился.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Петушок, тебе сорок, но ты молодо выглядишь?

Л а р с. Вам сорок?

Н а д я. А разве вы не знакомы с Петром Вячеславовичем?

Л а р с. В общем, я доволен, что приехал сюда. (Валюше.) А вы?

В а л ю ш а. Частично. Процентом на сто, не больше.

Паша подходит к дивану, накрытому чехлом, снимает чехол.

П а ш а. Музейная вещь.

Н а д я. Неужели?!

П а ш а. Тысячу шестьсот...

Н а д я. Ой, семнадцатый век!

П а ш а. Тысячу шестьсот, тысячу семьсот каждый музей за эту вещь даст. (Наде.) Но я и век могу определить. Правда, не с такой степенью точности.

Н а д я. Вы историк?

П а ш а. Увлекаюсь.

Н а д я. Ой, интересно!

П а ш а. Вообразите себе, Надя, 1801 год, ночь с одиннадцатого на двенадцатое марта. В кабинет, в котором обычно почивает император Павел I, ночью проникают его офицеры, они будят Павла, тот сначала думает, что это сон, потом все понимает, молит о пощаде, и тут Михаил Зубов, силач, бьет его золотой табакеркой в левый висок. Павел падает и цепляется руками за ножку дивана — вот этого...

Н а д я. Этого?!

П а ш а. Император Павел I называл княгиню Анну Гагарину «улыбочка моя».

Петушок. Да кладите на диван сумки, кладите. Продавать не собираюсь. Спать буду на 1801 годе. Надя. А что дальше было с Павлом?

Паша. Его долго не могли оторвать от ножки дивана, потом накинули на шею шарф и задушили.

Надя. До смерти?

Владимир Иванович (*осматривая диван*). Узковато... Не раскладывается?

Валюша. Петушок уместится. Он всю жизнь за шкафом на маленьком диванчике проспал. Он теперь куда хочешь впишется.

Петушок (*Валюше*). Тот диванчик за шкафом не такой уж узкий был...

Валюша. Узкий, Петенька, узкий. Поэтому ты на нем и застрял.

Ларс. У меня квартира на одного — ну и что? Я в ней только сплю. Ночлежка — две лоджии, вид на море, отдельный вход — трехкомнатная.

Надя. У вас тоже кто-то умер?

Ларс. Нет.

Надя. И вам это разрешают?

Ларс. Что? Почему?

Надя. Трехкомнатная на одного.

Ларс. Да я в ней почти не бываю.

Петушок. Вчера. Вечер, жарко, вывеска мигает — то красный, то зеленый. Где-то часа три. Пустая улица. Ни одной машины — ни с той стороны, ни с этой. И в этой пустоте стоит человек перед светофором и ждет, когда зажжется зеленый свет, чтобы перейти улицу. Он стоит, а тут еще вывеска, и у него то лицо красное, то зеленое... Я дождался, когда его лицо станет красным, подошел к нему и сказал: «Поедьте завтра на дачу». Он позеленел и сказал: «Да».

Паша. А может, действительно запах ромашки ценнее всей этой пыли веков? Откроешь тайну убийства Павла I, а пропустишь время цветения купавы... Правда, когда цветет купава, я прекращаю все исследования.

Надя. Вы натуралист?

Паша. Интересуюсь живой природой.

Владимир Иванович. У меня дома фикус в горшке. От тетки остался. Не люблю комнатные растения, но от тетки остался...

Л а р с. Я вообще сразу говорю «да». Если мне что-то быстро предлагают, я сразу говорю «да».

Н а д я. А потом?

Л а р с. А потом — «ез».

Н а д я (*смеется*). А потом?

Л а р с. А потом «си».

Н а д я. А потом?

Л а р с. Потом — «я».

Н а д я. Вы?!

Л а р с. И по-шведски, и по-немецки.

Н а д я. Вы — швед?

Л а р с. Я из Прибалтики.

Н а д я. Ой, не могу — прибалт!.. (*Заходится*.)

П е т у ш о к. Окна пооткрываем, чудно будет спать! На новом месте сны сбываются.

В л а д и м и р. Что толку! Я снов все равно не вижу. Засыпаю — черно, просыпаюсь — уже утро. А что ночью было — понятия не имею.

Н а д я. Ой, а мне всегда одни гадости снятся. Недавно усы мужские приснились. Но без мужчины — одни усы. Жуть!

В л а д и м и р. И в а н о в и ч. В следующий раз ложитесь спать с ножницами. Приснились усы, а вы их — чрямс!

Н а д я. Еще страшней!

П е т у ш о к. Надя-Наденька, моя соседка по мусоропроводу. Мы с ней одновременно мусор на площадку выносим, так у нас совпадает... Я ей всегда очередь уступаю.

Н а д я. У меня мусора-то нет. Одни фантики.

В л а д и м и р. И в а н о в и ч. Вы сладкое любите?

Н а д я. Это плохо, да?

В л а д и м и р. И в а н о в и ч. У меня для вас конфетка припасена. (*Протягивает Наде конфетку*.) Я тоже люблю сладкое, хотя и являюсь мужчиной с усами.

Н а д я (*взглянув на Владимира Ивановича*). Ой!

В л а д и м и р. И в а н о в и ч. Что, узнали усы?

Н а д я. Похоже... (*Берет у Владимира Ивановича конфету*.)

В л а д и м и р. И в а н о в и ч. Хорошо, что нас Петушок сюда вытащил. Сидишь в городе, пыль глотаешь, и в воскресенье тоже. Если кто на дачу не пригласит.

Ларс. В поле, в лес, на речку! Вот моя деревня, вот мой дом родной!

Надя (*Владимиру Ивановичу*). Смотри — прибалт! Все лозунги знает.

Петушок (*подходит к Владимиру Ивановичу, обнимает за плечи*). Вместе работаем, вместе отдыхаем. Курорты, надгробия, памятники... «Петушок и К°».

Валюша (*Владимиру Ивановичу*). Как там наш Петушок на работе?

Петушок. Да ладно тебе!

Валюша. Вы же все-таки его начальник.

Владимир Иванович. Ну, начальник это сильно сказано. Просто Петушок — инженер, а я — старший инженер. Дадут Петушку старшего, мы и сравняемся.

Петушок. Но я и тогда Владимира Ивановича буду звать Владимиром Ивановичем. Потому что он солидный человек.

Валюша. А ты — вечный Петушок, хоть у тебя теперь загородный дом есть.

Владимир Иванович. И вообще какое имеет значение, кто из нас кто? Мы приехали на отдых. Я — Володя. А кое для кого мечтаю стать и Вовой...

Ларс. А я бы сразу на «ты». Еще в машине, когда сюда ехали, хотел сказать... Мы же все однолетки.

Паша. Никогда не называй женщину ровесницей. В любом случае это оскорбление.

Надя. Ой, мне уже двадцать шесть, а я такая неумелая!..

Владимир Иванович. Научим!

Надя. Мои ровесники ни черта не знают. А вы, Паша, по дороге, когда нас сюда везли, так интересно рассказывали про этих художников... ну, про этих французских, которые в леса ушли... как их... я названия всегда не запоминаю... Робинзоны?

Паша. Барбизонцы.

Надя. В жизни бы об этом не узнала! Приеду домой, книжку в библиотеке возьму.

Паша. Избегайте, Надя, библиотечных книг. Особенно по искусству. Нельзя о прекрасном читать на засаленной странице.

На д я. Хорошо вам говорить! Сейчас книги где достанешь? Вы искусствовед?

П а ш а. Отчасти.

На д я. Какой вы многогранный!

П а ш а. Я искусствовед, натуралист, историк...
А вообще я двери обиваю.

На д я. Какие двери?

П а ш а. Новоселам. «Фирма «Заря» работает не соря!»

На д я. Шутите...

П а ш а. Какие шутки! Односторонняя обивка — сиреневенькая, с двух сторон — плюс красненькая. Кроме того, у меня своя клиентура. Петушок, я тебе с двух сторон обил?

П е т у ш о к (*орет*). Полная изоляция!

На д я. Разве двадцать пять — сиреневенькая?

П е т у ш о к. Трешка, я знаю, зелененькая.

П а ш а. Трешку не люблю. Нездоровый цвет. Гнилая зелень. У меня рубль — потом сразу пятерка.

На д я. А как же... барбизонцы?

П а ш а. Я подарю вам книгу о них. Вы читаете по-французски?

На д я. В школе английский... но очень плохо.
«Тейк ит изи энд кип ё смайл».

П а ш а. Хорошо, попробую на русском достать.

На д я. Не обижайтесь на меня... Я думала, вы искусствовед.

П а ш а. По образованию я историк, кончил исторический факультет университета. Историю я люблю...

На д я. А двери?

П а ш а. А двери я... обиваю.

В а л ю ш а. Валерка-мастер мне обои год назад клеил. «Хозяйка,— спрашивает,— ты где работаешь?» — «В библиотеке»,— говорю. «Сколько тебе дают?» Называю зарплату референта по научной литературе. «Иди лучше ко мне в подручные — как в Париже жить будешь».

Паша подходит к стене, на которой висит отрывной календарь. Резко, один за другим срывает листки. Он как бы ищет среди них нужный ему. И наконец — вот он!

П а ш а (*срывает этот листок*). Серые начинают и выигрывают — кто сказал? (*Бросает листок на пол.*)

Петушок (*поднимает листок*). «24 декабря 1982 года». Бедная бабушка!..

Паша. Дело не в деньгах. Хотя и в них тоже.

Валюша (*глядя на календарь*). Новый год через неделю... На Елисейских полях елка.

Паша. После университета пришлось поработать в одном институте. Поработал, поработал, походил по коридорам, за столом посидел, вышел на лестничную площадку покурить. Жизнь веселая, а жить скучно. Обмен неравноценный.

Валюша. А диплом не мешает?

Пауза.

Паша. Я и соскользнул. Сколько здесь комнат? (*Выходит.*)

Ларс (*читает на обороте листка*). «Кандидат исторических наук Н. Линдер предлагает решить задачу, привлекая внимание Луначарского. Белые: король д5, ферзь с4, слон аш2; черные: король ф7. Мат в три хода».

Петушок (*резко*). Всем хватит! На каждого отдельная комната!

Владимир Иванович. Что касается меня, я не хотел бы бояться, если и по двое. (*Выходит.*)

Валюша. Девочки — направо, мальчики — налево. (*Тоже выходит.*)

Паша (*возвращается с бутылкой шампанского*). Плынут по Нилу три крокодила, два из них зеленые, цвета трех рублей, а один, как пятерка, — синенький. И тут же из лодки в Нил падает путешественник. Один крокодил бросился на путешественника и съел у него из бокового кармана документы, другой кинулся и — схавал все деньги и драгоценности, зашитые в брюки. А третий сказал: «Я в этом не участвую». И съел путешественника.

Надя. Вы философ?

Паша. Я обойщик дверей.

Надя. Не обижайтесь. Я еще не все понимаю.

Паша. Не обиделся. (*Подходит к окну, открывает его и разбивает бутылку о наружную стену дома — пах!*)

Пауза.

Ларс (*рассматривая листок календаря*). Что тут

Луначарского привлекло?.. Мат в три хода... Мы в два делаем.

Петушок (*указывая в окно*). Там сад. Плодоносит.

Ларс. Главное в деревьях не плоды, а листья. Без яблок прожить можно, без кислорода — никогда!

Надя. А мне яблоки противопоказаны. У меня от них на шее пятна выступают.

Владимир Иванович. Мы вам с колхозного поля ананасов наворуюем.

Паша. Петушок, в сарай машину загнать можно? Он твой?

Петушок (*неожиданно горячо*). Он — твой!

Паша. В каком смысле?

Петушок. В смысле, конечно, загоняй.

Паша выходит.

Владимир Иванович (*Наде*). Не хотите выбрать комнату?

Надя. Ой, я на все согласна.

Владимир Иванович. Не говорите так. Я могу потерять к вам интерес.

Надя. Почему?

Валюша. Ты, Надя, не знаешь мужчин.

Надя. Как интересно!..

Владимир Иванович (*протягивая Наде руку*). Держите меня крепче — лестница крутая. Если упадем, то вместе.

Они поднимаются на антресоли.

Валюша (*срывая оставшиеся листки календаря*). Двадцать пятое, двадцать шестое, двадцать седьмое, двадцать восьмое, двадцать девятое, тридцатое... Се ту!

Ларс. Соблюдать правила уличного движения человек должен не для порядка, а для себя сам. Этим он не закрепощается, наоборот — освобождается. При переходе улицы на зеленый свет вы, может, будете сочинять стихи, решать совсем математические задачи, любить вот женщину... Ваш организм с вами. Он свободен — зеленый свет! А если вы идете весь на красный, все ваши силы, способности, талант внутри — все уходит на то, чтобы на вас не наехали. Даже если в этот момент вы думаете в голове совсем о другом, организм занят своим самосохранением, мысль ваша не полноценна... Какой смысл?! (*Быстро выходит из дома.*)

Пауза.

В а л ю ш а. Что ты задумал?

П е т у ш о к. Ничего, Валюша.

В а л ю ш а. Я же вижу. Вон ты бледный весь. Зачем собрал этот маскарад? Кто они тебе?

П е т у ш о к. То же, что и ты.

В а л ю ш а. Ах, Петушок, Петушок, прелесть ты моя, молью траченная. Тихонький, нежненький, а женщину умеешь уколоть. Значит, тебе все равно — я или этот шабашник-барбизонец?

П е т у ш о к. Паша — любопытный тип. Нестандартный. Ломовые деньги зарабатывает, пускает их на книги, картины... У него дома — музей. Табакерка Бес-тужева-Марлинского.

В а л ю ш а. Когда ты вчѐра позвонил, я чуть не ослепла. Пятнадцать лет прошло.

П е т у ш о к. Одиннадцать.

В а л ю ш а. Когда я была молодая, мне требовался год, чтобы полюбить, и год, чтобы разлюбить. Год я тебя разлюбивала... А ты помнишь, как ты мне сказал тогда? «Не вижу перспективы наших отношений». Надо же слово такое придумать: «п е р с п е к т и в а».

П е т у ш о к. Я потом пошел и напился.

В а л ю ш а. Ты поступил как настоящий друг.

П е т у ш о к. Значит, с тех пор ты меня... вообще... совершенно... никак?..

В а л ю ш а. Чуть-чуть. Иногда и слегка. Посмотрите на нашего Петюнчика — губки надул.

П е т у ш о к. Я учился в техническом вузе, слово «перспектива» подвернулось. От волнения.

В а л ю ш а. Ах, он волновался, бедняжка!.. А я-то, тетя Мотя толстокожая, трубку бросила... А должна была успокоить: «Ты только не волнуйся, Петушок, не напрягайся, береги свое бледное тельце». Так поступают настоящие женщины?

П е т у ш о к. Прекрати!

В а л ю ш а. Ты летом никогда не носил рубашки с коротким рукавом, боялся, что все увидят, какие у тебя тоненькие, беленькие ручки. Две плеточки по бокам.

П е т у ш о к. Хватит!

В а л ю ш а. Шаловливые ручонки.

Петушок. Замолчи!

Валюша. Да ладно. Я потом от мужиков наслушалась разного. Твоя «перспектива» была еще ничего.

Пауза.

Петушок. Рубашки с короткими рукавами я и сейчас не люблю.

Долгий поцелуй.

Валюша. Странно, у нас дома сто раз аппараты меняли, а ты позвонил вчера, и я услышала старый звук телефонного звонка.

Петушок. Я понял — ничего нет. Кроме того, что уже есть. Вот мы с тобой... у нас в прошлом была история. Владимир Иванович — мы с ним бок о бок за одним столом сидим... Надя — мы с ней мусор в одно время выносим... Паша...

Валюша. А он неплохой парень, твой Паша. Деньги мужику всегда к лицу. *(Выходит в сад.)*

По лестнице спускается Владимир Иванович.

Владимир Иванович. Петушок, можно тебя на минутку, я хочу с тобой поговорить. Ты что?

Петушок. Что?

Владимир Иванович. С этой Надей. Она ни сном ни духом. Она даже меня не знает. Ты что?

Петушок. Что?

Владимир Иванович. Надул? Она меня первый раз видит. А ты что сказал? Будто она меня заметила, когда я к тебе на квартиру ходил, увлеклась, просила познакомиться... «Увлеклась»... Врал?

Петушок. Она, Владимир Иванович, стесняется — девушка... Погоди немножко. Поухаживай, тогда се...

Владимир Иванович. Не в том возрасте. Ты обещал, я приготовился.

Петушок. К чему?

Владимир Иванович. К тому, что ничего не надо будет делать.

Петушок. Вот и не делай ничего. Уик-энд — отдыхай.

Владимир Иванович. Про какой-то кооператив меня спрашивает: наследуется, не наследуется — откуда я знаю? Чушь какая-то! Ты меня обманул.

Петушок. Ты, знаешь, тоже не святой.
Владимир Иванович. Я тебе что-нибудь обещал?

Петушок. «Вместе работаем, вместе отдыхаем...»

Владимир Иванович. Да! Отдыхаем. Но весело. И с пользой. И не одни!

Петушок. Разве ты один?

Владимир Иванович. Лично я теперь один.

Петушок. Ты погоди...

Владимир Иванович. Я уеду.

На антресолях появляется Надя. Она в длинном бабушкином платье цвета чайной розы с кружевами, воланами, рюшами и прочими старомодными излишествами.

Петушок. А вот и Наденька!..

Владимир Иванович. Я уеду!

Петушок (*Владимиру Ивановичу*). Ты увидишь...

Владимир Иванович. Посмотрел уже. (*Уходит.*)

Петушок. Ну что, Наденька, понравилось наверху?

Надя. Петр Вячеславович, подайте руку, лестница крутая... (*Спускается по лестнице, не слишком умело изображая светскую даму.*) Нынче отменная погода, не правда ли?.. Ну, вы меня накололи, Петр Вячеславович.

Петушок. Улыбочка моя... Наколол?

Надя. Я такая доверчивая, такая неопытная... Я поверила вам. Я думала... вы обещали... что он специалист по кооперативным делам, что он поможет, посоветует... Я же ничего не знаю... а он тоже ничего не знает.

Петушок. Проблему жилья мы решим, это я обещаю.

Надя. Нехорошо обманывать бедную девушку. (*Снова в образе светской дамы.*) С утра мигрень мучила, а потом подагра.

Петушок. Март... Улыбочка моя...

Надя. Меня подруга сегодня на вечер брала, в артиллерийское училище. Среди военных много порядочных людей. Особенно среди артиллеристов. Здесь до станции далеко?..

Входит Паша. Он слышит последние слова Нади.

П а ш а. Могу подвезти.

В а л ю ш а. И меня тоже до станции.

П а ш а. Могу прямо в город доставить. Я думаю, всем по пути.

П е т у ш о к. Паша, а ты куда?

П а ш а. Сарай мне твой не понадобился. Да он и не твой. Он у тебя на двоих с соседом. Не лучший способ накалывать друзей. И чего меня из города сорвал? В моем деле в выходной самая работа. *(Идет к машине.)* «Купишь дом, Паша, купишь дом, Паша...»

П е т у ш о к. Да, я обманул вас!..

Звук заводящегося мотора. Петушок, секунду помедлив, вдруг срывается с места и бежит за Пашей, пытается догнать его. Догоняет. Завязывается драка.

Мне сорок лет! Мне сорок лет!..

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Ну и что? Мне сорок два. Ну и что?!

П е т у ш о к. Но я молодо выгляжу!!! Мне сорок лет! Но я молодо выгляжу! У меня своей квартиры никогда не было! Своего дома... Ни разу!..

Н а д я. С друзьями так не поступают.

В а л ю ш а. У него жилищный комплекс.

П е т у ш о к. Ко мне на день рождения никто никогда не приходил!..

Н а д я. У вас сегодня день рождения? Поздравляю!

Паша на руках вносит в дом Петушка. Кладет на диван.

П е т у ш о к *(он уже успокоился)*. Сорок плюс сорок — рубль сорок.

Л а р с *(появляясь наверху на веранде дома)*. Атасьон!.. Дед мой был артистом варьете. Во время представления он подходил к человеку любой национальности из публики и доводил его до слез тем, что говорил с ним на его родном языке, но при этом тот не понимал ни слова, хотя готов был поклясться, что с ним говорят на его родном языке. Дед звукоподражал языку, создавал внешний эффект звучания. Дую андестенд ми?.. И только с русскими у него этот фортель не получался. Русский он знал и, подходя к русскому, просто разговаривал с ним, не упуская случая разузнать про славный город Тобольск. Вы спрашиваете, почему я говорю без акцента,— способность к звукоподражанию у меня в крови. *(Демонстрирует подражание.)*

Петушок вскакивает с дивана и скрывается в другой комнате.
Оттуда — резкие звуки фортепиано. Буги-вуги.

Петушок (*снова появляясь*). Я жил с мамой и папой в одной комнате, узкой и длинной, как трамвай. Все у нас было впритык, и мой тот самый диванчик как раз умещался между выступом стены и шкафом. Когда мама утром открывала дверцу шкафа, мой диванчик и я вместе с ним, мы двигались, ехали так чуть-чуть, миллиметра три. Как меня изводили эти три миллиметра!.. Дверца шкафа открывалась, надавливала на край дивана, диван ехал, и я на нем. И ничего не поделаешь! По-другому мебель у нас в комнате стоять не могла. Так и ездил три миллиметра туда, три миллиметра обратно. До тридцати четырех лет. Потом мама умерла, и шкаф стали открывать гораздо реже... К чему это я?.. Короче, я думал, просто так вы ко мне не приедете. Не верил, что можете просто так. А теперь можете ехать. (*Ларсу.*) И реки здесь нет. Слышишь, прибалт? Лес есть. А реки нет.

Пауза.

Паша. Странно, здешний лес издали, я сейчас посмотрел, как на японской гравюре. У Хиросигэ есть что-то похожее.

Ларс. Как нет? Ты же говорил... Называл даже. Не то Вилюйка, не то Виляйка...

Владимир Иванович. Валюшка.

Валюша. А до твоего леса далеко?

Петушок. Километра два. Три. С половиной.

Паша. Могу подбросить. Интересно, вблизи твой лес похож на японский?..

Петушок снова садится за бабушкино фортепиано. Снова буги-вуги.

Ларс. Ну, дурачье!.. Да пройтись, да километра три-четыре, да босиком... Через босую ногу все электрические заряды в землю уходят. Ю ноу? «Технику — молодежи» ридет?

Валюша (*снимает туфли*). А что, разрядимся!

Владимир Иванович. Як простуде склонен.

Надя. А я так обязательно во что-нибудь вляпаюсь.

Петушок. Я хочу сказать... чтобы вы знали... Ког-

да после прогулки вы вернетесь в этот дом, знайте — он ваш.

На д я. А три с половиной километра — это сколько троллейбусных остановок?

В а л ю ш а. Сто лет в лесу не была...

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Сейчас самые грибы...

На д я. Вот уж ни черта в грибах не разбираюсь: где чернушки, где свинушки...

П е т у ш о к. Нет, вы меня не поняли... Я собрал вас всех вместе, потому что у нас есть нечто общее. Вы все... каждый... и я — мы все, мы — одни.

На д я. Почему? Раз, два, три, четыре, пять, шесть.

Л а р с. Ой, она нас сосчитала!..

П е т у ш о к. Сейчас шесть. Сейчас мы вместе. Но как только мы разъедемся, мы станем все, каждый... один. Я — один, ты — один, она — одна... Мы — о д н и.

В а л ю ш а. В смысле одинокие, что ли?

П е т у ш о к. Я не хотел говорить этого слова... К нам перед выборами агитатор приходил. Я сижу у себя в комнате и слышу, как он в коридоре спрашивает про мою дверь: «А там у вас кто?» Соседка говорит: «Там у нас одинокий». Страшно мне стало.

На д я. Я однажды кошку заводила пробовала. Ушла она от меня. С котами на помойке интересней.

П е т у ш о к. Человек может жить семьей, может холостым. Но ведь есть еще третий вариант — живет компания свободных взрослых людей, мы друг от друга не зависим, но нам интересно вместе. У нас свой дом, и мы в нем живем. Компанией. (Наде.) Кста-ти, вот и решение проблемы жилья.

П а ш а. «У нас свой дом» — ты имеешь в виду этот дом?

П е т у ш о к. Паше отдадим самую большую и светлую комнату. Перевози сюда свои книги, картины, размещай их хоть по всему дому. Зачем тебе другой покупать? Будем любоваться искусством, старыми вещами, друг другом. В интерьере или на фоне сада. Что может быть прекраснее — жить вместе и каждый день любоваться друг другом?..

Л а р с. «Торт с кофе — не фокстрот!» Напиши, читается слева направо и справа налево одинаково. «Торт с кофе — не фокстрот!» Попробуй!..

П е т у ш о к. В Америке, я где-то читал, собрали соседей, которые в отдельных коттеджах живут, годами

не встречаются, вот их собрали в одной комнате — эксперимент такой,— и они в этой комнате запертые провели целый день, и что они говорили после этого: один сказал: «Я испытал невыразимое чувство, когда коснулся плеча мистера Джонсона и спросил, как поживает его почтенная мамаша»; другой: «Я получил большое удовольствие, когда миссис Смит наступила мне на ногу, извинилась и мы с ней заговорили о наших детях». В пятьдесят будет поздно, а в сорок еще можно выкинуть какой-нибудь номер... чтоб я помер! Будем приезжать сюда сначала на субботу-воскресенье, потом вместе отпуск возьмем, а потом...

Л а р с. «Ты спрашивала шепотом — а что потом, а что потом?..»

П е т у ш о к. ...Может, и навсегда здесь поселимся.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. После пенсии?

В а л ю ш а. Перспективка!

П а ш а. Могу парик подарить, павловский — седой, косичка, лента черная...

В а л ю ш а. Я хотела, чтобы кто-нибудь написал роман о несчастной, но веселой женщине.

П а ш а. Натягиваешь «Павла» на голову — интересные мысли под парик приходят.

Л а р с. Я сразу говорю — да!..

П е т у ш о к. Нам уже сорок, пора подумать, что с нами будет в пятьдесят, в шестьдесят, в семьдесят...

П а ш а. Про всех не говори. Наде только двадцать шесть.

Н а д я. Ой, я такая неумелая!..

П а ш а. Ей до восьмидесяти еще целая твоя жизнь.

В а л ю ш а. Не пульсируй. У женщин другие цифры.

П е т у ш о к. Будем касаться друг друга плечами, локтями...

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Наступать друг другу на ноги.

П е т у ш о к. Да! И с особым удовольствием, от всей души наступать друг другу на ноги!

Л а р с. Ребята, я же швед! Самый натуральный швед из Швеции! Живу в Стокгольме, у меня там квартира трехкомнатная, корень, похожий на артиста Хазанова, путеводитель по Тобольску, залив Балтийского моря... Я не хотел говорить, боялся испугаются — швед в деревне... Но мы так подружались! Швед я вообще. Вы спросите, как я здесь оказался? У меня жена

русская сама. Вернее, я с ней развожусь. И когда я встретил Петушка при переходе улицы на красный свет, я сразу... Сразу же! Вы спросите, почему человек не хочет возвращаться на свое постоянное место жительства, в Швецию, человек вам ответит — он любит вашу страну, он собирает корни, похожие на ваших популярных артистов, он читает «Технику молодежи»... После Полтавской битвы в 1709 году предок человека был взят в плен вашим царем Петром и отправлен на поселение в город Тобольск, там этот предок построил городскую рентерею — рента! — то есть здание для казначейства, которое вы можете увидеть на фотографии в путеводителе по Тобольску, изданном Восточно-Сибирским издательством в 1978 году, страница 112. Из Тобольска мой предок привез в Швецию сибирскую цыганку и кучу детей от нее. Вернее, он сначала их привез в Северную Италию и только потом, в конце жизни, переехал в Швецию. Поэтому я считаю себя южным человеком, хотя Италия была и северная... И вот от той цыганки появились в нашей крови артистические качества, мой дед уже выступал во всех европейских варьете с оригинальными номерами, и некоторые из них я вам продемонстрирую впо-след-ствии-и.

На д я. А кто ваша жена?

Л а р с. Она вышла за меня, чтобы уехать в Швецию, а я женился на ней, чтобы жить в России.

На д я. И вам это разрешают?..

В а л ю ш а. Ура! Мы ломим: гнуты шведы!

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Папаша, а вы, собственно, к кому?

Только теперь компания заметила, что среди них появился посторонний. Это старик, ему под восемьдесят, но он статен, прям, в его фигуре есть даже что-то щегольское, но это не подкреплено соответствующей одеждой.

С т а р и к. Я знал секрет этой калитки... Как войти. Простите. Еще раз простите. Щеколду не вниз, а вверх, отвести чуть-чуть вправо и на себя. Но чуть-чуть, если резко, снова захлопнется.

П а ш а. «Милой Лизаньке от Коки».

С т а р и к. Я получил письмо, незнакомый почерк.

П е т у ш о к. Брянск, улица Космонавтов, 43.

С т а р и к. Тридцать четыре, но меня нашли.

П а ш а. «Милой Лизаньке от любящего Коки».
Ст а р и к. У меня была боковая полка. Люди всю
ночь туда-сюда... Пальто по лицу.

В а л ю ш а. Мы недавно сюда приехали.

Ст а р и к. Я понял. Позвольте представиться. Нико-
лай Львович Крекшин. Елизавета Михайловна звала
меня Кокой. У нас все Николаи были Коками...

П а ш а (*Петушку*). Там, наверху, на туалетном сто-
лике стоит фотография. (*Коке*.) Ваш профильный
портрет. Почему-то с балалайкой.

К о к а. Да, да, в профиль... Проклятый портрет!
Господи, как трудно вымолвить «покойная».

П е т у ш о к. Паша, а ты откуда знаешь?

К о к а. Он посадил меня перед фотографическим
аппаратом и дал в руки балалайку. Почему бала-
лайку? Зачем я ее взял? Какая глупость!..

П а ш а. У меня большая коллекция дагерротипов.

Во время последней сцены Надя в бабушкином старинном платье
цвета чайной розы сидела прямо против Коки. Вдруг она выпрямила
спину, шея ее будто удлинилась, изящно, изогнув ручку, она произнес-
ла свою фразу.

Н а д я. Нынче отменная погода, не правда ли?

Кока вздрогнул, побледнел, и, вытянув перед собой руки, двинулся,
словно сомнамбула, в сторону Нади.

К о к а. Лиза!.. Лизанька!.. Господи! Откуда ты
здесь...

Ноги у Коки подкосились, и, не дойдя до Нади двух шагов,
он рухнул на пол.

В а л ю ш а. Ну вот, испугали старичка.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Веранда старого бабушкиного дома имеет теперь вид обжитой и даже праздничный. Большой овальный стол покрыт белоснежной скатертью. Свечи в бронзовых подсвечниках, высокие красные бокалы толстого стекла, изысканная ваза с фруктами...

Друг другу из рук в руки передают «колонисты» старые письма, открытки. Безостановочное кружение белых конвертов. За столом все обитатели дома. На противоположных сторонах — Надя и Кока. Надя в бабушкином наряде, как в конце первого действия. На голове у Коки широкополая серая шляпа.

Перед Надей кипа бабушкиных писем. Некоторые из них, очевидно, уже прочитанные, лежат перед Кокой.

Надя берет очередное письмо, читает вслух.

На д я. «Милый Кока! Затрудняюсь себе представить, что настанут дни, когда ты будешь уже не милым Кокой, а почтенным Николаем Львовичем Крекшиным. Однако, коль все же представляю, в моем воображении рисуется седой авантажный господин, восседающий в высоком вольтеровском кресле, а подле кружатся и стрекочут многочисленные дети и внуки его, то есть твои. Но моей фантазии недостает вообразить ту, которая будет восседать рядом с тобой, я лишь вижу подголовник ее кресла, затянутый тонким кружевом, и маленькую скамеечку у ее ног, обитую лиловым бархатом. Но кто она? Однако кто бы она ни была — я благословляю ее. Пусть достойно и счастливо идет она по жизни, опираясь на твою твердую руку. Я же всю жизнь буду помнить нежность этой руки, когда ты — помнишь? — выпустил в окно мотылька, коснулся моих волос и оставил на них белый след пыльцы. «Мой маленький Пьеро», — сказал ты мне, и мы стали говорить о Блоке, о том, что актеров, разыгрывающих его «Балаганчик», надо гримировать пыльцой бабочек и цветов. Боже, как красиво ты говорил тогда, милый Кока! И как славно мы молчали потом. Казалось, мы прожили тогда целую жизнь, и пыльца на моих волосах превратилась в настоящую седину. Обнимаю тебя, мой ангел. Мне так много хочется тебе сказать, прочесть, рассказать. Хорошо, что ты и так все знаешь. Твоя Лиза».

Прочитав письмо, Надя передает его сидящему рядом с ней Паше, тот — Валюше, Валюша — Владимиру Ивановичу, Владимир Иванович — Ларсу, Ларс — Петушку... Пройдя по кругу, письмо попадает к Коке.

К о к а. Это было здесь, в июне. Мотылек запутался в занавеске, я освободил его и выпустил в это

окно. Но мотылек не взлетел в небеса, он упал на клумбу, подергался, подергался и замер. Слишком много пыльцы осталось на моих пальцах.

Петушок. Пыльца на пальцах...

Кока. Я ей так ничего и не сказал о гибели мотылька. И даже сделал вид, что провожаю его полет глазами. Разве мог я ей признаться, что погубил божью тварь?..

Валюша. Ох, и страшно жить на белом свете, господа!

Кока. Раньше здесь, на верхней полочке, в буфете в укромном месте стоял графинчик с водочкой. И мы по одному отлучались в эту комнату и прикладывались к рюмочке. Для храбрости. Гусары!.. Сами же запасались и сами потом тайно отлучались.

Надя (*читает письмо*). «Милый Кока! Вчера в два часа пополудни приехала домой, меня не ждали, думали, что я не приеду раньше четверга... нет, пятницы. По дороге так скучно было, такая тоска напала, что я вздремнула и проспала четыре часа. Приехала сюда, еще большая тоска напала. Так что я скоро отсюда удеру. Пока, всяких благ тебе и вашим. Твоя Лиза».

Кока. Каждое лето нас разлучали каникулы. Я ехал к себе, в Нижегородскую, она сюда — и мы лишь переписывались. Где вы нашли эти письма?

Петушок. Шкатулка на дне сундука.

Кока. Чудо! Это чудо!

Надя. Послано в Москву.

Кока. Нынче молодые люди на лето уезжают от родителей, а мы напротив — лето для батюшки с матушкой, для их радостей и утех. Но — расставаться с друзьями, с любимыми... Я проклинал лето!

Надя. «Меня мучает, что я не поцеловала тебя последний разок в вокзале. Всю дорогу об этом думала. Николай, скоро увидимся!»

Паша. Николай Львович, у вас шикарный головной убор.

Кока. О да! Европейский фасон. Венская фирма. Сегодня я хочу выглядеть элегантно. «Ты всегда мечтала, что, сгорая, догорим мы вместе — ты и я, что дано в объятьях умирая, увидеть блаженные края».

Ларс. Bravo, bravo!..

Кока. Блок. Так сейчас не пишут.

В а л ю ш а. Так сейчас не любят.

К о к а. Вы не подумайте, нам тоже трудно было решиться на меха и бриллианты. Но подарить даме колечко — это же пропасть удовольствия!.. (*Про платье, которое на Наде.*) Это платье — тоже подарок. Я купил его на Кузнецком в магазине Коше. Сколько искорок было в глазах у Лизы, когда я раскрыл коробку!..

Н а д я. А я сама себе кольца и брошки покупаю. В табачном киоске. Там дешевые, зато можно часто менять. Брошку с Есениным недавно выпустили. Рубль девяносто семь. Мой любимый поэт.

К о к а. Оно было выставлено в витрине на Кузнецком и очень мне понравилось. К нему еще полагалась такая мантилья... Я отдал все, что у меня было, и с картонкой шел пешком через всю Москву. На извозчика уже ничего не осталось. Сейчас любят, чтобы вместе жить, а не для того, чтобы вместе умереть.

Н а д я (*читает*). «Кокоша, мой милый, умница ты моя, чувствую себя недурно; и погода великолепная, а вчера была буря, дождь, ломало деревья».

П а ш а (*Петушку*). Тебе бы пошла шляпа Николая Львовича.

П е т у ш о к. Нет, я человек кепи. Я как-то давно для себя решил — я человек кепи.

П а ш а. Ты ошибся, ты человек шляпы.

К о к а. Я все продавал, от всего избавлялся, но эту шляпу, европейский фасон, — нет! Обшил коробку мешковиной и возил за собой повсюду. Так что, извините, дать примерить не могу-с.

Н а д я. Хороший почерк, я все понимаю... (*Читает письмо.*) «Я часто надеваю подаренное тобой платье, сажусь к столу, открываю шкатулку с твоими письмами и читаю их одно за другим. Я слышу твой голос, вижу блеск твоих глаз, моего лица касается твое дыхание — и грусть моя тает, улечучивается, словно облако под порывом свежего ветра. Пиши мне чаще. Твоя, твоя Лиза».

К о к а. Твой Кока.

Пауза.

В а л ю ш а. Посмотрите, какой перстень у нашего Паши.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Считаю, пальчик тысчонку стоит.

На д я. О, голова льва в натуральную величину. Позолоченный?

Па ш а. Целиковый. Рабочий палец, имеет право в золоте ходить.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. У меня одно время обручальное кольцо было. Я им пиво открывал.

В а л ю ш а. Ты любишь пиво?..

Па ш а. Потом, у нас сегодня с перстнем уик-энд. Имеем право отдохнуть.

На д я. Ой, я тут платье чуть не порвала! Тут гвоздь есть в стене...

Па ш а. Где этот негодяй?

На д я. Чуть повыше.

Па ш а. Ага, вот он. Попался! Это делается так. Николай Львович!

К о к а. А?

Па ш а. Я хочу, чтобы вы видели.

К о к а. Да, да.

Па ш а. Тут все дело в резкости. Надо резко. Вы видите этот гвоздь?

К о к а. Вижу?

Па ш а. Рез-ко. Хысь! (*Одним движением выдергивает гвоздь из стены.*) Николай Львович, это настоящее «борсалино»?

В а л ю ш а. Bravo!

К о к а. Я давно не носил шляпу. Я хочу в ней быть.

Па ш а. Николай Львович, вы гость — к вам никаких претензий. Если я вас обидел, извините.

К о к а. Самая настоящая! Я все продавал, от всего избавлялся, но «борсалино» — никогда! Обшил коробку мешковиной и возил повсюду за собой. Но надел только сегодня, чтобы явиться сюда элегантным. (*Владимиру Ивановичу.*) Простите, а вы, собственно, кто?

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Я?.. Инженер.

Па ш а (*приставляя гвоздь к стене*). Николай Львович!

К о к а. А?

Па ш а. Этот трюк я посвящаю вам.

К о к а. Да, да... Спасибо.

Па ш а. Вам хорошо видно?

К о к а. Я готов.

Па ш а. Повторю, дело решает резкость. Рез-ко. Хысь! (*Загоняет гвоздь в стену.*)

Петушок вешает на гвоздь портрет в изящной рамке. На портрете запечатлена Елизавета Михайловна в старинном платье.

Петушок. Этот портрет я нашел на чердаке. Владимир Иванович. Чем-то она похожа на Надю...

Валюша. Платьем.

Пауза.

Петушок. Валюша, расскажи нам про своего мужа.

Валюша. Что?..

Петушок. Как жили, почему разошлись... Ну, вообще.

Ларс. Петушок, это мое слово — «вообще».

Валюша. Нет, я спрашиваю... что?..

Петушок. Не хочешь, не рассказывай.

Валюша. Если я одинокая, если мне за сорок — со мной можно как угодно?..

Петушок. Я задал вопрос.

Валюша. О Петушок!..

Кока (*до сих пор он не отрываясь смотрел на портрет*). Лиза!.. Лизанька!.. Такой я ее помню.

Надя (*у нее в руках несколько писем, она читает их*). «Христос воскрес! Моя милая и дорогая Лизанька! Сердечно поздравляю тебя с высокаторжественным праздником Светлого Христова Воскресения и крепко, крепко целую, желаю здоровья и счастья, а себе скорейшей встречи с тобой. Давай, друг мой милый, выпьем за здоровье друг друга и наше будущее счастье. Будем веселы! Просимой карточки выслать не могу, так как в Севастополе еще не снимался. Горячо любящий тебя — твой Кока. Девятого мая тысяча девятьсот шестнадцатого года».

Нежный звук колокольчика.

«Кока, милый! Поздравляю тебя с Рождеством Христовым! Боже, как мне тоскливо в эти дни! Какой праздник! Светлые надежды. А тебя нет рядом. Знаешь, я сегодня буду целый день писать тебе письмо. Сейчас утро. Я не знаю, что с собой делать. Болит голова. Вчера до самой ночи раскладывала пасьянс, пока не получилось. Сейчас проснулась — на столе лежат четыре туза. Это все ты. Ты — пики, ты — крести, ты — бубны, ты — червовый туз, красное сердечко. Знаешь,

я твои письма целую, когда получаю. Не все, но иногда так охватит, что хоть письмо поцелую. Я глупая?..»

Колокольчик.

«Милый, милый Кока! Снова села за письмо. Позавтракала, ушла к себе и пишу. Мы вчера сговорились с тетей Лелей ехать к Троице, там погулять, подышать свежим воздухом, покататься. На другой день вернуться. Но тетке немного нездоровилось, и поэтому поездка расстроилась, но все-таки мы сели в сани и поехали в Всесвятское, тут близко, там ехали шагом, любовались на снежную пелену и на елки. Я рада была проехаться. Дусик мой, как твое самочувствие? Как живешь? Боже, какое это было бы счастье жить с тобой здесь, в нашем доме, жить и любить друг друга! А мы живем только в мечтах. Будем ждать. Целую тебя крепко и твой затылочек тоже. Елизавета твоя первая и единственная».

Колокольчик.

«Опять принялась за письмо моему Коке. Мы уже отобедали. За столом у нас было прекурьезное семейство. Мы бы с тобой похохотали. Мамаша, две дочки-трещотки, близнецы, и сын, окончивший духовную семинарию и идущий в университет. Это семья священника Филимонова. Все типы точно из прошлого столетия. Целое представление! А что у тебя? Как ты там? Что?.. Ах, глянуть бы одним глазком!.. Ты ровно ничего не пишешь о твоём здоровье. Ты не хочешь, чтоб я беспокоилась о тебе? Думай что хочешь, а мне больше пиши о себе, чтобы я чувствовала, как ты живешь там, в Севастополе. У тебя какой-то беспорядок на душе, мне чуется. День сегодня ясный, холодный. Я с тобой. Твоя Л. Что значит эта буква? Любовь?..»

Колокольчик.

«Кока, дружочек, вот мы опять вместе. Уже вечер. У меня немножко кружится голова. Мы пили глинтвейн, ужинали, но подъема настроения не было. Елочка у нас большая, славная, и убрали мы ее только хлопьями ваты, серебряным и золотым дождем, посыпали слюдой, зажгли свечи, и вышло оригинально и красиво. Мне хотелось плакать. Думала о тебе, и хотелось быть

с тобой! Ах, Николай, Николай!.. Что же дальше будет?! Когда, когда мы увидимся? Будь здоров, счастлив, весел. Счастливого Рождества, моя радость! Б о г с тобой, спи спокойно. Я твой ангел, я кружу над тобой. Лиза».

Пауза.

В л а д и м и р И в а н о в и ч (*читает на оборотной стороне открытки*). «Севастополь. Нахимовский бульвар».

К о к а. Ах, как я гулял тогда по Нахимовскому бульвару!.. Молодость, где ты?.. «Быстры, как волны, дни нашей жизни...» Именно на Нахимовском бульваре я встретил тогда моего товарища по гимназии Санечку Шпаковского. Его только звали Санечка, а сам он был дьявол, настоящий черт. Что мы с ним творили, что творили!.. «Милой с дальнего пути честь имею кланяться. Время в плавание иди — до свиданьица!» После стычки с братьями одной особы мне некоторое время было противопоказано представлять перед фотографическим аппаратом. М-да... Бедная Лиза!.. Разумеется, я не мог выслать ей просимой карточки.

П е т у ш о к. Бедная бабушка, она тосковала здесь, в глуши.

К о к а. Надеюсь, это останется между нами.

П а ш а. Николай Львович, вы имеете дело с джентльменами.

К о к а. Хотя какое это имеет значение сейчас!.. А все же я нашел выход в рассуждении фотопортрета — я снялся в профиль!

Н а д я (*читает письмо*). «Дорогая! Дома я как-то встретил газету «Одесские новости», которая навела меня на сильное впечатление, именно же: я прочел в объявлениях — «Северный ресторан». И мне стало очень печально, когда я вспомнил тот счастливый для меня вечер, в который я в последний раз провожал тебя в Палермо. Дорогая, я не в силах больше писать. Твой мальчик Кока. Пиши скорей!»

К о к а. О, «Северный ресторан»!.. Вот смотрите, в этом письме я прислал ей карту вин. (*Читает.*) «Понте-Кане», «Го-Барсак», «Ирруа-Гала», «Ирруа Гран-Гала», «Ирруа-Брют», «Ирруа-Америкэн», «Порт-Вейн», «Вермут»... Во время обедов иужинов румынский оркестр под управлением Матаки». Интересно, как эта улица называется сейчас?

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Так и называется — Нахимовский бульвар.

К о к а. Что вы говорите!

В л а д и м и р И в а н о в и ч (*читает на открытке, которая в этот момент у него в руках*). «Севастополь. Общий вид Братского кладбища».

К о к а (*он все еще держит карту вин*). «Метрдотель Жорж...»

Н а д я (*Кокё*). Вы об этой карточке говорили? (*Показывает фото на толстой картонке, которое она нашла на столе.*)

К о к а. Да! Это я!.. Проклятый портрет!

В а л ю ш а (*рассматривая фотографию*). У вас очень удачный профиль.

К о к а. «Милой Лизаньке от любящего Коки».

П а ш а (*читает на обороте портрета*). «Придворная фотография его величества шаха персидского, его величества короля сербского, его величества эрцгерцога Австрийского, его высочества князя Черногорского и его высочайшего наследника принца Швеции и Норвегии. Дом братьев Вайнер в Севастополе». А вы не ангел...

К о к а. Я был большой жох по части прекрасного пола. Извините.

В а л ю ш а. Это не такой уж порок.

Н а д я (*грозит пальчиком*). Вы нехороший, нехороший!..

К о к а. Маленькие обманы, мелкие шалости — неременное условие в любовной игре. Они придают мужчине боевую форму. (*Рассказывает по-французски двусмысленный анекдот. Все смеются.*) Слушайте, молодые люди, старого гуляку с дореволюционным стажем. И не судите строго.

Н а д я. Вот, я нашла! (*У нее в руках письмо.*) «Николай! После того что мне стало известно, наши отношения не могут оставаться прежними. Я прошу, не приезжайте и не пишите, я не хочу вас больше видеть...»

К о к а. Что?.. Что вы читаете!..

Н а д я. Написано: «...я не хочу вас больше видеть».

К о к а. Какие слова!..

Н а д я. Написано. (*Читает надпись на конверте.*) «Севастополь. Гостиница «Морская». Господину Крекшину Н. Л.» «...Теперь у меня лишь две просьбы к вам. Первая, ни в чем не винить Санечку Шпаковского — о вашем сватовстве и последующей истории с братьями

я узнала от самой Люси, которая является моей дальней родственницей и сама мне обо всем написала, прося совета. Вторая моя просьба заключена в том, что я хотела бы получить от вас обратно все мои письма. Ради наших прошлых отношений сделайте это. Пусть хотя бы в виде этих писем сохранится в моем доме тот милый Кока, который когда-то затеял веселую игру в горелки, и нашу пару — помните? — целый вечер так никто разбить и не смог. Вот наши руки и разомкнулись... «В ее глазах потухли блески, и, как тогда, в игре в серсо — помните? — она поправила прическу и прошептала: «Вот и все». Мне светло. Прощайте».

Пауза.

К о к а. Нет, нет!.. Я не получал...

Н а д я (*читает подпись*). «Елизавета Шерманская. 21 августа 1916 года».

К о к а. Нет, нет!.. Я не видел... Дайте! (*Порывисто хватает письмо. Быстро пробегает глазами.*) Нет, нет!.. Что это?.. Не может быть!.. Откуда?..

П а ш а. Знаете, что я вам скажу, уважаемый Николай Львович, вы не просто так приехали сюда. Нет, не просто так.

К о к а. Я не получал... Я вижу в первый раз... Вы мне не верите?

Н а д я. Написано.

К о к а. Никогда!

Н а д я. Послано.

К о к а. Увольте!

В а л ю ш а (*рассматривая письмо*). Это письмо не посылали. Штампа нет. Успокойтесь. Оно не было отправлено.

К о к а. Нет, нет!.. Все не так... Вы должны меня понять... Это волна, волна... вихри... Я был в Севастополе... парус хлопал... Потом я вернулся, Лиза встретила меня холодно, попросила не появляться больше в этом доме... Но это длилось недолго... История со сватовством... это было так... род шутки... поветрие... роман на пари... ветер, ветер... морской ветер... он нес... меня занесло. Я вернул письма... Лизанька попросила, и я вернул... Но потом... позже я получил прощение, она простила меня, простила... Вы мне не верите?

П а ш а. Успокойтесь. Вам верят. Почему мы не должны вам верить?

К о к а. У Лизы был характер.

В а л ю ш а (*Петушку*). Ты не в бабушку.

Л а р с. Севастопольский вальс — это вообще вальс в Севастополе?

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Швед должен знать.

П а ш а. Не сыграть ли нам в горелки, господа?

Н а д я (*захлопала в ладоши*). Bravo, bravo! Николай Львович нам покажет.

К о к а. Вы мне можете не верить, но я чувствовал, чувствовал, что в природе есть это письмо, какая-то непонятная тоска подсасывала меня еще там, в Севастополе. Это невероятно — ей достаточно было написать здесь это письмо, как я там, за сотни верст, уловил печальную ноту.

П е т у ш о к. «Серсо летело на столе, серсо летело...»

В а л ю ш а. А вы нам тут о любви до гроба декламировали.

К о к а. Она простила меня, простила!

Пауза.

П е т у ш о к (*Валюше*). Однако было бы несправедливо с чьей-либо стороны упрекать нас в том...

В а л ю ш а. Но и нас не надо винить в том, что мы любим, чтобы вместе жить, а не для того, чтобы вместе умереть. В наше время умирают от недостатка любви, а не от ее избытка.

П а ш а. Как сказал старик Лесневский — на свете много есть всего, никто не хуже никого.

Л а р с. Кто такой Лесневский?

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Швед должен знать!

Л а р с. Господа, а почему Бергман — фамилия шведская, а Фердман — еврейская?

К о к а. Почему балалайка?.. Зачем я ее взяла?.. Какая глупость!

Пауза.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Я был женат четыре года. Освободился досрочно.

П е т у ш о к. Срочно до?..

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Десять, двадцать, двадцать пять... Нет, лучше высшая мера.

В а л ю ш а. Ты женоненавистник?

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Конкретно моей бывшей жены я ненавистник.

К о к а. Отдайте, отдайте мне это письмо! Я должен наконец его получить. (*Выхватывает письмо из рук*)

Валюши.) Почерк у нее прелестный... Жаль, букву «ять» отменили.

На д я. А я раньше, в детстве, когда старые книги смотрела, я всегда думала, «ять» — это мягкий знак. Очень смешно получалось — «Хриность Воскресь».

К о к а. Эта буква у нее особенно пикантно выходила... Когда я читал ее письма, эта буква была для меня как поцелуй в конце слова. (*Он начинает рассказываться над столом в такт словам.*) «Яблочек катился вокруг огорода, кто его поднял — тот воеводы воеводский сын. Шышел, вышел, вон пошел...»

На д я. Bravo, bravo! Это горелки!

К о к а. Это только счет, только счет, а потом...

На д я. Что потом?

К о к а. Ну, рассчитались — как потом? Как играют? «Гори, гори, масло, гори ясно...»

За столом тотчас подхватывают: «Гори, гори, масло...» Все раскачиваются в такт.

Потом все соединяются парами, а горельщик впереди и стоит спиной. Ему говорят: «Гори, гори ясно, чтобы не погасло, взглянь на небо — птички летят, колокольчики звенят...» Задняя пара бежит вперед, а горельщик ее ловит и не дает снова соединиться. Вот и все.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Я думал, там целуются...

П е т у ш о к. Это ты с «бутылочкой» перепутал.

К о к а. Стоя сзади, мы, конечно, целовались. Поэтому и обороняли своих дам от горельщика. «Гори, гори ясно, чтобы не погасло, взглянь на небо...» У взрослых то же самое, только присказка другая. (*Наде.*) «Любишь?»

На д я. «Люблю!»

К о к а. «Купишь?»

На д я. «Куплю!»

К о к а. «Покупай!..» Нас с Лизанькой никто не мог догнать. Я всегда обману горельщика, вильну у него под носом и встану вперед, тут уж Лизанька — и мы снова держимся за руки. Значит, горельщик, снова води! «Гори, гори, пень». — «По ком горишь?» — «По тебе, душа красавица девица». — «Любишь?»

На д я. Люблю!

К о к а. «Купишь?»

На д я. Куплю!

К о к а. «Покупай!» — и бежит... А я ловлю... Не поймал... Не поймал... *(Закрывает лицо письмом, не в силах сдержать рыданий.)*

Пауза.

В а л ю ш а. Николай Львович!.. Николай Львович!.. Ну вот, расстроили старичка.

Большая пауза.

В этой паузе начинает звучать голос Владимира Ивановича. Он читает свое письмо. Но никакого листка нет в руках его. А может быть, Владимир Иванович слышит какие-то слова и повторяет их вслух. Зыбкая атмосфера старого дома, мерцание свечей, шелест листвы за окном, витиеватость Кокиных воспоминаний...

В л а д и м и р И в а н о в и ч. «Дорогая Наденька! Я имел слабость просить у вас разрешения вам писать, а вы — легкомыслие или кокетство позволить мне это. Ваш приезд в этот дом оставил во мне впечатление глубокое и мучительное. Этот день стал решающим в моей жизни. Чем более я об этом думаю, тем более убеждаюсь, что мое существование неразрывно связано с вашим; я рожден, чтобы любить вас и следовать за вами; всякая другая забота с моей стороны — заблуждение или безрассудство. Рано или поздно — не верите? — мне придется все бросить и пасть к вашим ногам. Милая! прелесть! божественная!.. А еще: ах, мерзкая! Знайте, я испытал на себе все ваше могущество, вам обязан я тем, что познал все, что есть самого судорожного и мучительного в любовном опьянении, и все, что есть в нем самого ошеломляющего. Если мы когда-нибудь снова увидимся, обещайте мне... Нет, не хочу ваших обещаний!.. Сейчас вы прекрасны, так же как в час переправы или же на антре-солях, когда ваши пальцы коснулись моего лба. Это прикосновение я чувствую до сих пор — дерзкое, влажное. Но вы увянете; эта красота когда-нибудь покажется вниз, как лавина. Ваша душа некоторое время еще продержится среди стольких прелестей — а затем исчезнет, и никогда, быть может, моя душа, ее боязливая рабыня, не встретит ее в беспредельной вечности... Однако, взявшись за перо, я хотел о чем-то просить вас — уж не помню, о чем, — ах да, о дружбе... Эта просьба очень банальная, очень. Это как если бы нищий попросил хлеба — но дело в том, что мне необходима ваша близость. Прощайте, божественная. Я бешусь у ваших ног. Весь ваш — Владимир Иванович.

Постскриптум. Среди моих мрачных сожалений меня прельщает и оживляет одна лишь мысль о том, что когда-нибудь у меня будет клочок земли... в Крыму — вопрос — там смогу я совершать паломничества, бродить вокруг вашего сада, встречать вас, мельком вас видеть... Проклятый приезд, проклятый отъезд».

Пауза.

В а л ю ш а. «Дорогой мой Петушок! Милый мой, незабвенный Петенька, рука моя с трудом повинуется мне, когда я пишу эти строки. Сегодня я вспомнила всю нашу с тобой жизнь, для меня это так и звучит — жизнь, и мне она представилась одним сплошным ожиданием твоего звонка. Ты постарайся понять меня. Я женщина. И хотя мне тогда было столько, сколько сейчас Наде, я вполне могла представить себе сегодняшний день, когда мне столько, сколько мне сейчас. И ничего хорошего я не видела в этом дне. Я опять сижу у телефона, и ты снова где-то. Милый, это невыносимо! Жизнь наша так пуста и отвратительна, в ней такое счастье любить, быть рядом, — дорогой, дорогой, разве можно добровольно от этого отказываться? Не знаю, что почувствовал ты после нашего последнего разговора, я — то же, что в детстве: неожиданное выбрасывание какого-нибудь предмета из окна курьерского поезда. Пустота детской руки, только что выбросившей в окно курьерского поезда — что?.. Было и нет, и уже не видно, и не вернуть, и не вернуться — все! О твоей мягкости: ты ею откупаешься, затыкаешь этой мягкостью дыры ран, тобой наносимых. О, ты добр, ты мягок, ты мечтателен. Это — так. Не мыслю тебя ни воином, ни царем. Теперь важнейшее. О Петр, Петр, как я вечно о тебе думаю, физически оборачиваюсь в твою сторону — за помощью. Видно, счастье так мало создано для нас, что мы не признали его, когда оно было перед нами. Не говори же мне больше о нем, ради Христа! Я так много хотела сказать тебе, но написать об этом невозможно, а сказать еще невозможнее. Сил тебе и счастья. Валюша».

Пауза.

П а ш а. «Петя, душа моя, здравствуй! Этим письмом хотел напомнить тебе, что в понедельник, друг, нам на службу идти. Приниматься за дело, которому мы со-

вместно посвятили вот уже более десяти лет. Поприще наше для России небезразличное, и дело свое исполнять мы должны с отменной добросовестностью и отвагой, равно как с осознанием предназначения своего, хотя не всегда результаты трудов наших совпадают с тем идеалом, который виделся нам при начале. Ты пишешь, вот тебе грустно, что неудовлетворен трудом своим, что судьба твоя зависит от людей, тобой не уважаемых, от моментов, тобой не приемлемых... Что я тебе скажу на это... А может быть, ну их! То есть не пробовал ли ты, душа моя, не думать об этих людях и моментах, выкинуть их из головы? Что их держать? Черт с ними, а? А еще, душа моя Петруша, не снился ли тебе когда-нибудь такой сон. Входишь ты в дом, в нем праздничный вечер, ты в этом доме не бывал прежде. Пробегашь первый зал и еще несколько других. Везде освещение; то тесно между людьми, то просторно. Доходишь до последней комнаты, толпа народу, кто за ужином, кто за разговором; я там же, сижу в углу, наклонившись к кому-то, шепчу... Необыкновенно приятное чувство, и не новое, а по воспоминанию мелькает в тебе, ты повернулся, где-то был, воротился; вдруг я из той же комнаты к тебе навстречу. Первое мое слово: ты ли это, Петушок? Как переменялся! Узнать нельзя. Я увлекаю тебя в уединенную длинную боковую комнату, головой приклоняюсь к твоей щеке, щека у тебя разгорелась, и — подивись! — мне труда стоило, нагибался, чтобы коснуться твоего лица, а ведь ты всегда был выше меня гораздо. Но во сне величины искажаются, а все это сон, не забудь, — сон! Тут я долго приставал к тебе с вопросом: написал ли ты что-либо для меня? Вынудил у тебя признание, что ты давно отшатнулся, отложился от всякого дела, охоты нет, ума нет... «Дай мне обещание, что напишешь!» — «Что тебе угодно?» — «Сам знаешь». — «Когда же должно быть готово?» — «Через год непременно». «Обязываюсь!» — говоришь ты. «Через год, клятву дай!» — говорю я. И ты даешь ее с трепетом. В эту минуту малорослый человек в близком от нас расстоянии, но которого ты не довидел, внятно произнес эти слова: «Лень губит всякий талант». А я, оборотясь к человеку: «Посмотри, кто здесь!..» Он поднял голову, ахнул, с визгом бросился тебе на шею... Дружески тебя душит, душит... Ты пробуждаешься. Хочешь опять позабыться тем же страшным сном.

Не можешь. Выходишь освежиться. Чудное небо! Нигде звезды не светят так ярко, как в этой скучной местности... Наконец ветер подул сильнее, ночная стужа развеяла твое беспамятство, затеплил ты свечку в своей храмине, садишься к столу и живо помнишь свое обещание: во сне дано, наяву исполнится. Да так ли уж, Петруша, так ли уж?.. Впрочем, остаюсь твоим преданным слугою — Паша».

Пауза.

Петушок. «Дорогие мои друзья! Милые мои колонисты! Валюша, Надя, Ларс, Владимир Иванович, Паша и глубокоуважаемый Николай Львович Крекшин! Руководимый таинственным инстинктом, я дерзаю спросить всех вас разом и торжественно: признаете ли вы меня достойным внимания вашего? Если скажете «да» и если вполне согласны со мной, то позвольте назвать вас друзьями моими и до конца исполнять священные условия дружбы в отношении вас. Я же получил от вас сегодня подарок бесценный — сегодняшний день. Что особенного в этом дне? День этот есть день вполне обычный. Но не в видимых знаках дело, не в совместных прогулках в саду и не в бодрых криках дружеского застолья. А в том, что в сообществе нашем скрыт знак невидимый, ощутимо знамение, явственно проступают линии небесного чертежа. Если лет двадцать тому назад меня бы спросили: «Что такое Отечество?» — я не задумываясь ответил: «Это все люди моей страны». В детстве счастье представлялось мне так. Ранним прохладным утром, предвещающим жаркий городской день, мы в белых майках и легких летних брюках собираемся в своем дворе, чтобы идти на демонстрацию, на всех балконах люди, они вышли проводить нас, приветствовать нас, и высокий колодец двора полон радостных возгласов, летящих сверху вниз и снизу вверх. И вот мы выходим на улицу, на жаркое солнце и вливаемся в общую колонну людей, таких же, как мы. «Мы идем и поем...» Но шли годы, и все меньше и меньше вокруг меня становилось людей... «Мы проходим по проспектам и садам...» Я никогда не был за границей, я не знаю, как живут люди там. Для меня все здесь. Если где-то, на необитаемом острове, не к кому пойти, не с кем поговорить, посидеть за одним столом — это нормально, это можно понять. А если

здесь, где ты родился, где ты живешь... А пройдет еще десять, двадцать, тридцать лет — куда мы придем, в какой дом, к каким людям? Кто примет нас как братьев своих, кто омоет раны наши, кто успокоит растрашенную душу? Мы никогда не думали об этом. Или думали: любой дом примет нас, любая крыша укроет от непогоды... Отечество представлялось нам первомайской демонстрацией, коллективной поездкой на речном трамвайчике по Москве-реке, спевкой огромного хора на стадионе... Дорогие мои колонисты! Милые мои друзья! Сквозь слезы радости смотрю я на вас и с горечью взглядываю в собственную душу. Кто остался у нас, кроме нас самих? Мы у себя лишь и остались. У нас нет ни Бога, в которого мы не верим, ни Отечества, которое не верит нам. И вот мы сидим здесь, несколько человек, под одной крышей... А может быть, это и есть наше Отечество? Случай собрал нас вместе, момент усадил рядом друг с другом — а если это не случай, не момент, а судьба?.. Ухватиться за край стола этого мы должны и — кровь из-под ногтей! — держаться, держаться, не отпускать! И вот когда мы удержимся вместе, когда без боязни сможем отпустить края стола этого, когда по рукам нашим пойдет круглая чаша красного как кровь вина и каждый пригубит ее — сквозь стены эти услышим мы музыку небесных сфер, сквозь крышу дома этого нам покажутся звезды. Не хочу писать в конце моего письма к вам слово «прощайте», и даже «до свидания» мне не подходит — мы не расстанемся никак! Ваш, ваш, ваш Петушок».

Пауза.

Вечер. За столом, накрытым белой скатертью, одинокие фигуры людей. Горят свечи. Где-то далеко ухнул взрыв. Голос: «В саду у дяди-кардинала, пленяя грацией манер, маркиза юная играла в серсо с виконтом Сент-Альмер...»

Петушок достает из кармана листок вчетверо сложенной бумаги, разворачивает его и начинает читать еще одно письмо.

«Милые мои друзья! Дорогие мои колонисты! Пишу вам, потому что у меня нет никакого другого адреса, по которому я мог бы написать. Да и не уверен, получите ли вы мое послание. В чем можно быть уверенным в такое время?.. Как я попал сюда, мне трудно объяснить. Но я всегда попадал в самые неприятные истории. Уж эта будет последней. Эта война — война одиноких людей. У каждого на склоне горы своя глубокая бетонная нора.

И время от времени, когда наши вертолеты и самолеты отгоняют огонь со склонов горы в долину, мы выскакиваем и перебегаем в следующую нору, где только что сидел скрюченный человек, после которого здесь, в этой норе, ничего не осталось, даже окурка, потому что курить в таком аду не хочется. И нелепо и жутко видеть в этой нехристианской стране наших сестер милосердия, их ярко-красные кресты на туго накрахмаленных чепцах, каким-то непостижимым образом сохраняющих свою девственную довоенную белоснежность. И еще я не могу привыкнуть к здешним деревьям, которые от этой войны, от отравляющих газов, от взрывов сошли с ума. Потеряв все свои природные инстинкты, они расцветают и опадают по нескольку раз на день. И поэтому мне кажется, что здесь, на этом склоне, я уже много-много лет и состарился и никак не умру, хотя это так просто сделать... Однако не горюйте обо мне. Здесь, на этой войне, человек исчезает сразу, словно спичка, зажигающая газовую конфорку. И когда придет моя очередь и я вспыхну — может быть, у вас, там, на кухне, сам по себе зажжется газ на плите. Поставьте тогда на этот огонь чайник и попейте чайку. И пусть все будет, как тогда, в этот святой вечер, — Надя пусть сидит в бабушкином платье, а Николай Львович наденет свою шикарную шляпу, европейский фасон. Не забудьте также свечи, кажется, они были у нас тогда — да, обязательно пусть будут свечи! Потому, когда вы получите это письмо, которое я сейчас заканчиваю, скрючившись в своей бетонной норе, — сожгите его! Сожгите, сожгите!» *(Поджигает письмо в пламени свечи и бросает его в блюдо, стоящее на столе.)*

Письмо горит, догорает и гаснет.

К о к а *(разбойничий свист)*. Я скверно играл в серсо. Никогда не успевал подставить свою шпажку вовремя. А появился тут один студент... уж запомнювал, как его звать было... Так студента того превозмочь в серсо никто не мог. Он как-то ловко кольцо бросал — закручивал, что ли? — и поймать его никакой возможности не было.

Л а р с *(колонистам)*. Не обращайтесь совсем на меня внимания, я подам знак, когда можно.

К о к а. Я сожалею, что сделал это... А сам ловил превосходно! Куда ему ни кинь, подбежит и схватит.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Серсо — это что-то французское? *(Встает из-за стола.)*

В а л ю ш а. Что-то с кольцом...

К о к а. Одной Лизе он бросал кольцо так, что оно само нанизывалось на шпажку. Такой черт!.. А нас заставлял бегать по всей площадке, и все равно мы промахивались. *(Свист.)*

Тем временем Ларс переставляет канделябры, меняет в одном из них свечи. Летят белые конверты, летит скатерть... Вообще Ларс производит множество манипуляций, занимая какими-то странными приготовлениями, цель которых неясна. Да, собственно, никто и не пытается это понять.

Но меня голыми руками не возьмешь! Однажды тут, в саду, под вечер он предложил сыграть в серсо... он всегда предлагал серсо, все наши игры ему были неинтересны...

П е т у ш о к. Владимир Иванович, взглянь на небо — птички летят.

Л а р с. Можно мне поставить канделябр сюда и отмерить от него примерно четыре с половиной лилипутских шага?

Н а д я. «Кольцо, кольцо, ко мне!..»

П а ш а. Нет, это другая игра.

П е т у ш о к. Кто со мной за серсо?.. *(Уходит.)*

К о к а. Взялись тогда искать серсо, а его нет ни там ни здесь. Стали играть в горелки. Тут уж мне равных не было! Студент тот заскучал, заскучал и исчез. Исчезнешь тут, когда наши руки с Лизанькой в этот вечер так разомкнули никто и не смог. А серсо я — фьють! Спрятал на чердак. Поняли? Фокус-покус!..

Л а р с. Я должен переодеться. Я буду в новом. Мне надо снять. *(Валюше.)* А ты что? *(Уходит.)*

В а л ю ш а. Мы вас догоним...

К о к а. Конечно, конечно. Вам понравится!.. Мы сыграем! Вам всем понравится! Сколько лет прошло... Причем под носом у того студента. Пошел я Лизанькину мантилью в дом относить, а шпажки и кольцо под мантилью — фьють! — чуть ли не на глазах у нашего героя. Он с Лизанькой говорит, она раскраснелась...

Н а д я. Какой у нас содержательный вечер получается!..

К о к а. ...Поэтому и попросила меня мантилью в дом отнести, а я под мантилью серсо — фьють! — и на чердак, спрятал под стропилом. А потом вернулся как ни

в чем не бывало. Где серсо? Где серсо? Ах, нет серсо! Только что здесь было... Было и сплыло! Нет серсо и нет — играем в горелки!

На д я. Ой, я в этом платье не добегу! (*Убегает.*)

Яркий свет. Появляется Л а р с. На нем широченные пышные штаны не штаны... Нечто огромное, воздушное, состоящее из нежно-розовых лоскутов, похожих на перья. Короче, выглядит Ларс как клоун. Но не из цирка, а скорее, из дорогого варьете.

Народ опешил. Те, которые уже пошли по лестнице наверх, застыли на ступеньках. Лишь Кока продолжает невозмутимо сидеть за столом.

В одной руке — красный бокал, в другой — ваза с фруктами.

Л а р с. Я вам обещал продемонстрировать номер моего деда впоследствии. Думаю, время сейчас хорошо. Николай Львович, эта труба (*вспрыгивает на стол и достает из-под мышки трубу*) и то, что я умею с ней делать, — это и есть наследство моего предка. Начинается начало! «Выступаль клёун весёлий шютка до смеха. Хи-хи-хи, бо-бо-бо, ке-ке-ке!» (*Жеманясь и уморительно гримасничая, изображая удивление, ужас, переходя сразу же к бурному веселью, но сохраняя при этом изящество подачи своего номера, разыгрывает коротенькую сценку: как бы беседует с невидимым партнером, вернее, партнершей, находящейся у него за спиной.*)

— Детка, как твое самочувствие?

— Отстань.

— Фу, какая ты грубая!

— Отцепись.

— Что ты говоришь!.. Ты артистка, сейчас твой шанс.

— Я не в форме.

— Не капризничай, детка. Смотри, все ждут. Ты же умница.

— Иди в задницу.

— Ай-ай-ай, что ты говоришь!..

— То, что слышал. У тебя уши есть?

— Ты у меня есть, моя очаровательная!

— Хо-хо-хо.

— Ну, ты готова?

— Я сегодня не в голосе.

— У тебя всегда чудный голосок. Будь послушной.

— Ну, чего тебе?

— То, что всегда.

— Ну.

— Перехожу на английский. «Флай, винд флай!..»
(*Изящно двигаясь по столу, ищет выгодную точку для своего коронного трюка. Найдя ее, подносит к губам трубу.*)

Резкий звук трубы — свеча, горящая на столе метрах в трех за спиной Ларса, гаснет. Полная темнота.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Что это? Что такое?..
Н а д я. Я боюсь!

К о к а. Почему погасла свеча?

Л а р с. Это искусство!

П е т у ш о к. Ничего себе искусство, голову в темноте можно сломать...

Л а р с. Я обещал, я продемонстрировал.

В а л ю ш а. Ни черта же не видно!

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Из чего у тебя штаны?
Из перьев?

Л а р с. Я уже без них. Можно включать свет.

П е т у ш о к. У меня фонарик.

Н а д я. Ай!..

Яркий свет. Аплодисменты. Ларс элегантно раскланивается.

А где же?.. Как вы успели?

Л а р с. Это искусство. Концерт окончен.

В с е. Bravo! Бис!

Кока, все это время сидевший на своем месте за столом, встает.

К о к а. Если позволите... я бы тоже хотел... исполнить.

В а л ю ш а. О, концерт продолжается!

В с е. Просим!.. Просим!..

К о к а. Это песня... у меня с ней столько связано...
Композитор Листов. Прошу. (*В шляпе за столом старательно и в полный голос исполняет «Севастопольский вальс» из одноименной оперетты.*) «Севастопольский вальс помнят все моряки, разве можно забыть мне вас, золотые деньки...» (*В конце песни его душат рыдания.*)

Владимир Иванович и Валюша поднимаются по лестнице на веранду, они останавливаются у двери на чердак. Паша выходит на крыльцо покурить.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Почему ты остановилась?

В а л ю ш а. Что-то я, Владимир Иванович, устала... от народа, оттого, что все время все вместе... Ты меня понимаешь?

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Я тебе сейчас не мешаю?

В а л ю ш а. Мне приятно, что такой молодой человек, как ты, стоит с такой старухой, как я.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Ты не старуха.

В а л ю ш а. Мы ровесники.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. У меня к тебе хорошее чувство.

В а л ю ш а. Ой, мотылек!..

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Пыльца на пальцах...

В а л ю ш а. Я надеюсь, он хорошо запрятал это серсо и у нас еще есть время... (*Про шарф, который на ней.*) Смотри, какой красивый шарф я себе связала. Дарю. Теперь на тебя обратят внимание молодые девушки.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Я распушу шарф.

В а л ю ш а. Мне жертв не надо. Я снова свяжу.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. А я снова распушу.

В а л ю ш а. А я опять.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. А я снова.

В а л ю ш а. А я опять... Тут и старость подойдет. Учти, я состарюсь раньше.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Я тебя догоню.

В а л ю ш а. Я буду ждать тебя у двери на чердак. О, почти стихи!.. Хорошо?..

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Хорошо. (*Взволнованно.*) И они увидели дом, и он был хорош, и многие из них поднимались наверх и останавливались у двери на чердак... А чем плохо?

В а л ю ш а. Хорошо. А потом мы возьмемся за руки и смело вступим в темноту.

Они берутся за руки, перед ними сама по себе с таинственным скрипом открывается чердачная дверь, они переступают порог. Дверь медленно закрывается.

Со двора возвращается П а ш а.

К о к а (*показывая старую фотографию*). Вот, смотрите... Вам будет интересно. Вы спортсмен, и я спортсмен. Вот, белые брюки, английская ракетка в руках...

П а ш а. А знаете, что я вам скажу, уважаемый Николай Львович?

К о к а. Лаун-теннис...

П а ш а. Вы не просто так приехали сюда.

К о к а. У нас это называлось лаун-теннис.

П а ш а. Нет, не просто так. Очень боитесь снять пиджак.

К о к а. Я старик. У меня холодная кровь.

П а ш а. Что у вас в кармане?

К о к а. У меня?

П а ш а. У вас.

К о к а. Как вы со мной разговариваете, молодой человек!

П а ш а. Я все знаю.

К о к а. Там ничего нет.

П а ш а. Я занимался телепатией, милостивый государь.

К о к а. Я приехал просто так. Поклониться.

П а ш а. Ладно. Пошутил. Не бойтесь.

К о к а. Поклониться пенатам.

П а ш а. Никаких телепатических способностей у меня нет.

К о к а. Тут мне все знакомо.

П а ш а. Успокойтесь.

К о к а. Вы не имеете права!..

П а ш а. Дышите воздухом. Гуляйте.

К о к а. Как вы смеете!..

П а ш а. Нынче отменная погода, не правда ли?

К о к а (*после небольшой паузы*). Да, я приехал сюда не просто так.

П а ш а. Дышите, дышите.

К о к а. Хотите знать, что у меня в кармане?

П а ш а. Я гуляю и дышу.

К о к а. Вы здесь самый серьезный человек.

П а ш а. Я же сказал вам, я пошутил.

К о к а. Мне нужен совет. (*Из внутреннего кармана достает газету, разворачивает ее — там желтая бумага.*) Хотите знать, что это такое? Это брачное свидетельство. Брак Елизаветы Михайловны Шерманской и Николая Львовича Крекшина. Зарегистрирован 17 мая 1924 года. Печать местного сельсовета.

П а ш а (*после паузы*). Поздравляю.

К о к а. Мы прожили с ней восемь дней.

П а ш а. Стаж.

К о к а. С тринадцатого по двадцать пятое мая.

П а ш а. (*рассматривая свидетельство*). Невеста пожелала оставить свою фамилию.

К о к а. А теперь я проживаю в Брянске.

П а ш а. Ее можно понять. Красивая фамилия — Шерманская.

К о к а. Мы остались с внучкой.

П а ш а. С внучкой?

К о к а. Девочка моей приемной дочери. Это было уже потом.

П а ш а. Подклеить надо... Вот здесь.

К о к а. Я хранил его в газете. Что, недействительный документ?

П а ш а (*протягивая Коке свидетельство*). Спрячьте. В пиджак. Нет, документ в полном порядке.

К о к а. Газета лежала в шляпе, шляпа в коробке, коробка на шифоньере, шифоньер в квартире, квартира в Брянске... А вы знаете, какой это город Брянск, молодой человек?

Смеются.

П а ш а. Вам никогда не дашь ваших лет.

К о к а. Раньше там в доме, на верхней полочке, в укромном месте стоял графинчик с водочкой. И мы, почти мальчишки, по одному отлучались в эту комнату и прикладывались к рюмке. Для храбрости. Гусары. Сами же запасали графинчик и сами потом тайно отлучались.

П а ш а. Наследство не поздно оспорить. Юридически вы наследник первой очереди. Ваше дело верное.

Пауза.

К о к а. В двадцать четвертом я был на другом краю земли, работал в Иркутске комендантом общежития. В воскресенье было, я проснулся чуть позже обычного и лежал на койке, глядя сквозь окно на голубое небо. Только начиналась весна. Я проснулся с каким-то светлым чувством и лежал, не понимая, в чем дело. Потом я услышал: «Ко-ко-ко...» — куры под окном. «Ко-ко-ко... ка». Мне послышалось: «Кока». Я вдруг вспомнил, что я Кока. И я метнулся через всю страну сюда. Вы не поверите. Бросил все и метнулся. Тут уже было полное лето. Она копала что-то в огороде, рядом ходили куры — «Ко-ко-ко... ка...». Потом мы пили чай с вареньем. У нее была маленькая баночка земляники, сваренной на меду. Было тихо. Ложечка упала на пол. Я думал, рухнет дом.

П а ш а. Земляника на меду... Пикантно.

К о к а. Утром мы расписались в сельсовете. Мы

прожили вместе неделю и еще один божий день. Это трудно объяснить.

П а ш а. Я понимаю.

К о к а. Жизнь, молодой человек, подбрасывает нам кроссворды, пока их разгадаешь, проходят десятки лет... Мне надо было возвращаться в Иркутск, чтобы осенью приехать сюда уже навсегда. И я снова метнулся через всю страну в свой край земли. И там в июле, в жару, произошла одна дурацкая история, я вынужден был спасти женщину от смерти. Спас тем, что стал жить с ней семейно. Правда, она потом все равно умерла. От дизентерии... Но в этот дом я уже не вернулся. От той, другой, осталась ее дочка, за которую я нес полную ответственность...

П а ш а. Кроссворд.

К о к а. Вы меня осуждаете?

П а ш а. Нет.

К о к а. Вы мне сразу отличились от всей молодежи.

П а ш а. Мне интересна история вашей жизни.

К о к а. История?..

П а ш а. Вашей жизни.

К о к а. Спасибо.

П а ш а. За что?

К о к а. За то, что мою жизнь вы назвали историей. Я бы ее так не назвал... Были какие-то лоскуты. Сначала кружева, кружева... а потом лоскуты... Здесь мы играли в серсо, горелки... Гимназисты в полотняных гимнастерках. Лаун-теннис. Потом игры кончились, началась новая жизнь. Я ничего не умел, но я пошел, я пошел... Служил по конторам, однажды в банке... Играл в духовом оркестре... Когда-то отец научил меня играть немного на валторне, моей науки хватило, чтобы исполнять марши на демонстрациях. Тогда медная музыка была в моде... Потом в Сибири комендантом общежития. Об этом вы уже осведомлены. В Туркестане строил железную дорогу. На войне не был, не годен! На станциях работал эвакуатором, эвакуодокументы оформлял. Потом в железнодорожном училище — инструмент учащимся выдавал... Теперь с внучкой проживаю в Брянске. Ее мать отдельно на Дальнем Востоке. Совсем отдельно. У нее муж военный, офицер. А мы проживаем в Брянске. Не переписываемся даже. Старые дела. В свое время она скинула мне свое дитя. Теперь возобновлять родительские отношения... Поздно!..

Пауза.

Паша перебирает открытки на столе.

Мне всегда жизнь подбрасывала варианты. Я не выбирал варианты, я сам всегда был вариантом. Не своя жена, не своя дочка, не своя внучка, не своя... правнучка. Вот такие лоскуты. А вы говорите — история.

П а ш а. Вы страдали, а страдания всегда принадлежат истории.

К о к а. Мы живем в одной комнате. Внучка скоро родит.

П а ш а. Вас станет четверо?

К о к а. Если она произведет на свет двойню. Теперь молодые девушки не стесняются иметь ребенка без отца.

П а ш а. Кризис института брака.

К о к а. Просто не сложилось...

Пауза.

П а ш а. Учите, ваш правнук, или кто родится, жить, как вы, не захочет. Это будет Кока-новый. Он возненавидит вас.

К о к а. За что?

П а ш а. За свое некомфортабельное детство.

К о к а. Я расскажу ему, он поймет... Нынешние молодые люди, я заметил, очень нежные... Его дед устоял. Он оценит!..

П а ш а. Оценит? Вот он, ваш нежный правнук, делает уроки, а на другом конце стола его мать гладит дедовы кальсоны, она брызгает на них водой изо рта, и отдельные капельки долетают до мальчика и попадают ему на лицо... Отвратительное ощущение, должен вам заметить. И за это он будет вас любить?

К о к а. «Ты всегда мечтала, что, сгорая...»

П а ш а. Вот, не надо было Блока читать!

К о к а. Я вас боюсь.

П а ш а. Если вам кого и бояться, милостивый государь, то самого себя. Могли бы всю жизнь прожить в прекрасном доме с прекрасной женщиной. Могли бы всю жизнь спокойно играть в серсо.

К о к а. Да, я жил не очень.

П а ш а. Послушайте, у меня было отвратительное детство в смысле условий... И что хорошего?

К о к а. Дети, чистые дети... Побежали за серсо.

П а ш а. У меня затылок холодеет... вот тут... и между пальцев чешется. Не желаю вашему правнуку,

или кто родится, этого холода. Лучше согрейте вы, а он войдет в жизнь чистым. Без этой нашей коммунальной чепухи. *(Берет со стола старый журнал, листает.)*

К о к а. Турнир. По лаун-теннису. Я был четвертым. Мою фотографию поместили в теннисном журнале.

П а ш а. Они тут жить не будут.

К о к а. Почему?

П а ш а. Я вам говорю. Вы обратили внимание, как Петушок выходит из дома? Что-то так и толкает его в спину. Это не сквозняк. Просто... Поиграют в серсо и разведутся, а дом пропадет. Мне жалко этот дом.

Пауза.

К о к а. По вечерам она приходит домой и вяжет. Я читаю, а она вяжет. Телевизор работает, но мы в него не глядим. У нее почти нет друзей, тем более знакомых мужчин. Я спрашиваю ее: «Душенька, кто же он?» А она: «Господин Крекшин, почитайте лучше вслух». Я снова становлюсь вариантом.

П а ш а. Я однажды сам чуть не женился. Спасла меня ноздря. Просыпаюсь я как-то, смотрю на эту мою невесту сбоку и вижу — не нравится мне ее ноздря. Какая-то отвратительная ноздря! И она ею дышит. Больше мы не встречались. *(Короткая пауза.)* Зачем вам этот дом?

К о к а. Вон там, над трубой, флюгер раньше был в виде всадника такого с сабельками. В каждой руке по сабельке.

П а ш а. У меня к вам предложение. Продайте мне этот дом.

К о к а. Ветреным днем сабельки крутились, как пропеллер.

П а ш а. Родится правнук, вам в одной комнате будет тесно.

К о к а. Врачи сказали, что будет девочка.

П а ш а. Мы два человека — мне нужен дом, вам нужны деньги. Поступим резко. Рез-ко.

Вбегает Надя с кольцом в руке.

Н а д я. Спокойно лежало под шестым стропилом. *(Кладет кольцо на стол. Убегает.)*

К о к а. Я пропал.

Уже ночь. На веранде в лунном свете появились колонисты. Они несут серсо.

Сколько лет прошло... Революции, войны... а эти деревяшки уцелели. Города исчезли, а они вот... Зачем?
(Пауза.) Пáрит.

П а ш а. Теперь вполне можете снять пиджак.

К о к а. В консультации сказали, будет девочка. Но как можно знать, кто там сейчас!..

П а ш а. Флюгер в виде всадника... Остроумно. Можно воспроизвести.

К о к а. Как тут пахли маттиолы по вечерам!..

П а ш а. Так где, вы сказали, была клумба?

К о к а. Молодой человек, я согласен.

Колонисты уже в саду. У каждого в руках шпажка — атрибут игры. В причудливом рисунке фигуры движутся между неподвижными Пашей и Кокой.

Таинственно и нежно звучат слова песенки о серсо: «...И были жарки их объятия, пока маркизу не застал за этим сладостным занятием почтенный дядя-кардинал...»

Петушок бросает кольцо. Пошла игра. Суета. Крики. Женский визг. Внезапно Паша выбрасывает руку вверх, и кольцо послушно опускается на эту прямую руку.

П а ш а. Николай Львович, вы что-то хотели сказать.

К о к а. Я имел сказать... вернее, показать... предъявить! Суть в том, что... Короче, вот. (Достает сложенную вчетверо пожелтевшую бумагу, разворачивает ее.)

Н а д я. Что это?

К о к а. Я был мужем Елизаветы Михайловны. Брачное свидетельство. Печать поселкового Совета. Документ.

Пауза.

П е т у ш о к. Выходит, вы и взаправду мой дед.

П а ш а. Нет, Петушок, выходит не это. Николай Львович Крекшин является наследником первой очереди, этот дом принадлежит ему.

П е т у ш о к. Дом общий. Пожалуйста.

П а ш а. Строение продается.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Кому?

П а ш а. Мне.

П е т у ш о к. Тебе? (Коке.) Это правда?

К о к а. Сколько лет прошло... Революции, пожары, войны... Города исчезли... а эти деревяшки вот уцелели. Зачем?..

В а л ю ш а. Петушок, ты проиграл в серсо.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Утро. Сад. Туман. Влажно. По саду в разных его концах бродят люди. Все, кроме Коки. Петушок и Ларс сидят в садовых креслах по обе стороны дома. В руках у Петушка книга.

Петушок (*читает*). «Двенадцать павильонов в нефритовой столице и в одном из них, Нефритовом, обитают вознесенные на небо поэты. Из этого чудесной архитектуры павильона вид открывается великолепный: с западной стороны — на Дворец Познания, с восточной — на дворец Простора и Стужи, и, куда ни глянь, радуют взор совершенством формы и цвета легкие беседки и многоярусные терема. Однажды Нефритовый владыка повелел украсить павильон и устроил в нем пир для своих подданных. Заиграла небесная музыка, запестрели одежды небожителей. Наполнив небесным вином кубок из драгоценного камня, владыка поднес угощение Великому поэту и попросил его сложить стих о Нефритовом павильоне. Поклонился поэт и, не оторвав кисти от бумаги, начертал:

Когда, будто жемчуг, роса
И золотится кленов янтарь...»

Ларс (*в руках у него справочник путешествий «Томас Кук», он листает эту пухлую книгу*). «Маршрут К-1: Сан-Себастьян — Бильбао — Мадрид, по четным, кроме первого понедельника месяца...»

Петушок.

Владыка неба велел
Павильон для пира убрать.
Туда, где Пурпурный Дворец,
На луане ночью лечу.
Коричного дерева тень
Легла на нефритовый град...

Ларс. «Лондон — Остенде — Брюссель — Льеж-Аахен — Кельн... первый, второй класс, отправление из Лондона 5.23...»

Петушок.

Ветер при свете звезд
Колышет неба парчу,
Порой с облаков голубых
Слышится грома раскат...

Ларс. «Скандинавиан Ферри Лайнс» апто фифти сэйлинг дейли ин инч дирекшн».

Петушок.

В подарок приняв нефрит,
Зеленый дракон меня
Уносит на Красный холм
От сонных дворцовых палат.
К бисерной ширме прильну...

Ларс (после паузы). «12 мая, 16 июля, 5 августа,
27 сентября».

Петушок.

Осенней дымкой маня,
Земля далеко внизу
К себе мой притянет взгляд.

Ларс (отложив Кука). Синим московским вечером я сяду в вагон СВ, мягкий свет, тихое жужжание вентилятора, ужин из вагона-ресторана приносит официант в белой куртке. Кофе, коньяк, пижама, легкое чтение на ночь... На другой день станция Чоп, процедура пересечения границы — и я европеец. До Братиславы в том же вагоне, но тут — Вена. Отныне я принадлежу старой доброй конторе Томаса Кука. Но перед этим два часа в Вене: могила Бетховена — выставочный зал «Сецессион» — прогулка по Рингу — глоток свежего воздуха вблизи Петеркирх... (Снова в руках справочник.) Из Вены выезжать только экспрессом № 264 под названием «Моцарт» — отправление в 20.00. Бархатные занавеси на окнах, белый бюстик композитора в каждом купе, увертюра к «Волшебной флейте» перед отходом, ресторан австрийской кухни до Кельна с заказами по телефону со своего спального места... Но до Кельна я не доеду — Зальцбург, Инсбрук, от Инсбрука оттолкнуться и резко на юг. До Вероны. И — Милан. Это совершенно в другую сторону от Швеции, но я люблю возвращаться домой кружным путем. В Милане недолго, совсем недолго, и сразу наверх, к северу. «Некоторые любят похолодней!..» «В США, Канаде, Великобритании и по всей Западной Европе дирекция Томаса Кука через безотказную телефонную сеть готова помочь вам 24 часа в сутки и 365 дней в году!» На следующее утро — Монтре — 6.18, Лозанна — 6.40, — и Франция, Франция, Франция... В Париже два-три дня в маленькой гостинице над городом, недалеко от Сакр-Кер. Потом снова Кук, легкое покачивание на скорости триста километров в час, и под своды амстердамского вокзала я въезжаю окончательным скандина-

вом. С железной дорогой покончено, дальше — морем, морем, морем... Наружная двухместная каюта, гостиная, ванна типа А, Б, С, Д, верхняя палуба, бассейн с морской водой, сауна, синематика, кегельбан, ночной клуб, казино, дискотечный бар, шоу-салон...

Пауза.

Кресло. В кресле Ларс. За его спиной рюкзак.

Против Ларса Петушок. В руках его книга.

Петушок. Я тебе сейчас могу сказать самое такое сокровенное, тайное.

Ларс. Что?

Петушок. Что и самому-то себе не скажешь.

Ларс. Не надо.

Петушок. Вот слушай... (Пауза.) Не бойся. Мне и сказать-то нечего. Могу только спросить.

Ларс. Спроси.

Петушок молчит.

Тогда я тебя спрошу. Из пункта А в пункт Б вышел пешеход. Он шел всю первую половину жизни и пришел в пункт... А. Где и прожил оставшуюся вторую половину. Почему?

Петушок. По кочану... Земля круглая.

Ларс. Нет, просто жизнь плоская. Так ты мне будешь писать?

Петушок. Нет.

Ларс. Вот я и хотел тебя попросить, чтобы ты мне не писал.

К ним подходит Владимир Иванович.

Появляется Надя.

Владимир Иванович (Ларсу). Что, чемодан не можешь завести?

Ларс. А чем тебе мой рюкзак не нравится?

Надя. В рюкзаке мнется.

Петушок. Жить надо налегке. Все свое ношу с собой.

Ларс (запихивает справочник в рюкзак). Меня давно пора пристрелить за то, что я до сих пор еще не повесился.

Надя. Ой, что вы такое говорите!..

Владимир Иванович. Мы, Наденька, уже в таком возрасте, когда надо думать о боге. И о том что за нами понесут на красных подушечках.

В а л ю ш а. За мной только значок «Сто двадцать лет Московскому зоопарку».

Н а д я. У меня сердце тоже иногда так схватит, схватит, а потом отпустит...

П е т у ш о к. Спортом надо заниматься.

В а л ю ш а. Каратэ.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Кто его пригласил...

Пауза.

П е т у ш о к (*Ларсу*). Поезжай, не бойся. Тебя ждет твой король.

Л а р с. И коррролева.

П е т у ш о к. По фамилии Королева.

Л а р с. Что?.. Что, что?..

П е т у ш о к. Слушай, встретишь короля, передай: есть там в России один Петушок. Еще прыгает, но уже не кукарекает. Передашь?..

В а л ю ш а. Красивый народ эти японцы. И все у них красиво. Вот каратэ — в сущности, наука убивать, а как красиво обставлено. Пояса: розовый, желтый, черный...

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Те же наши разряды: первый, второй, третий.

Л а р с. «Столетие вагона-ресторана «Сад Экспресс» лайн «Ориент-Экспресс», официальный юбилейный поезд — 2 мая 1983 года». Летс гоу! Прошу!..

В а л ю ш а. Петушок, ты забыл... что мы траченная молью компания. Сильно траченная молью компания пожилых людей. А ты с нами как?.. Слушай, Петушок, а может... ты захотел себе такой цирк устроить? Помните, он нам про американский эксперимент рассказывал? Нас позвал, старика из Брянска выписал, Пашу запустил... И сам сел в партер. А, Петушок?..

П е т у ш о к. Ладно, отваливаем. Уик-энд удался.

Н а д я (*с чемоданом*). Я однажды зарядку делать пробовала — икры на ногах стали расти и плечи пряметь. Для девушки некрасиво. Я и бросила.

Дверь дома открывается. На крыльцо выходит П а ш а.

П а ш а. Группа молодых людей в саду. Могла бы получиться неплохая картина в духе Ватто. Как дверь?

Л а р с. Отличная работа!

П е т у ш о к (*Ларсу*). Слушай, у вас тоже так?

Л а р с. Как?

Петушок. Сначала хорошо, хорошо — а потом плохо.

Паша. Никого с утра не разбудил? Я в пять встал, снял дверку с петель и там за крыжовником обстукивал.

Валюша. Спали как убитые.

Владимир Иванович. Чудненько!

Паша. Двойной шнур.

Надя. Очень художественно.

Паша. Медные гвоздики.

Валюша. Шикарнец!

Паша. Хотел сюрприз сделать — вы просыпаетесь, а тут дверь. К чему эта демонстрация?

Ларс. Какая демонстрация?

Паша. Чемоданы, рюкзаки, сумки... Что, я не вижу?

Ларс. Да что вы к моему рюкзаку прицепились?! Считайте, что меня уже нет.

Владимир Иванович. И меня.

Надя. А я?..

Петушок (*Валюше*). У меня есть твоя фотография. Мы сфотографировались на ВДНХ.

Валюша. Нет.

Петушок. У фонтана «Каменный цветок».

Валюша. Нет. Такого не было.

Петушок. Я еще попросил одного мужика щелкнуть моим аппаратом.

Валюша. Не знаю.

Петушок. Как же. Я в своем сером пальто с поясом, а на тебе юбка широкая в больших цветах.

Валюша. Такую юбку я никогда не носила.

Петушок. Ну, такие были, фестивальныи фасон. Под Брижит Бардо работала.

Валюша. Кто это?

Петушок. Да ладно прикидываться!.. Там еще узбек смешной в кадр попал, в ватном халате, с самокатом, сыну, наверное, купил... Хороший снимок получился. Шесть на девять.

Валюша. Все?

Петушок. Неужели не помнишь?

Валюша. Так вот. Не у «Каменного цветка», а у фонтана «Дружба народов». На мне была юбка не в цветах, а в клетку. И не под Брижит Бардо, а под Жанну Моро. И не узбек, а казах. И не с самокатом, а с трехколесным велосипедом...

Петушок. Точно! Велосипед у него был маленький...

Валюша. Маленький... И не шесть на девять, а девять на двенадцать. Но ничего этого никогда не было.

Петушок. Да, я все это выдумал.

Валюша. И не было у тебя никогда фотоаппарата, и мужик не существовал, которого ты попросил щелкнуть нас на ВДНХ, и фотографии этой нет в природе.

Петушок. Нет.

Валюша. Нет.

Петушок. Нет. Не было такого снимка.

Валюша. Такого снимка нет.

Петушок. Нет такого снимка. Нет.

Валюша. Так вот. Вернешься домой, порви его, и кончим на этом.

Паша. Надя, можно просить вашей руки? Гости в сборе. Отпразднуем свадьбу.

Надя. Но я не дала согласия...

Паша (*Петушку*). Для вас ничего не изменилось. Изменилось для меня. Для вас ничего не изменилось. (*Наде*.) Вы что-то мне хотели сказать?

Надя. Я?.. Вы же сами...

Паша. Что?

Надя. Вы мне сказали...

Паша. Да, да, я слушаю.

Надя. Вернее, спросили, просили...

Паша (*всем остальным*). На следующий уик-энд снова сюда приедем. Зачем вещи туда-сюда таскать? Вас никто не гонит. Вас никто не гонит.

Надя. ...Вот только что.

Паша. Ну что, что? Что я вам сказал?

Надя. Я не знаю.

Паша. Ну повторите, повторите?

Надя. Я не могу.

Паша. Почему?

Надя. Мне неудобно.

Паша. Почему, почему?

Надя. Я ничего не слышала.

Петушок (*читает в книге*). «Так понравились владыке стихи Вэнь-чана, что он приказал увековечить их на стене павильона и прочитал их вслух раз, и другой, и третий».

Паша (*резко*). И почему — «Мне сорок лет, Но я молодо выгляжу»? «Мне сорок лет, И я молодо выгляжу!» «И», а не «Н О»! «И»!!

В руке у Паши обручальное кольцо.
Он протягивает его Наде.

Л а р с. У меня уже плохо-плохо понимаю русский язык. «Замуж» — это что-то зимой... или рыба?

П а ш а. Я просил вас быть моей женой. Неужели так трудно было повторить?.. Что, никто этого не слышал?

Пауза.

Свадьба отменяется по причине опередившего ее развода. Хорошо, раздел имущества. Кому что?

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Петя, иди сюда!.. Петя! Петя! Иди сюда. Быстро.

П е т у ш о к. Что с тобой?

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Быстро! Скорее!.. Быстро!

П е т у ш о к. Что?.. Что?..

Владимир Иванович бежит к дверному проему, прижимается спиной к косяку. Секунду стоит вытянувшись в струну.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Теперь стисни. Стисни! Сильно! Сильно!.. Изо всех сил. Клещами... Положи мне руку на плечо.

П е т у ш о к. Я сильнее не могу.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Можешь! Жми! Как клещами!

П е т у ш о к. Так?.. (Пауза.) А если рядом никого нет, чтобы стиснуть?

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Прижимаюсь к косяку и вдавливаюсь. Однажды так всю ночь простоял. Ты помнишь, что случилось со мной, когда мы давно, помнишь, на курсы английского языка записывались? Помнишь, что там со мной случилось?

П е т у ш о к. Те курсы, двенадцать лет назад... Я думал, у тебя все прошло. Больше никогда не было.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Ты тогда мне стиснул, и я сразу пришел в себя... Как клещами! Жми!..

П е т у ш о к. Я тогда был сильнее на двенадцать лет.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Жми!..

П е т у ш о к. Я стараюсь.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Все.

П е т у ш о к. Я стараюсь, стараюсь...

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Все. Прошло. Хватит.

П е т у ш о к. Лучше, да, лучше?..

Владимир Иванович. Да убери ты руку!
Больно!

Петушок (его трясет). Ты меня напугал.

Пауза.

Владимир Иванович. Вот так, Петя. Это не я — плоть... тело.

Петушок. И часто это у тебя?

Владимир Иванович. Иногда.

Петушок. Тебе лечиться надо.

Владимир Иванович. Нет, Петя. Мне не врач нужен.

Петушок. А что?

Владимир Иванович. Косяк. (*Идет вдоль забора.*) В человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и мысли, и квартира, и куда поехать летом, и где лекарства достать, и вкусно поесть...

В саду потемнело. Вот-вот пойдет дождь. Валюша, Надя, Ларс, Паша сидят на чемоданах, одеты по-дорожному.

Через калитку в сад входит Кока. Длинный плащ, «Занимательная физика» Перельмана в руках.

Валюша. Николай Львович, а мы волновались: где вы есть?

Кока. Я совершал прогулку.

Валюша. Посвежели лицом.

Кока. Неподалеку имеется пруд.

Ларс. Во, а говорили, воды нет!

Кока. Рыжая грязь на дне, и автомобильные покрышки торчат.

Владимир Иванович. Заиление искусственных водоемов с последующим их высыханием.

Кока. А раньше там караси шныряли.

Валюша. Не люблю пруды. Вода должна течь.

Кока. Я сжег брачное свидетельство.

Владимир Иванович. Что?..

Кока. На берегу пруда сохранилась лавочка. Сидят старичок со старушкой, на облака смотрят. Мимо пруда, выше леса — смотрят на облака, и он ей что-то объясняет. Тихо что-то говорит. А большое облако разваливается, разваливается, и из трещины луч — зеленый. Я сжег свидетельство. Старая бумага хорошо горит...

Ларс. Почему зеленый?

Паша (*Коке*). Вы курите?

К о к а. Нет. Никогда не курил.

П а ш а. Я думаю, откуда вы взяли спички.

К о к а. Они жгли листья, старичок и старушка, потом присели на лавочку, облако развалилось, и из трещины вырвался луч, зеленый, и он ей тихо говорил на ухо, а она слушала и смотрела. Мимо пруда, выше леса... Я приблизился к их костру, и вспыхнуло.

П а ш а (*он нервно смеется*). У Перельмана в «Занимательной физике» описан любопытный оптический эффект. Если солнце заходит за ярко очерченный горизонт, то в момент, когда оно за этой преградой скрывается, от спектра как бы отбивается крайний луч — зеленый,— и мы на мгновение его видим. Это последний кусочек белого света. С облаками это случается реже, но в данном случае, вероятно, была велика плотность облачной массы. Плотное облако было, Николай Львович?

Пауза.

К о к а. Я был омерзителен, простите меня.

В а л ю ш а (*Петушку*). Знаешь, что я больше всего ненавидела в наших отношениях? Как ты меня из года в год представлял своим друзьям: «Знакомьтесь — Валюша».

П е т у ш о к. А как ты хотела?

В а л ю ш а. Все-таки хорошо, что мы не поженились! Сколько раз уже развестись могли...

П е т у ш о к. Ты помнишь того старика?

В а л ю ш а. Все старики похожи.

К о к а. Однажды, тогда, в двадцать четвертом, в эти святые восемь дней, она рассматривала фотографию, где я снят в профиль, с этой проклятой балалайкой в руках. Она сказала... сказала: «Как хорошо, что на портрете ты в профиль». — «Почему?» — спросил я. «Второй половины не видно», — сказала она. «А что там?» — спросил я. «Суета», — сказала она и улыбнулась. (*Смеется.*) Мне надо ехать в Брянск. (*Уходит.*)

Пауза.

П а ш а. Распаковывайте чемоданы, господа, дачный сезон продолжается.

Владимир Иванович сидит у забора. Выглядит он внезапно постаревшим, серое лицо, галстук развязан, костюм помят... Он кутается в плед.

В л а д и м и р И в а н о в и ч. У меня все предки крестьяне были. Беднота. Несколько поколений в лаптях и в армяках ходили. Поэтому я, наверное, и предпочитаю костюм. Наследственность во мне как-то криво отразилась. Наоборот. Никакой другой одежды не признаю. Даже на юге — пиджак, галстук, ну разве что светлые брюки себе позволяю. И туфли с дырочками. В чем дело? Ничего не могу понять. Вот до чего доводит наследственная бедность. Или с едой у меня вечные счеты. В столовой берут белый хлеб и черный одновременно. Я не могу. Неграмотно! Или черный, или белый — вместе нельзя. Эдак можно дойти до того, что помазать черный кусок маслом, а сверху на него положить белый. Бутерброд с хлебом. Это же чушь. Нонсенс. Или еще — выпьют рюмку водки и запивают стаканом фруктовой воды. Я прямо завожусь! Напиток надо уважать. Смешай тогда прямо в стакане водку с «Буратино» и пей эту гадость. Одно и то же получится. А вот суп и варенное в нем мясо надо есть одновременно. Делают как — сначала суп выхлебывают, а потом в тарелке остается кусок мяса, он его отдельно солит, с горчицей, и ест. Неграмотно. Ведь сейчас второе подадут, зачем его дублировать? Там ты и будешь свой бифштекс ножом и вилкой разделявать. А суповое мясо надо потреблять параллельно с жидкостью. Будет грамотно. Если гарнир рис, никогда не ем с ним соленых огурцов и грибов. С картошкой — да! Это идет. А с рисом и макаронами не идет. Но картошку никогда не ем с хлебом. Считаю, картошка и хлеб эквивалентны. После обеда чай — неграмотно. Горячее заливать горячим?! Только компот. Он создает равновесие в желудке и обеспечивает счастливый финал обеда. Откуда это у меня все?! Нет, не нравлюсь я себе. Ничего не могу с собой поделаться. Уж больно неграмотными были мои предки.

В а л ю ш а. Петушок, ты про моего мужа хотел послушать... Мой муж... Мой бывший муж был прохладным человеком. Никакого азарта — ни карты, ни ипподром... Он вообще ничем не увлекался. Не умел играть ни в одну игру, ничего не коллекционировал, не пил. И я тоже не была предметом его увлечений. Любил стоять у окна и смотреть во двор. Я иногда заглядывала ему в лицо, осторожно, как будто цветы поливаю, а сама так осторожно в глаза ему заглядываю. И всегда пу-

галась — до того ничего не было в его глазах. Ничего! По двору бегали дети, собаки, шныряли девочки в коротких юбках, мальчики в кожаных курточках... Но его взгляд был пуст. Причем внутрь себя он тоже не смотрел, из глаз его ничего не источалось ни в ту, ни в другую сторону. И я страшно обрадовалась, когда заметила однажды хоть что-то в его взгляде. К нам пришла студенточка из бюро добрых услуг мыть окна, быстро переделась, завязала узлом свою ковбойку на смуглом животике, прыгнула на подоконник и запела. Вот тут-то и я увидела кое-что в глазах мужа. Я оставила эту певунью обедать. За обедом муж и на меня смотрел чуть внимательнее, чем раньше, что-то шевельнулось, тронулось в его душе. Между нами троими возникло напряжение. И знаете, мне это понравилось. Это было уже похоже на жизнь. У нее были такие тонкие желтенькие бровки, и вместо «л» она говорила «вэ». Я става пригвашать ее к нам убирать квартиру. Потом мы вместе обедали, пили чай, она мурлыкала свои песенки... И в один прекрасный момент они ушли из дома вместе, а я осталась одна. Я проиграла в этой игре. Но хоть что-то в нашей жизни произошло. А могли еще лет тридцать прожить без особых осложнений. Человек прснулся. Дай ему бог.

П е т у ш о к. Мы познакомились с Валюшей в милиции. Произошла авария, автокатастрофа. На наших глазах. Но мы еще не были знакомы и даже шли по разным сторонам улицы. Никто не пострадал, просто испугался один старик, упал на мостовую. Нас повели в отделение как свидетелей, мы расписались в протоколе, и нас попросили проводить старика домой. Мы привели его в маленькую каморку, он прилег на диванчик и сразу заснул. Он лежал такой румяный и счастливый — как в гробу. Мы сидели на двух стульях, поставленных рядом, — как в кино. Мы сидели, старик спал, время незаметно уходило, пахло яблоками... А потом мы поцеловались. В этот момент старик открыл глаза и сказал: «Поздравляю», — и снова заснул. Потом он часто давал нам ключ от этой самой каморки.

Из дома выходит К о к а со своим потрепанным портфелем, садится на лавочку.

Пауза.

Н а д я. А я, наверное, замуж пойду. За летчика. Вернее, за вертолетчика. Я его в «Воздушном транспор-

те» вычитала. Он военный подвиг совершил — вертолет посадил на танцплощадку. Провода гитарам не порвал — все вежливо. У него над городом авария произошла, кругом домá, садиться некуда, он на танцплощадку и уместился. Поломку ликвидировал, перед танцующими извинился и снова улетел. И снова все затанцевали. Я как заметку прочитала, сразу ему в часть написала, он ответил. Очень вежливо.

В а л ю ш а. Ну, ты, Надька, даешь!.. Он красивый?

Н а д я. Ой, мне, как всегда, не повезло! Заметку без фотографии напечатали. А уж когда он мне карточку прислал, посмотрела — матушки!

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Урод?

Н а д я. Ален Делон! Мне председатель наш сказал: «Выйдешь замуж — кооператив за тобой оставим». Я сначала не хотела — все-таки по переписке... А теперь пойду.

П е т у ш о к. Повезло Делону.

Н а д я. У него у самого квартира. Правда, двухкомнатная...

Л а р с. Твой вертолетчик случайно не на линии Джексонвилл — Майами работает?

Н а д я. Нет, он по Подмосковью.

Л а р с. А то я знал одного. Боб. Отличный парень! Вот глупо: мы однажды с другом отдохнуть поехали в Майами, дикарем, а билет почему-то у нас до Джексонвилла был. Все до Майами поездом едут, а мы решили на вертолете. Из Джексонвилла в Майами — на вертолете! Прилетели, пошли комнате снимать, не у моря, а наверху, на горе. У моря все забито. Хозяин в ковбойке байковой, жара тридцать градусов, а он в байке ходит. И бородка маленькая, плотная, волосы как склеенные. В одной комнате сам живет, другую сдает клиентам. Утром проснулись, умываться — а полотенце нет. Мы хозяйина зовем. Он в байковой рубашке. «Не входит, — говорит, — полотенце». — «Как не входит?.. Два доллара за койку, и не входит?! Два доллара! Двушник!» И волосы в бороде такие толстые, как склеенные... Вот гад! «А простыня, — говорю, — входит?» — «Ез, входит». — «А подушка входит?» — «Ез, входит». — «А полотенце?!» — «Ноу, а полотенце не входит». Мы с другом: «Войдет, гад! — прем на него. — Войдет, сука!.. Или мы тебе бороду отпилим». Дал он нам полотенце. Вошло полотенечико. Одно, правда, на двоих, но вошло.

А мы с собой ничего такого вытираться не взяли: в гостинице, в поездах — везде входит. Узенькое дал полотенце, коротенькое. Выгадал за свои два доллара, подонки! На длине сэкономил. Погода хорошая тогда была. Обратно — в Джексонвилл! — уже поездом ехали. Нормально отдохнули.

Пауза.

П а ш а (*запрокинув голову*). Птица пролетела. А как называется, не знаю... Обидно.

П е т у ш о к. Зяблик.

П а ш а. А разве зяблики летом водятся?

П е т у ш о к. А почему нет?

П а ш а. Название какое-то...

П е т у ш о к. Какое?

П а ш а. Мерзлое. (*Встает.*) Орнитологией, что ли, заняться...

Л а р с. Николай Львович, я хотел вам сказать... мы хотели вам предложить... Мы тут посоветовались... Мы уезжаем, перебирайтесь в этот дом вместе с вашим потомством и живите себе на здоровье. А мы будем приезжать по субботам и воскресеньям. (*В сторону Нади.*) Или прилетать. Если погода летная.

Н а д я. Да ну вас!..

К о к а. Нет, нет. Мне надо домой. Я выкручусь, всегда есть вариант. Мне в Брянске уже обещали, я подал бумагу... соседу квартиру дают, нам комната его отойдет... Я выкручусь. Я осквернил. Я боюсь только одного, что не успею рассказать тому, кто родится... Я расскажу ему, как горела эта бумага. Края обуглились, а потом буквы стали исчезать одна за другой. Казалось, что сгорел большой кленовый лист. Сейчас дети быстро растут, я могу успеть.

П е т у ш о к. А может, все-таки...

К о к а. Нет, нет, мне надо в Брянск.

Петушок подходит к дому. Поднимает один из щитов, которые раньше закрывали окна, а теперь стоят прислоненные к стене.

П е т у ш о к. Паша, помоги мне.

Паша идет к Петушку. Вместе они прилаживают щит к окну.

Н а д я (*открывает свою сумочку, что-то ищет там*). А мы во Дворец бракосочетаний не пойдем. В загс — и все. Во дворце — там надо шампанское заказывать...

П а ш а. Владимир Иванович, посмотри — прямо, криво?

В л а д и м и р И в а н о в и ч (*приближаясь к Паше*). Правый край чуть повыше.

П е т у ш о к. Так?

В л а д и м и р И в а н о в и ч. Хорошо.

Паша и Петушок поднимают правый край щита.

Н а д я (*перебирая какие-то бумажки*). А у вертолетчика моего аллергия на шипучие напитки. (*Нашла фотографию, показывает.*) Валюша, смотри — Ален Делон. Он мне про все написал и про это. Веки от шипучих напитков опускают. Вообще ничего не пьет.

Ларс подхватывает щит. Паша берет в руки молоток, гвозди.

П а ш а. Это моя работа. (*Приколачивает.*) Так швед ты или прибалт?

Л а р с. Как пожелаем — так и сделаем! (*Бьет молотком по гвоздю.*) Я буду вспоминать вас в своем Стамбуле, сидя в буфете Павелецкого вокзала, на берегу Эгейского моря, потягивая напиток «Буратино». Скол!

Паша приколачивает щит к стенам дома. Потом другой, потом третий.

Паша, Петушок, Ларс и Владимир Иванович берут доски, подходят к двери, чтобы заколотить ее.

Н а д я (*прячет фотографию, закрывает сумочку*). И я не пью. Меня часто приглашают, я отказываюсь, неудобно даже. У нас в подворотне жильцы выпивающие собираются, я иду когда поздно, зимой холодно, огней мало... страшно... Они так вежливо... Я отказываюсь, а они: «Пить не захотите — не надо, просим только посмотреть, как у нас все устроено». Я один раз посмотрела. В таком ящичке на стене, где пожарный кран, полочек набили, газеткой застелили, кружавчики по краям вырезали. Все у них там есть: стаканчики, тарелочки, ножик, вилочка... И собачка такая маленькая, крутится под ногами. Кто ей колбаски даст, кто кусочек хлеба... Симпатичная собачка. Коричневенькая. Очень все хорошо! Замечательно! «До свидания, уважаемая; заруливайте, если что». Я пошла, а собачка за мной, бежит не отстает... Ну прямо Каштанка! А мне в детстве эту книжку бабушка перед сном каждую ночь читала. Поэтому мне по ночам всегда собаки снились, а утром бабушка говорила: это хороший сон — собака к другу, к другу... «А между тем становилось темно и

темно. И по обе стороны улицы зажглись фонари и в окнах домов огни. И шел крупный пушистый снег, и красил в белое мостовую, лошадиные спины, шапки извозчиков, и чем больше темнел воздух, тем блее становились предметы. А Каштанка все бегала взад и вперед и не находила хозяина. Мимо нее, заслоняя ей поле зрения и толкая ее ногами, безостановочно взад и вперед проходили незнакомые люди. Они спешили куда-то и не обращали на нее никакого внимания. Каштанкой овладели отчаяние и ужас. Она прижалась к какому-то подъезду и стала горько плакать. Уши и лапы ее озябли, она была ужасно голодна. За весь день ей пришлось пожевать только два раза: покушала у переплетчика немножко клейстеру да в одном из трактиров около прилавка нашла колбасную кожицу — вот и все. Если бы она была человеком, то, наверное, подумала бы: «Нет, так жить невозможно! Нужно застрелиться!»

И тут раздается крик Коки.

К о к а. Что я наделал!..

В а л ю ш а. Не надо...

К о к а. Как я мог!..

В а л ю ш а. Милый Николай Львович, не надо.

К о к а. Пустите меня!

Н а д я. Куда?.. Куда?.. Не пускайте его!

К о к а. Пойдите!.. Погодите!.. как я мог!..

В а л ю ш а. Успокойтесь, дорогой, успокойтесь...

К о к а. Нет, нет... я должен... туда... я не могу...
Пустите меня! Пустите!.. *(Вырывается из рук Валюши и Нади. Бежит к двери и скрывается в доме.)*

Все стоят смущенные и подавленные истерикой старика. Через мгновение К о к а появляется на крыльце. Он торжествующе поднимает над головой небольшой пакет.

Вот!.. Вот!.. Чуть не забыл... Склероз, дырявая голова. Оставил в тумбочке. Это соски! Соски! Своему правнуку купил... или кто родится. В Москве чудесные соски, а у нас то бывают, то нет. Перебои. А мы уже запасли. Слава богу!..

Вдруг Паша выхватывает пакет из рук Коки и швыряет его в кусты.

П а ш а. Выбросьте эту гадость!

К о к а. Что?.. Зачем?..

П а ш а. Это дрянь!

К о к а. Я купил... Он родится... а уже есть...

Петушок (*Паше*). Ты что, гад!.. Ты над стариком издеваешься! Это же старик!

Кок а. Я ходил выбирал...

Паш а (*Кок е*). Я подарю вам соски. Шведские. Ароматические. Комплект.

Кок а. Зачем шведские?..

Паш а. У меня есть. Мне привезли. Комплект. Двадцать штук. Вам мало?

Кок а. Там было восемь...

Паш а. Если вам с детства пихали в рот вонючее изделие коопрезинтреста, вы всю жизнь будете тосковать по хорошей соске.

Кок а. Простите...

Паш а. Я хочу, чтобы вашему правнуку с самого начала было вкусно. Может быть, тогда он будет лучше нас.

Кок а. Спасибо...

Паш а. Я поеду провожать вас на вокзал. Только не поднимайте с земли эту гадость.

Пауза.

Валюш а. Вот я тетя Мотя! Зонт упаковала, а дождь собирается.

Владимир Иванович. Под моим дождем.

Валюш а. Думаешь, поместимся?

Владимир Иванович. Думаю, да.

Пауза.

Валюш а. Солнце зашло, и сразу стало холодно. Что значит осень.

Над я. А когда солнечное затмение, темно бывает?

Ларс. Сумрачно.

Над я. Я один раз в кино пошла, выхожу, а на улице, говорят, затмение было. Прозевала.

Петушок. Надо в календарь глянуть, когда следующее.

Владимир Иванович. Не скоро.

Над я. Я подожду.

Ларс. Надо стеклышко закоптить, через черное стеклышко все видно.

Над я. Ага.

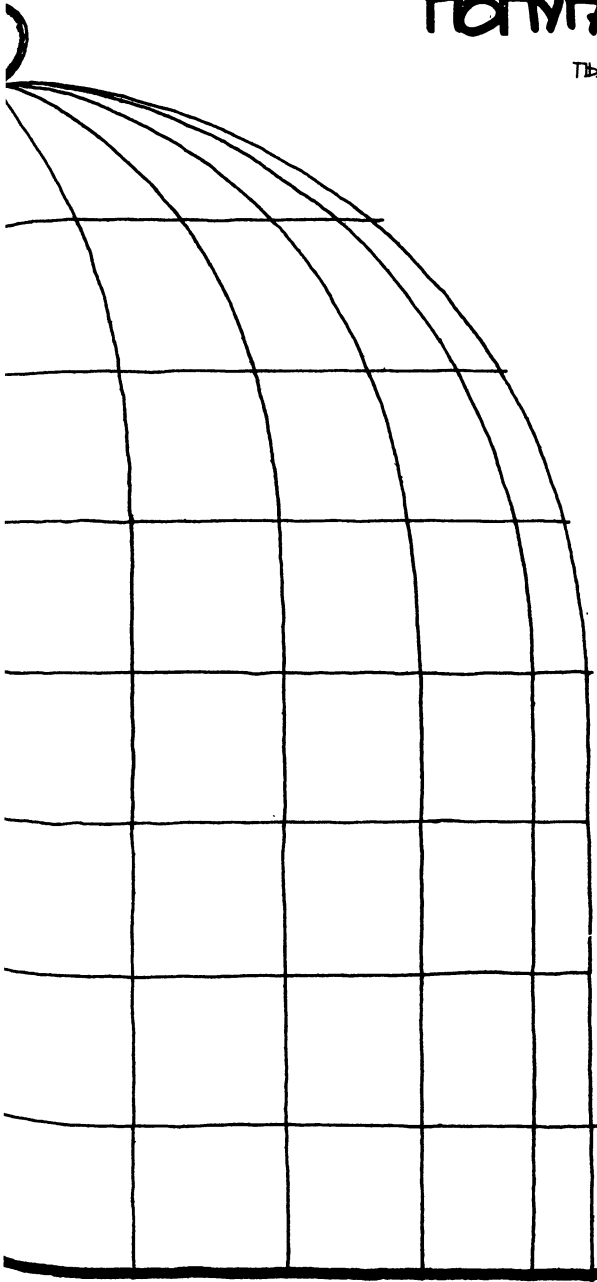
Петушок. Вот и дождь.

Валюш а. Мне показалось... я подумала... что именно сейчас мы все вместе могли бы жить в этом доме.

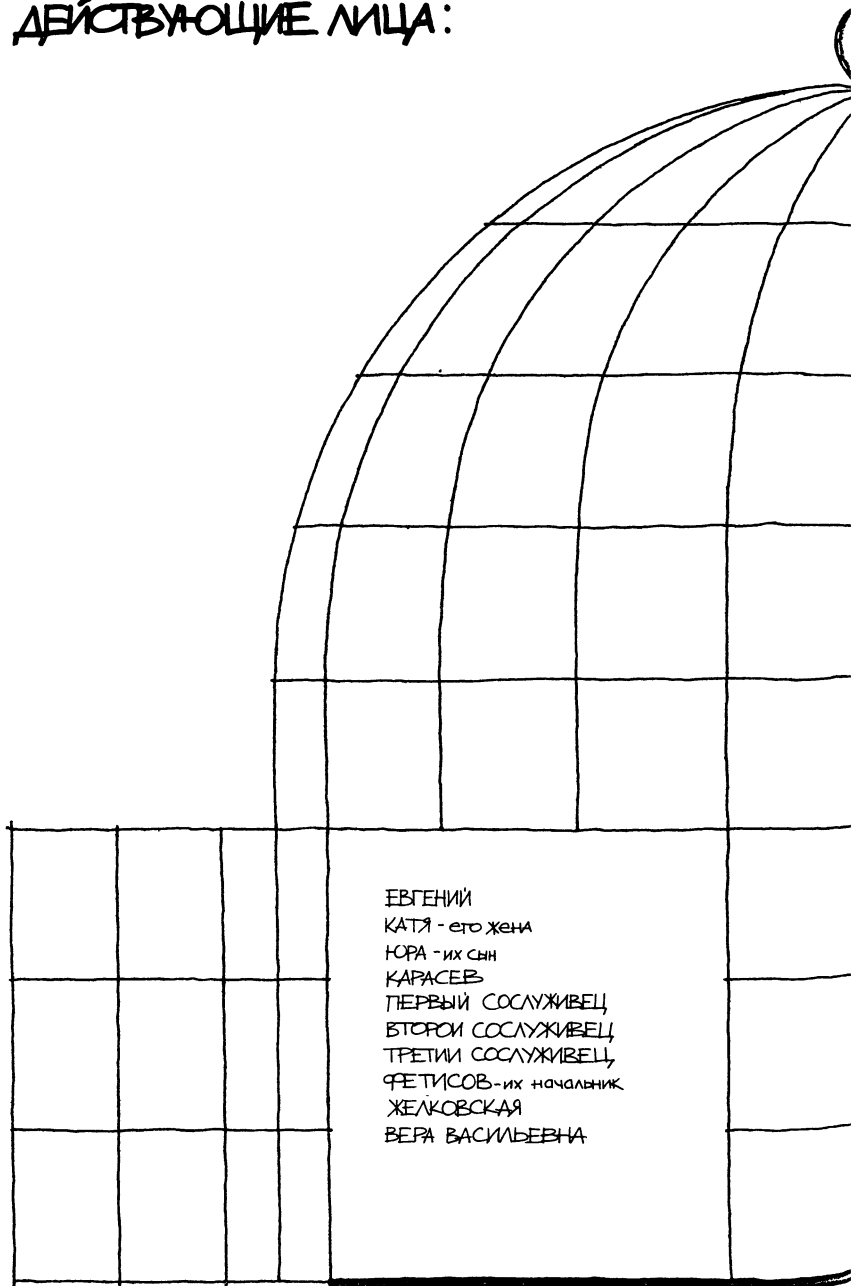
Занавес

ПОПУГАЙ ЖАКО

ПЬЕСА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЕВГЕНИЙ

КАТЯ - его жена

ЮРА - их сын

КАРАСЕВ

ПЕРВЫЙ СОСЛУЖИВЕЦ

ВТОРОЙ СОСЛУЖИВЕЦ

ТРЕТИЙ СОСЛУЖИВЕЦ

ФЕТИСОВ-их начальник

ЖЕЛКОВСКАЯ

ВЕРА ВАСИЛЬЕВНА

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Мужская курительная в одном из проектных институтов.
У большой пепельницы на длинной тонкой ножке курят мужчины — инженеры этого института.

Евгений. За что я люблю это место, так это за то, что женщинам сюда вход запрещен.

Первый. Напряжение снимается легким постукиванием кулачками по голове. Вот так. (*Легонько постукивает себя по голове.*)

Карасев (*поглядев на часы*). Уже больше часа заседают. Скоро выйдут.

Второй. Подъезжает автобус, не тот номер. Мы с Пузей влезим, Пузя сразу своим животом в кабину водителя. «Давай, — говорит, — направо». Водитель: «Маршрут прямо». Пузя ему трояк. Тот: «О'кей!» — говорит. За трюльник поехал по адресу. Раздал пассажирам по пять копеек, высадил их на остановке: «Машина в парк!»

Первый. Я раньше больше четырех дней подряд никогда здоровым не ходил.

Карасев (*Евгению*). Ты волнуешься?

Евгений. Отстань!

Карасев. Волнуешься. Тогда я спокоен.

Второй. Вова с картины Васнецова!

Смеются.

Третий. Мне вчера жена позвонила из больницы, орет, ругается, тапочки ей не те принес, ну, чуть не мамом... Выздоровливает.

Евгений. Черт!.. Табак сырой.

Первый (*Второму*). Ну и чего там Пузя в своей новой шараге делает?

Второй. Ничего не делает. Работает.

Карасев (*Евгению*). Зачем ты это затеял?

Евгений. У тебя глаза мороженого судака.

Карасев. Сам в зеркало давно смотрелся?

Второй. Всех звал в свою шаругу.

Первый. Кто?

Второй. Пузя. Сказал, пусть намыливаются ко

мне. Там все тепло и четко. «Не то что,— говорит,— в нашей конторе». Он еще нашу контору своей называет. Еще не отвык, но там ему уже хорошо. Толстеет. Как аэростат. Доволен. А то, что не по специальности, ничего, говорит. Зато тепло и четко. (*Евгению.*) Пойдешь?

Евгений. У меня специальность.

Второй. А я думаю.

Карасев (*Евгению*). Еще неизвестно, чем у тебя вся эта история кончится.

Евгений. Чем бы ни кончилась!

Карасев. Тогда не волнуйся. Волнуешься же. Значит, не уверен. Не уверен — не обгоняй.

Второй. Кстати, у него уже мальчик.

Первый. У кого?

Второй. У Пузика у нашего.

Третий. Ни фига! Это когда же он жениться успел?

Второй. В прошлую субботу. Мальчик уже в школу пошел. Веселую вдову подцепил. Свадьбу в ресторане гуляли.

Евгений. Таракана в калейдоскопе! Всем! Таракана. В калейдоскопе.

Третий. В ресторане теперь десяткой с носа не обойдешься. Еще по пятерке с каждого уха требуется.

Евгений. После войны снова в магазинах калейдоскопы появились. Мне на день рождения тетя подарила. Я цветные стеклышки изнутри вытряс и туда внутрь между зеркальцами таракана живого запустил. И перед чаем ходил, давал гостям в дырочку заглянуть. Что было...

Карасев (*Евгению*). Ты должен был возражать сразу, когда только начинали. А это нормально — вместе со всеми год работать, свою подпись под общим проектом поставить, а потом через голову свои личные соображения в министерство послать?

Евгений. Заглядывали в дырочку, и — ах! — с тетей плохо...

Третий. Аттракцион!

Евгений. Дядя в обморок!..

Первый. Довели человека до храбрости.

Третий. Тетя — брык, дядя — брык!..

Евгений. Слиплись! Так слипшиися до пенсии и дойдем.

Второй. А ты чего хочешь?

Евгений. Разлепиться!

Третий. Не дрейфь, старик! Чего там... Погорячился. Запахаем.

Евгений. Мозги еще не высохли. Котелок варит. Это я так только с вами тихо сидел, а здесь (*Первому*), куда ты себя кулачками постукиваешь, варилось.

Третий. Кушать подано!

Первый. Подожди, досыта накормят.

Евгений. Я так хотел и так сделал. Пусть попляшут.

Карасев. Некорректно.

Евгений. С кем я миндальничать буду! А вы так сто лет на своих стульчиках просидите.

Первый. А что, плохо сидим?

Второй. И стоим, кстати, хорошо.

Третий. И бабам сюда не попасть.

Смеются.

Евгений. Эх, провалят — напьемся!..

Третий. Про-валят.

Евгений. Думаешь?

Третий. Просто выпить захотелось.

В курительную комнату стремительно входит девушка. Молода. Высока. Спина прямая.

Первый. Пани Желковская, вы ошиблись, тут мужская...

Девушка направляется прямо к Евгению, подходит к нему вплотную и... дает ему сильную сухую пощечину. Так же стремительно уходит.

Евгений. Вот теперь я спокоен.

Первый. Чувствуется, рука поставлена.

Второй. Звучок был ничего.

Третий. Олимпиада не только для олимпийцев!

Карасев. Так у вас еще любовь!.. Я думал, ты завязал, а вон как еще крепко.

Евгений. Щека посвежела. Как после бритья.

Первый. В случае чего мы свидетели. Или ничего не видели. Ты подумай, как тебе надо.

Карасев. Профурсетка!

Евгений. Молчать!!!

Второй. Ты что?..

Евгений. Это моя жена. Я не позволю оскорблять мою жену.

Третий. Жена?.. С каких это пор?
Евгений. С сегодняшнего дня. С после обеда.
Первый (*смотрит на часы*). Смотри-ка, действительно уже обед! Обедать пора.

Карасев (*Евгению*). А Катька?

Евгений. Что ты ко мне пристал?

Карасев. Ты нам тут голову не морочь!

Евгений. Катька — моя первая жена.

Карасев. С после обеда?

Евгений. До двух часов я обещал Желковской сказать свое слово. Я думал, эти до перерыва кончат. У нее чудесная рука...

Первый. Они могут весь обед просидеть. Вопрос сложный.

Евгений. Теперь это уже значения не имеет...

В курилку входит Фетисов, под началом которого работают все пятеро. Тотчас Первый, Второй и Третий бросают сигареты в пепельницу и выходят. Карасев тоже гасит свою сигарету.

Фетисов (*Карасеву*). Нет, вы останьтесь.

Карасев останавливается на полпути к двери.

Пауза.

Фетисов стоит против Евгения.

Дайте мне на вас посмотреть.

Евгений. Вы смотрели на меня двенадцать лет.

Фетисов. Таким я вас никогда не видел.

Евгений (*обеспокоенно*). Что-нибудь с лицом?..

Фетисов. Вы бреетесь электробритвой?

Евгений. Да...

Фетисов. Переходите на опасную. У воротника шея должна быть выбрита чисто.

Евгений. Я ношу свитера.

Фетисов. Все равно. Поздравляю.

Карасев (*взглянув на часы*). Обед.

Фетисов (*Евгению*). Вы выиграли.

Евгений. Я пойду поем.

Фетисов (*Карасеву*). Почему вы, Карасев, не додумались до того, до чего додумался он?

Карасев. Для этого вы меня оставили?

Фетисов. Я люблю вас, Карасев.

Карасев. У нас была коллективная работа... Все мои соображения вошли в общую разработку проекта...

Фетисов. А я говорю, почему вы не додумались прижать их, придержать, записать, а потом отдельно и под своим именем отправить в министерство? Нынче любят инициативу снизу. И вы бы сейчас были выделены в самостоятельную единицу, получили бы возможность независимо работать над своим вариантом...

Евгений. Мне нужна отдельная комната.

Фетисов (*продолжает говорить Карасеву*). Отдельную комнату мы бы вам не дали, но можно было бы с помощью шкафов отгородить пространство у окна...

Карасев. Извините, меня ждут...

Фетисов. Сдвинуть два шкафа и отгородить тот угол, где окно с фрамугой, света там достаточно, столы принести из коридора, стулья взять из общей комнаты... Почему вы на меня обижаетесь, Карасев? Почему не на него? Стояли курили... Вы должны вцепиться ему в глотку! Извините, я вас нарочно злю. Я вас люблю, и мне хочется, чтобы вы разозлились.

Карасев. Гав, гав!

Все трое рассмеялись.

Фетисов (*Евгению*). Но учтите, вы пошли ва-банк. Можете потерять все, даже то, что имеете теперь.

Евгений. Вы сколько получаете?

Фетисов. Все при мне.

Евгений. А я на семьдесят рублей меньше. Ровно на эту сумму я смелее вас.

Фетисов. Это ваше временное преимущество. С первого числа вы станете смелее меня всего на сорок рублей. У меня есть еще сюрприз для вас — вам в подчинение придается чертежница.

Евгений. Естественно.

Фетисов. Вы меня недооцениваете. Может, я специально подсовываю вам молоденькую девушку, чтобы вы потеряли голову и провалили свой вариант.

Евгений. Кого же это?

Фетисов. Желковскую.

Евгений. Но она у нас недавно...

Фетисов. В новом деле должны участвовать молодые.

Карасев. Она плохо знает специфику нашей работы.

Фетисов. А теперь можем пойти перекусить. На третьем этаже буфет уже закрыт. Придется подниматься на шестой.

Евгений. Неужели в ваших глазах я был таким безнадежным?..

Фетисов. Вы идете?

Карасев. Мы еще покурим.

Фетисов уходит.

Пауза.

С тебя бутылка.

Евгений (*мечется по курилке*). Все! Изменяю все! Кончу и начну! Начну! А все, что было, кончу!

Карасев. Вот как раз именно теперь это тебе ни к чему. Именно сейчас ты должен быть сдержан. Не выделяться. Надо закрепить успех.

Евгений. Не-е-ет! Я хочу все и сразу! Пропустил момент — завяз навсегда. Все и сразу! Сразу — и дальше!

Карасев. Слишком молода она для тебя...

Евгений. Главное, найти точку поворота. Я сейчас именно в этой точке. Судьба не любит тех, кто не слышит ее сигналов.

Карасев. Где жить-то будешь?

Евгений. Сниму квартиру! (*Вдруг орет.*) Квартиру сниму!

Карасев. Не ори!

Евгений. А ты что, не знаешь, как это делается?

Карасев. Почему-то в студенческие годы у меня лучше получалось...

Евгений. Старик, заведи роман! С восьмиклассницей.

Карасев. Я, пока учился в институте, все свои идеи израсходовал. Мои курсовые посылали на выставки, мой диплом был премирован... А ты, видишь, кое-что поприжал. На будущее приберег.

Евгений. В последние годы я ни разу не видел тебя с женщиной.

Карасев. Может, скажешь, тебя Желковская вдохновила?

Евгений. Учти, если в ближайшее время ты не покажешь им своего таракана в калейдоскопе, они тебя съедят. И наш шеф первый.

Карасев. А вот я посмотрю, как у тебя пойдет.

Евгений. Выкинь что-нибудь! Для внутреннего состояния. Ну, не можешь ничего хорошего придумать, сделай подлость, негодяйство какое-нибудь. Человека

убей! Только не спи. Проснись. Сделай что-нибудь!
Раскачайся!

К а р а с е в. Да, я инертный. Я сохраняю состояние покоя или равномерного прямолинейного движения. Погляжу на тебя, как развиваться будет. Может, ты меня и переубедишь...

Е в г е н и й. Знаешь, я никогда не умел играть на рояле. Мама выплакала, меня в музыкальную школу приняли, но после первого же полугодия исключили. За полное отсутствие слуха. А я теперь думаю, знаешь, мне иногда кажется, если подловить какой-то такой момент, миг, знаешь, когда уже темно, а свет еще не зажгли, и в большой комнате быстро подойти к роялю, откинуть крышку и решительно, не задумываясь, ударить по клавишам — может, можно без остановки, с ходу сыграть все сонаты Шопена от начала и до конца. Понимаешь? Судьба в этот миг как бы зажмуривается, моргает, теряет бдительность, в этот момент ее можно обмануть, она может ошибиться, не заметить, кто подошел к роялю — ты или Рихтер, понимаешь, неверное освещение, солнце уже зашло, но еще видно, правда, темно-ва-то, а свет еще не зажгли, день уже кончился, а вечер еще не настал, все может случиться...

К а р а с е в. А чего, Катька у тебя самостоятельная, Юрка взрослый парень...

Е в г е н и й. Катьку жалко.

К а р а с е в. Она не пропадет.

Е в г е н и й. А ты откуда знаешь?

К а р а с е в. Я знаю.

Е в г е н и й. Который час?

К а р а с е в. Уже третий.

Е в г е н и й. Пойду жениться. «Моя вторая жена» — ничего звучит?

КАРТИНА ВТОРАЯ

Квартира Евгения.

В своей комнате на тахте лежит его сын Ю р а.

Входит Е в г е н и й.

Е в г е н и й. Мама дома?

Ю р а. Привет.

Е в г е н и й. Привет. Мама дома?

Ю р а. Я один.

Е в г е н и й. Один?

Ю р а. Вдвоем.

Е в г е н и й. С кем?

Ю р а. С тобой.

Е в г е н и й. Я ухожу.

Ю р а. Пока.

Е в г е н и й. И ты меня ни о чем не хочешь спросить?

Ю р а. Который час?

Е в г е н и й. И все?

Ю р а. А что еще?

Е в г е н и й. Ну, куда я иду.

Ю р а. Твои дела.

Пауза.

Е в г е н и й. Готовишься к диплому?

Ю р а. Лежу.

Е в г е н и й. Я за тебя спокоен. Ты крепкий парень.
Как думаешь, куда распределят?

Ю р а. Их дела.

Е в г е н и й. Тебе что, все равно, куда тебя пошлют?

Ю р а. Я уже распределился.

Е в г е н и й. Тебя распределили?

Ю р а. Я сам.

Е в г е н и й. Сам?! А в институте об этом знают?

Ю р а. Нет.

Е в г е н и й. Как же так?

Ю р а. Пусть проблемы возникают у них со мной,
у меня с ними проблем нет.

Е в г е н и й. Ты знаешь, я тоже сегодня задал задачку
своему начальству. Пусть попрыгают. А мне что?
Я сижу.

Ю р а. Ты же сказал, что уходишь.

Е в г е н и й. Куда?.. Я им показал сегодня, что я —
это я, а они — это они. Я согласен вкалывать, но если
это будет совпадать с моими личными интересами.

Ю р а. Что ты от меня хочешь?

Е в г е н и й. Просто рассказываю...

Ю р а. Нет, ты спрашиваешь. Ну сделал и сделал,
чего мучиться.

Е в г е н и й. Ты так считаешь?

Ю р а. Опять спрашиваешь. Зачем тебе мое «да»?

Е в г е н и й. В последнее время, я заметил, ты перестал просить у меня денег.

Ю р а. Тебе самому они нужны.

Евгений. Да, у меня увеличились расходы...

Юра. Одолжить?

Евгений. Издеваешься?

Юра. Ничуть. Просто предлагаю. У меня есть деньги.

Евгений. Откуда?

Юра. Я связался с одной компанией.

Евгений. Что это за компания?

Юра. Сомнительная.

Евгений. И ты так между прочим мне об этом сообщаем?

Юра. Ты спросил, я ответил.

Евгений. Как ты думаешь, еще не поздно?

Юра. Что?

Евгений. Порвать. Выскользнуть. Уйти.

Юра. Зачем? Наоборот, я хочу там закрепиться. Это и будет моим распределением.

Евгений. Я требую... как отец... чтобы ты... Я как отец... немедленно!

Юра. Папа, успокойся. Это обыкновенная работа. Я даже собираюсь вступить в профсоюз.

Евгений. Мафии?!

Юра. Ты неисправимый романтик.

Евгений. Как ты со мной разговариваешь?

Юра. Я работаю в артели. В обыкновенной трудовой артели. Зарабатываем мы неплохо, работа не черная, я бы даже сказал, интеллектуальная. Которая, однако, не требует никакого ума.

Евгений. Не дури мне голову!

Юра. Мы пишем плакаты по технике безопасности, оформляем конторы, концертные залы, красные уголки, работаем по заказам заводов, учреждений, строительных организаций. Изготавливаем различные надписи, объявления, таблички вплоть до «Не сорить!», «Не курить!», «По газонам не ходить!». Как увидишь такой плакатик, знай: в нем есть частичка и моего труда. Эстетизация повседневности. Рацвечивание будней. Прекрасное — в быт. Икебана.

Евгений. Да...

Юра. Что тебе тут непонятно?

Евгений. Не ожидал...

Юра. Там все четко.

Евгений. И тепло?

Юра. Отапливается помещение нормально.

Е в г е н и й. Для матери это будет ударом.

Ю р а. Она поймет.

Е в г е н и й. Ты же был против всякой регламентации. Против всех ограничений и установлений. У тебя даже одно время висело над столом «По газонам не ходить!».

Ю р а. И сейчас висит.

Е в г е н и й. А как же ты будешь участвовать в производстве регламентирующих надписей?

Ю р а. Именно это и дает мне свободу. Вот теперь-то я и могу беспрепятственно топтать эти самые газоны. Ведь устанавливаем эти таблички мы сами. И если меня поймают разгуливающим по газонам, я всегда могу показать документ и объяснить, что я выбираю наиболее эффективное место для запрещающего ограничения.

Е в г е н и й. А что хорошего ты видишь в прогулках по газону?..

Ю р а. Отец, это шутка. А если серьезно, там можно неплохо заработать. И при этом не включать в дело серое вещество. Ты же знаешь, я люблю шрифты, я сажусь у окна, включаю транзистор и пишу букву за буквой.

Е в г е н и й. А для чего ты бережешь свое серое вещество?

Ю р а. Знаешь ли ты, что паутиная нить, которой можно опоясать по экватору земной шар, весит чуть больше трехсот граммов? А на разрыв обычная паутина вдвое прочнее стали. Синтезирует паук свои сети из аминокислот. Это чистый белок. Такого стройматериала человек еще не создал.

Е в г е н и й. Про пауков ты знаешь все, а что происходит с родным отцом...

Ю р а. Ты уходишь от мамы.

Е в г е н и й (*застыгнут врасплох*). Да...

Ю р а (*взрывается*). Мне не нужно твое «да!» (*Спокойно.*) Я сказал утвердительное предложение. Следи за знаками препинания.

Е в г е н и й. Спроси меня о чем-нибудь.

Ю р а. Который час?

Е в г е н и й. Я должен подготовиться в разговоре с мамой.

Ю р а. Тебе надо порепетировать?

Е в г е н и й. Замолкни!

Ю р а. Восклицательные знаки в конце твоих пред-

ложений мне нравятся гораздо больше, чем вопросительные.

Евгений. Нервы...

Юра. Хорошо, мы порепетируем. «Дорогой, почему ты сегодня так рано? Я сейчас чего-нибудь приготовлю».

Евгений. Не надо...

Юра. «Что с тобой, милый? Ты уже где-то перекусил?»

Евгений. Она никогда не говорит мне «милый».

Юра. А ты ей?

Евгений. Хорошо, продолжим. Я не хочу есть. Я должен тебе сказать, что люблю другую.

Юра. А как же я?

Евгений. Ей восемнадцать лет.

Юра. Ты сошел с ума!.. Неужели ты не понимаешь, что это абсурд?

Евгений. Это ты спрашиваешь или мама?

Юра. Я знаю восемнадцатилетних. Мне твоего ответа не надо. Отвечай на вопрос.

Евгений. Рядом с ней я чувствую себя дикарем и джентльменом.

Юра. Ну и возьми ее себе в любовницы. Зачем жизнь ломать?

Евгений. Ах вот как ты заговорила!.. А если я хочу все поломать? Просто мечтаю! Мне надоел замок, который щелкает за моей спиной, когда я прихожу с работы, мне опротивели щелчки телевизора: включен — выключен, журчание воды в ванной... Я все поменял у себя на работе, поменяю и здесь!

Юра. Ты думаешь, у тебя не будет замка там, где ты поселишься? А телевизор можно купить с сенсорным включением.

Евгений. Я люблю ее. У меня голова кружится от ее запахов. Мне нравится, что она годится мне в дочери и, словно дочь, говорит мне «ты». Она вернула мне ощущение охотника, ловца удачи, победителя, и ради этого я готов на все. Да, жестоко, да, больно, да, кровь,— но я не могу отказаться от нее.

Юра. И это все ты собираешься сказать маме?

Евгений. Наконец я дождался от тебя вопроса!

Юра. Удачливый охотник...

Евгений. Не очень...

Юра. А жить где будете, молодые?

Евгений. Квартиру сниму! Комнату! Что вы все

заладили?.. Зубами вопьюсь в телефон, растрясусь всех знакомых, в лепешку разобьюсь — что я, два-три адреса не вырву? У тебя, кстати, нет на примете хаты?

Ю р а. Без меня.

Е в г е н и й. Вы меня не запугаете! Идите все к черту! К дьяволу! На фиг! Кто я вам?..

Ю р а. Ну что же, я считаю, ты вполне готов к разговору. И насчет ощущения охотника эффектно, и с ловцом удачи неплохо придумано. Закрепи.

Е в г е н и й. Что вы за люди? Никогда мы вас не пойдем.

Ю р а. Мы вас тоже.

Е в г е н и й. Кто это «мы»?

Ю р а. А кто это «вы»?

Е в г е н и й. Нет, к разговору я не готов. Что я тут говорил... «Дикарь и джентльмен»... Пошло. Я срежусь на первом же вопросе.

Ю р а. Здесь я тебе ничем помочь не могу. Но если ты провалишься, я поговорю со своими ребятами, может, мы тебя возьмем в артель. Ты шрифты любишь?

Хлопает дверь в прихожей. Щелчок замка. Евгений вздрагивает.
В комнату входит К а т я, жена Евгения, мать Юры.

К а т я. Ты сегодня рано.

Е в г е н и й. Я ухожу.

К а т я. Сейчас я что-нибудь приготовлю.

Е в г е н и й. Не надо.

К а т я. Ты уже где-то перекусил?

Е в г е н и й. Я ухожу совсем. Из дома.

К а т я. Ага. *(Пауза.)* Иди.

Е в г е н и й. И ты ни о чем не хочешь меня спросить?

К а т я. Нет. Впрочем... который час?

Е в г е н и й. Так. Тогда я потопал... *(Еще секунду стоит посредине комнаты. Потом выходит.)*

Щелкает замок в прихожей. Юра неожиданно горячо бросается к матери.

Ю р а. Мамочка!..

К а т я. Уйди, щенок! *(Резким и сильным движением, которого трудно было ожидать от усталой женщины, отбрасывает от себя сына.)*

Юра отлетает на диван, а Катя бессильно опускается на стул. Некоторое время они неподвижно сидят каждый на своем месте. Катя не мигая смотрит прямо перед собой. Затем начинает говорить.

У нас в отделе есть один ветеран. Ну, такой чудила. Каждый раз про войну только смешные истории рассказывает. Его послушаешь, так это были четыре самых веселых года. А что, народ-то молодой, им по восемнадцать — двадцать лет было. Командовали старшие, а воевали молодые... Вот сегодня травит: собака к их батарее прибилась, и почему-то ей понравилось масло, которым они пушки смазывают, стволы внутри. И вот однажды залезла эта собака в большую пушку, налилась там этого масла и заснула. А рано утром — боевая тревога. «Батарея, огонь!» Они и пальнули из этой пушки. И вот, говорит, видим, как летит наша собака впереди снаряда. Летит и лает. Немцы, как увидели это, сразу разбежались, и второго выстрела не потребовалось... Веселый мужик! Весь отдел обхохотался. У него двух ног нет. Летит, говорит, впереди снаряда и лает... (Сыну.) Ты ел?

Ю р а. Не хочется.

К а т я. Я там принесла кое-что в сумке.

Ю р а. Он мне все рассказал.

К а т я. Морская паста «Океан».

Ю р а. Ей восемнадцать.

К а т я. Прекрасный возраст. До двадцати еще ой-ей-ей сколько!..

Ю р а. Восемнадцать — это уже перестарок.

К а т я. Ну, тогда мне где-то под девяносто.

Ю р а. Скорей бы стать сухоньким старичком, сидеть в проветренной комнате за большим письменным столом и читать толстые книги.

К а т я. Почему у тебя нет девушки? Тебе ни разу не звонил женский голос. Матери не любят, когда девушки телефон обрывают. Но когда совсем не звонят, тоже как-то не по себе.

Ю р а. Мне дорого свободное время.

К а т я. Ты всё равно лежишь на диване или крутишься в своем вращающемся креслице. У меня сейчас тоже будет много свободного времени...

Ю р а. Будем изучать шумерский язык.

К а т я. Какой?

Ю р а. Ты знаешь, я не могу читать «Евгения Онегина». Все время натыкаешься на какие-то окаменелости. «Мой дядя самых честных правил...», «Я к вам пишу, чего же боле...», «...и быстрой ножкой ножку бьет...» Все знают всё еще со школы. Пушкинский

текст сегодня состоит из готовых блоков. Как кухонный гарнитур. Невозможно получить удовольствие. Я хочу перевести «Евгения Онегина» на шумерский или еще на какой-нибудь мертвый язык, чтобы потом я один мог бы читать и перечитывать это произведение.

К а т я. Один?

Ю р а. С тобой. Сначала переведем, а потом будем читать. На всю жизнь работы и удовольствия. Жизни не хватит.

К а т я. А все-таки жаль, что у тебя нету девушки. Сейчас бы она нам очень пригодилась...

Ю р а. Если только у отца отбить.

К а т я. А что — идея!

Ю р а. Вот это, я понимаю, треугольник!

К а т я. Не выдержишь конкуренции.

Ю р а. А что в нем такого особенного?

К а т я. Тебе не понять.

Ю р а. Сама же говорила: «У нас в доме два холодильника — отец и «Минск-5».

К а т я. Может, хорошо, что он решил. Во всяком случае, холодильником его уже не назовешь.

Ю р а. У меня от вас кружится голова.

К а т я. Иди и покрутись в своем кресле в обратную сторону!

Ю р а. Ну нет! Срочно изучить мертвый язык и забыть живой. Чтобы ни с кем никогда ни слова.

К а т я. Интересно, как по-шумерски будет «Я вас люблю»?..

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Квартира, куда по объявлению о сдаче комнаты приходит Евгений. Тесная темная прихожая, из нее вход прямо на кухню. Нам могут быть также видны комнаты: та, в которой живет хозяйка, и другая, предназначенная для сдачи жильцам. Хозяйка В е р а В а с и л ь е в н а сидит на кухне и ест прямо со сковородки жареную картошку. Хозяйке где-то за пятьдесят, но видно, что нерастраченная молодость задержалась в ней.

Звонок во входную дверь. Хозяйка идет открывать.

В е р а В а с и л ь е в н а. Кто там?

Голос Евгения (из-за двери): «Я по объявлению».

Вы один?

Голос Евгения: «Один».

Небольшая пауза.

Скажите еще что-нибудь.

Голос Евгения: «Я не знаю, что сказать...»
Достаточно. *(Открывает дверь.)*

Евгений входит в прихожую.

Евгений. Почему вы спросили, один ли я? Боитесь?

Вера Васильевна. Нет. Мне понравился ваш голос.

Евгений. Я по объявлению.

Вера Васильевна. Хотите жареной картошки?

Евгений. Можно посмотреть комнату?

Вера Васильевна. Не хотите?

Евгений. Я картошку не употребляю.

Вера Васильевна. Это потому, что ваша жена не умеет ее жарить.

Евгений. Я вообще мало ем.

Вера Васильевна. Вот это напрасно.

Евгений. Вам же лучше. Мы не будем вечно торчать на кухне.

Вера Васильевна. О, я научу вашу жену готовить! Вы располнеете. Вам пойдет.

Евгений. Где комната? Я спешу. Закончим процедуру.

Вера Васильевна. Как вы сказали?..

Евгений. Что?

Вера Васильевна. Последнее слово.

Евгений. Процедура.

Вера Васильевна. Произнесите это слово медленнее.

Евгений. Зачем?

Вера Васильевна. Я прошу.

Евгений. Про-це-дура.

Вера Васильевна. Вот и хорошо.

Евгений. Я рад, что мы договорились.

Вера Васильевна. Уходите.

Евгений. В чем дело? Мне понравилась квартира...

Вера Васильевна. Я вас прошу уйти.

Евгений. Я прочитал объявление..

Вера Васильевна. Я ничего не сдаю.

Евгений. Нет уж, это вы бросьте! В газете напечатано: «Сдам комнату женатой паре». Газета — государственный орган. Что там, врут?

Вера Васильевна. Я раздумала.

Евгений. Что случилось? Вы обиделись? Я вас обидел словом «процедура»? Я извиняюсь.

Вера Васильевна. Уходите. У меня стынет картошка.

Евгений. Ешьте, я подожду.

Вера Васильевна. Нет, нет!.. Прощайте!

Евгений. Ну вот что, я никуда отсюда не пойду. Вот объявление, вот ваш адрес, я пришел по адресу, я согласен на любые условия. Я отсюда не двинусь.

Вера Васильевна. Вам тут будет неудобно...

Евгений. У меня нет другого варианта.

Вера Васильевна. Вы меня не знаете... Я вообще не дам вам пользоваться плитой.

Евгений. Ничего. Мы в комнате на керогазе. Бульонные кубики.

Вера Васильевна. Кто это мы?

Евгений. Женатая пара. Я и моя жена.

Вера Васильевна. Кто она, ваша жена?

Евгений. Ей восемнадцать лет.

Пауза.

Теперь вы и подавно не сдадите мне свою комнату. Но, поверьте, это мой последний шанс. Однажды человек просыпается и решает изменить свою жизнь, начать все сначала. Но все сопротивляется перемене. Все! Возникает тысяча проблем. И одна из них — где жить? Но я хочу вам сказать, что, даже если вы не сдадите мне комнату, я не вернусь в старую жизнь. Я со своей подружкой буду спать под мостом, под забором, на вокзале, но обратно в стойло вы меня не загоните! Так и знайте! Зарубите себе на носу! И передайте всем, кто хочет меня туда загнать! Конечно, вам бы хотелось, чтобы моя жена была старше, поближе к вам. Я понимаю... Вам неприятно... Но не выйдет! Я мужчина, я предпочитаю молодую. Вы слышите, не выйдет!.. Не получится! Вот вам всем! *(Идет к двери.)*

И когда он, открыв ее, уже делает шаг на лестничную площадку, раздается голос Веры Васильевны.

Вера Васильевна. Вас зовут Евгений?

Евгений. А?.. Что?.. Да...

Вера Васильевна. А меня Вера.

Евгений. А по отчеству?

Вера Васильевна. Вера, и все.

Евгений. Но... как же... я не могу...

Вера Васильевна. Ты можешь называть меня по имени.

Евгений. Я... простите... Вера?..

Вера Васильевна. Ты помнишь Веру, дочку Софьи Александровны, твоей учительницы русского языка и литературы?

Евгений (после паузы). Вот она, жареная картошка...

Вера Васильевна. Мама умела ее жарить как никто. Картошка хрустела и сочилась.

Вера Васильевна и Евгений проходят в кухню.

Евгений. Кухня большая...

Вера Васильевна. Меня узнать нельзя?

Евгений. Там просто было темно...

Вера Васильевна. Встретил бы на улице, прошел мимо.

Евгений. На улице вы бы тоже меня не узнали.

Вера Васильевна. Узнала бы. Даже если бы у меня были завязаны глаза. (После небольшой паузы.)

Если ты говоришь мне «вы», значит, я совсем старуха.

Евгений. Ты извини... Так давно это было.

Вера Васильевна. Мне исполнилось тогда двадцать девять лет.

Евгений. А я еще учился в школе... Понимаешь? Ты не обиделась?

Вера Васильевна. Нет. Нормально. Просто в моей жизни это случилось не в таком глубоком прошлом, как в твоей.

Евгений. А Софья Александровна... где?

Вера Васильевна. Ее нет.

Пауза.

Евгений. У вас была большая квартира.

Вера Васильевна. О, мы ее давно разменяли! На эту и однокомнатную для маминого племянника, он жил у нас, потом кончил институт и женился. Мама подарила ему квартиру.

Евгений. Ты была замужем?

Вера Васильевна. Интересно мы с тобой свиделись! «Я по объявлению...» Умора!

Евгений. Почему ты уехала тогда?

Вера Васильевна. Когда?

Евгений. Ну, тогда... В пятьдесят восьмом.

Вера Васильевна. Я же тебе сказала, у меня был любимый человек... Это ты учился в школе, а у меня был любимый человек, я должна была выйти за него замуж, он жил под Иркутском, я к нему поехала...

Евгений. Никакого человека не было.

Вера Васильевна. Это почему же?

Евгений. Я все узнал тогда. Никакого человека не было. Ты просто сбежала от меня.

Вера Васильевна. Я представила, если бы мы поженились, как ты хотел... «Через два года мне восемнадцать, мы поженимся». Жил бы сейчас с бабушкой. Чудесно!

Евгений. Вера дура.

Вера Васильевна. Ты помнишь этого попугая?! Попугай жако. Мы с тобой зашли в зоомагазин и увидели клетку с попугаем жако. Большой, светло-серый, с алым хвостом. Злой как собака! Он прямо рычал, когда ты дотрагивался до его клетки — «р-р-р-р...». Как собака. И ты тогда сказал, если бы у тебя были деньги, ты бы купил этого попугая и научил бы его говорить два слова: «Вера дура» — и слушал бы это целыми днями. Так можно жизнь прожить, сказал ты.

Евгений. Когда ты уехала тогда, я ходил сам не свой, в голову черт знает что приходило... Смерть выбирал. И только этот попугай меня спас. Единственное, что от тебя осталось. Не мог же я с Софьей Александровной о нас разговаривать. С ней только о Лермонтове. И выходило, что один этот светло-серый попугай с алым хвостом, этот жако, был в курсе наших дел. Я каждый день стал ходить в тот магазин и разговаривать с попугаем, он так ко мне привык, что уже не рычал на меня. Он смотрел своим черным лакированным глазом, и мы с ним понимали друг друга. Он стоил две тысячи старыми. У меня не было таких денег.

Вера Васильевна. Теперь семьсот.

Евгений. Семьсот?

Вера Васильевна. Новыми. Попугаи дорожают. Я недавно видела жако на Птичьем рынке. Точно

как наш, и хвост алый, но не рычит. Хозяин просил семьсот, а еще за полсотни обещал его быстро на заказ обучить двум-трем словам по желанию клиента.

Евгений. Да, они самые разговорчивые среди попугаев. Я читал книгу... Больше ста слов и оборотов может запомнить жако. Многие слова он помнит по десять и более лет. Живет жако в лесах Африки — от Гвинеи и Анголы на запад, до Великих озер на востоке. Я у тебя не останусь.

Вера Васильевна. Дурачок! Или ты думаешь, что твоя девочка будет ревновать тебя ко мне?

Евгений. Ты прости, я тут рассуждал о возрасте...

Вера Васильевна. Нормально. Мне пятьдесят четыре.

Евгений. Как бежит время...

Вера Васильевна. После той нашей истории мне хотелось, чтобы оно бежало еще быстрее. Ты знаешь, мне были противны взрослые мужчины с крутыми подбородками, с волосатыми руками, широкоплечие... Они мне претили.

Евгений. Черт, зачем мне попало на глаза твое объявление!

Вера Васильевна. Не выдумывай! Комната светлая, беру я недорого...

Евгений. Это действительно мой последний шанс.

Вера Васильевна. Ты любишь ее?

Евгений. Я хочу изменить жизнь. Только знаешь что... У меня к тебе одна просьба.

Вера Васильевна. Не называть тебя на «ты»?

Евгений. Мне трудно будет объяснить...

Вера Васильевна. Я разогрею картошку. Хотя в разогретом виде это уже не то.

Евгений. Фу!.. У меня рубашка прилипла к телу.

Вера Васильевна. Успокойся. Все чудесно. У тебя есть крыша над головой. Рядом любимая девушка.

Евгений. Не знаю, как у нас пойдет...

Вера Васильевна. Я тебе помогу.

Евгений. И на работе у меня изменения.

Вера Васильевна. Все обойдется.

Евгений. В лучшую сторону.

Вера Васильевна. И это переживем. Как твою девочку зовут?

Евгений. Пани Желковская.

Вера Васильевна. Она мне уже нравится!

Евгений. Ве-ра ду-ра.

Вера Васильевна. Кстати, по этой «дуре» в слове «процедура» я тебя и узнала.

Звонок в дверь.

Евгений. Это она.

Вера Васильевна. Спокойно, мой мальчик, спокойно.

Евгений (*торопливо*). Я люблю ее. Я люблю.

Звонок.

Но это совсем не то, что у нас было тогда. Тогда я ходил, меня что-то подбрасывало, мир резал глаза.

Частые звонки.

В глаза как-то много попадало всего, между миром и мной будто воздух выкачали, и, когда я смотрел на дом, мне казалось, край крыши царапает веко.

Длинный непрекращающийся звонок.

Я больше никогда этого не испытывал. Мне было шестнадцать лет.

Вера Васильевна. Иди открой дверь. Привыкай быть хозяином... Хотя нет, не открывай! Я причешусь.

Евгений. Да все нормально...

Вера Васильевна. Нормально? Да? Нормально?! Нет, миленький, не выйдет! «Ты у кого комнату снимаешь?» — «Да там, у одной старушенции». Так, что ли, ты будешь отвечать? Не выйдет, миленький! Я тебе не баба Вера! Понял? Забыл, как на коленях стоял? А теперь ему молоденькой захотелось!.. Я причешусь и еще какая буду!

Евгений. Вера!..

Вера Васильевна (*пришла в себя*). Прости. (*Выходит в соседнюю комнату*).

Евгений идет к входной двери. Отпирает ее. На пороге Желковская. Она продолжает держать палец на кнопке звонка.

Евгений. Прекрати звонить!

Желковская. Решила подняться. Стою внизу, мальчики подруливают. В кожаных курточках. Неплохие. А где хозяйка?

Евгений. Не называй ее хозяйкой.

Желковская. А как?

Евгений. Вера Васильевна.

Желковская. Сколько ей лет?

Евгений. Пятьдесят четыре.

Желковская. Она тебе сказала?

Евгений. Нет.

Желковская. Откуда ты знаешь?

Евгений. Прикинул.

Желковская. С такой точностью... Слушай, а ты уже знаешь, какая наша комната?

Евгений. Знаю.

Желковская. Пойдем. Пока твоя Вера Васильевна копается... Пойдем!

Евгений. Лена!

Желковская. Что происходит? А что происходит?

Евгений. Ты только вошла.

Желковская. Но ты уже тут порядочно. Вполне имеешь право.

Евгений. Не спеши.

Желковская. А когда ты брал у своего Пузи ключ, ты очень спешил. Начиная раздевать меня уже на лестнице.

Евгений. Это будет наша постоянная квартира.

Желковская. А какая разница? Я готова хоть на Манежной площади.

Евгений. Там Центральный выставочный зал.

Появляется Вера Васильевна. Она по-новому причесалась и даже поменяла что-то в своей одежде.

Вера Васильевна. А вот и я. Здравствуйте.

Желковская. Здравствуйте, Вера Васильевна.

Вера Васильевна. О, вы знаете мое имя!

Желковская. Мне сообщили.

Евгений. Это Лена. Желковская.

Вера Васильевна. Вы очень подходите друг другу.

Желковская. Вы думаете?

Вера Васильевна. Я вижу.

Евгений. Мы вместе работаем.

Желковская (*подражает простонародному произношению*). Работали. С сегодняшнего дня я уволена. По собственному желанию. Моего мужа. Он сам меня туда устроил, и мне там нравилось. Но у них не принято. Евгений Николаевич был моим начальником. Ба-

нально, правда? (*Евгению.*) Ты договорился или не договорился?

В е р а В а с и л ь е в н а. Не будем портить первые минуты нашего знакомства.

Ж е л к о в с к а я. Ничего, что я вас рассматриваю? Я смотрю, какой я могла бы быть. Мне никогда не будет столько, сколько вам.

В е р а В а с и л ь е в н а. Почему?

Ж е л к о в с к а я. Завода не хватит. У меня завод лет на шесть, на семь.

Е в г е н и й. Кухня большая.

Ж е л к о в с к а я. Он волнуется. Он бросил семью. У него взрослый сын и взрослая жена. Много проблем. (*Евгению.*) Имей покой!

Е в г е н и й (*Желковской*). Я сейчас уйду!

Ж е л к о в с к а я (*подходя к Евгению вплотную*). Знаешь, почему я так себя веду? Потому что чувствую, ты боишься за меня. А ты не бойся. Расслабься. Имей покой. И позволь мне делать все, что я хочу. Тогда я и не буду делать этого. Может, нам всем троим быстро разбежаться, пока ничего не началось?

Е в г е н и й. А что может начаться?

Ж е л к о в с к а я (*Вере Васильевне*). Он на мне женился, потому что я дала ему пощечину. В ваше время пощечина приводила к разрыву, а в наше — к браку. Они стоят с ребятами курят, а я вошла и...

Е в г е н и й. Гутен морген, гутен таг, хлоп по морде — вот так так!

Ж е л к о в с к а я (*Евгению*). А ты чего развеселился?

Е в г е н и й. Успокоился. Ты чувствуешь, я уже спокоен.

Ж е л к о в с к а я. Все будет, как ты хочешь.

В е р а В а с и л ь е в н а (*Желковской*). У вас есть родители?

Ж е л к о в с к а я. Давайте поедим. Я поставлю чай.

Е в г е н и й. Мне некрепкий.

В е р а В а с и л ь е в н а. Настоящий чай надо не пить, а нюхать.

Е в г е н и й. Может, за бутылочкой сбегать?

В е р а В а с и л ь е в н а. Еще одно удобство — магазин в двух шагах!

Ж е л к о в с к а я. Не надо. (*Евгению.*) Впрочем, если ты хочешь...

Е в г е н и й. Потерпим. У меня скоро юбилей.

В е р а В а с и л ь е в н а. Юбилей?!

Е в г е н и й. Сорок один.

Ж е л к о в с к а я. Круглая цифра!

Е в г е н и й. Однажды я шел из школы. В четвертом классе или даже в третьем. Я так поворачивал от школы, а из-за угла вышла компания женщин. Какие-то строительные, штукатуры вроде, но чистые, после смены... И вдруг одна подлетела ко мне и чмок меня в самые губы. В самые губы поцеловала. Лицо горячее... И сказала — я запомнил, меня поразили ее слова — она сказала: «Ой, мальчик, что с тобой будет в сорок один!..» Врезалась цифра — почему-то именно сорок один... И соленый вкус ее губ. Губы у нее были чуть солоноватые. Почему сорок один? Я пошел домой и стал под краном смывать этот поцелуй. Я и сейчас чувствую соль на губах... Надо же, отгадала цифру!

Ж е л к о в с к а я. Мне нравится, что тебе сорок один. Меня спасло только то, что на заднем сиденье в машине тогда оказался взрослый мужчина. Мальчишка-шофер растерялся, еле руль держал. Вся машина была в моей крови. Даже ветровое стекло. А рядом сидел ты, и я не могла оторвать взгляда от твоей щеки. Там был маленький порез, очевидно, после бритья.

Е в г е н и й. Я в то утро очень спешил, порезался.

Ж е л к о в с к а я. Я так и уцепилась за эту ранку. Мне казалось, что тебе так же больно, как и мне.

Е в г е н и й. Мне и было так же больно.

Ж е л к о в с к а я. В кино у меня открылся шов. Рано встала после аппендицита, да и операция была неудачная... И вот в темном зале я почувствовала... Я выбежала из темноты на улицу и кинулась в поток машин. Налетела на желтое такси. Он втащил меня внутрь, прикрикнул на шофера, и мы погнались. (*Евгению.*) Ты и сегодня порезался в том же самом месте.

Е в г е н и й. Но теперь мне не больно.

Ж е л к о в с к а я. Мне тоже.

В е р а В а с и л ь е в н а. Может быть, вы все-таки взглянете на комнату. Я думаю... я просто уверена... она вас не устроит.

Ж е л к о в с к а я. Нет, нет! Не знаю почему, но мне здесь уже нравится. Мы будем здесь жить. Поздравляю вас, мы остаемся.

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Квартира Веры Васильевны. В кухне Вера Васильевна и Желковская готовят закуски. Сейчас кухня не освещена. Высветлена же комната, где живут Евгений и Желковская. В глубине ее наполовину накрытый стол. На переднем плане четверо мужчин — Евгений и его сослуживцы Первый, Второй, Третий.

Второй. Как они арбузы тырили... Пузя придумал. Послали их на овощную базу, а там контроль, проходная, баба в телогрейке со свистком. Так они что — арбузу под плащи сзади запихали, как горбы, и идут. Баба в ватнике их пропустила, потом посмотрела так жалостливо вслед, вздохнула и говорит: «Каких работать присылают...»

Третий (Евгению). Ну, ты новоселье устроил!..

Первый. Я так понял, что свадьба.

Евгений. Какое новоселье? Какая свадьба?.. Уже живем четыре месяца.

Первый. Все равно, мы тут ни разу не были.

Второй. А ты правильно сделал, что Желковскую с работы снял. Если с женой трубишь в одной шараге, нет смысла видеться по вечерам.

Третий. У нас сосед умер, так ему на работе кладбище пробили: метро рядом, универсам, бассейн рукой подать... Лежи — не хочу!

Первый. И со старушкой повезло — чистенькая. Дети пойдут — бабушка будет.

Евгений (Первому). Ты ангиной давно болел?

Первый. Третьего дня выписался.

Второй. Женька прав. За этой старушкой еще как приударить можно.

Евгений. Что, тем больше нет?

Третий. Есть! Стою я как-то за бутылкой. В субботу дело было. Впереди меня два мужика. Один другого спрашивает: «Сколько брать будем — одну или две?» А дело, заметьте, в субботу было. А тот отвечает: «Конечно, две... на сегодня. И две на завтра...»

Евгений. Вот интересно — тогда в курилке мы так же стояли. Ты — первый, ты — второй, тут — третий, а здесь я. В том же порядке.

Второй. И снова ждем.

Евгений. Чего?

Третий. Когда ты нам аперитив предложишь!

Евгений. Ах, это!.. Прошу!

Мужчины устремляются к столу. Комната погружается в темноту. Высветляется кухня. Там женщины продолжают готовить еду.

Желковская. Никогда не могла ничего разрезать пополам. Батон режу, яблоко — всегда одна половина больше, другая меньше.

Вера Васильевна. Тряпки я обожаю, а к зонтам холодна. Мне все равно, какой. Хоть наш черный за двенадцать рэ. Потому что зонт не имеет хозяина. Кто его нашел, тот и владеет. Я не люблю эти складные — пока его наладишь, вся вымокнешь. А этот наш за двенадцать рэ я раскрываю и иду.

Желковская. У нас еще на старой квартире, мне лет семь было, соседка, Валя Караваева, сшила себе юбку, «банан» называлась. Все тогда носили. Из таких разноцветных кривых клиньев, по форме как большие бананы. Юбка длинная, до полу. Ух, Валя ходила!.. Клин желтый, клин черный... «Современная девушка должна быть всегда на вывихе», — говорила Валя Караваева. Я в нее была влюблена. Она была всегда на вывихе. Клин желтый, клин черный! Юбка винтом вокруг ног завивается. Я всему в ней подражала, даже тому, как она слово «банан» произносит. Она употребляла это слово по любому поводу: «Ба-а-а-нан!» Она так тянула «ба-а-а-а...», а потом коротко и небрежно бросала «нан». «Ба-а-а-нан!» И это слово у нее имело массу значений — от «да» до «нет». И все, что между. «Ба-а-а-нан!»

Вера Васильевна. Банан.

Желковская. Нет, у вас фрукт получается. Тут все дело в интонации. «Ба-а-а-нан». «Ба-а-а...» и коротко «нан».

Вера Васильевна. Ба-анан... Нет, этим мне уже не овладеть.

Желковская. Ничего, ничего! Уже выходит.

Вера Васильевна. Ба-а-анан.

Желковская. Хорошо! Почему вы живете одна?

Вера Васильевна. Банан.

Желковская. Не может быть, чтобы у вас никого не было!

Вера Васильевна. Был.

Желковская. Он умер?

Вера Васильевна. Нет.

Желковская. Женился на другой?

Вера Васильевна. Да.

Желковская. Давно?

Вера Васильевна. Не очень.

Желковская. И что же вы?

Вера Васильевна. Ничего.

Желковская. Я вам завидую.

Вера Васильевна. Мне?! Интересно!

Желковская. Терпеть не могу слово «муж». Да и «жена» не лучше.

Вера Васильевна. А как же называть?

Желковская. Что?

Вера Васильевна. Ну, вот... это.

Желковская. Никак. Жить вместе, пока живет-ся,— и все.

Вера Васильевна. У Евгения все нормально на работе?

Желковская (*в сторону комнаты, где сейчас у стола стоят мужчины*). О, эти его сослуживцы, эти трое — я их обожаю,— бесполезные ребята.

В кухню заглядывает Евгений.

Евгений. Девочки, скоро? Кусать хосеса!

Желковская. Сколько себя помню, приходишь домой, мать у плиты: «Есть будешь?» А я нарочно бутербродов где-нибудь нахватаюсь. «Нет,— говорю,— съта». Что с ней делалось!..

Вера Васильевна (*Евгению*). Она режет лук и не плачет.

Желковская. Наоборот. Мне смешно. Я и лук — думала, никогда не встретимся.

Евгений. А у меня уже потекли слезы.

Вера Васильевна. Надо быстренько промыть холодной водой.

Евгений. Нет. Пусть текут. Мне приятно.

Желковская (*подходя к Евгению*). О чем ты плачешь, дорогой?

Вера Васильевна. Он тебя любит.

Желковская. Раньше я встречалась с кем-нибудь — все нормально. Как только почувствовала влюбленность, так — раз! — и линияла. А теперь медлю... Он красивый, когда плачет.

В е р а В а с и л ь е в н а. Режь ему почаще лук — вот и проживете счастливо.

Е в г е н и й. Как-то я задушил кролика. В детстве. Взял у соседа поиграть трех маленьких кроликов, вынес во двор, на траву. И вот один, трехцветный, как котенок... Я их положил на траву, а этот побежал, я ему хотел преградить путь, а он прямо под колено. Только что был живой и вдруг — трехцветный меховой мешочек. Вот живой, а вот мертвый... Все были обычные серые, и только он один был пестрый. Я и сейчас чувствую, как под моим коленом что-то дернулось и стало мягким...

Ж е л к о в с к а я. Смотрите, первый раз разрежала яйцо ровно пополам!

Кухня затемняется. Снова освещается комната. Там П е р в ы й, В т о р о й, Т р е т и й.

П е р в ы й. Как думаешь, Карась и шеф вместе придут?

Т р е т и й. Какая разница?

П е р в ы й. Большая!

В т о р о й. В соседней шараге один сослуживец другому по морде дал. Ну, товарищеский суд. Присудили пострадавшему 150 рублей, чтобы тот, который ударил, выплатил за оскорбление личности. Так теперь тот, который получил, ходит, всем грубит, пристаёт, на неприятности нарываётся. «Две пощечины в месяц, — говорит, — жить можно!»

Т р е т и й. Тут я решил себе зуб вставить золотой. Взял свою золотую медаль — я школу с отличием окончил — и пошел к протезисту. Тот, старичок такой, посмотрел мою медальку и говорит: «Вы хотите иметь зеленый зуб?»

П е р в ы й. Нет, нельзя в наши годы круто жизнь менять. К пятидесяти все должно быть накатано. Как в фигурном катании.

В т о р о й. С женой?

П е р в ы й. Не только. С работой. С друзьями. С детьми. С деньгами тоже.

В т о р о й. А я фигурное катание не люблю. Сliš-

ком красиво. Я борьбу люблю. Мужики кряхтят, потеют, друг друга за ляжки хватают, а я сижу у телевизора и думаю: «Дураки!»

Появляется Евгений. Ставит на стол миску с салатом.

Евгений. Сейчас шеф явится, Карась приплывет — и сядем.

Второй. А если они вместе?..

Вера Васильевна и Желковская приносят из кухни закуски, хлеб.

Евгений. У меня предложение — садиться!

Вера Васильевна. А начальник? Начальника надо подождать.

Евгений. Не надо. Покажем ему, что в этом доме он гость, не больше.

Второй. Что-то ты расхрабрился.

Евгений. А я сейчас такой!

Желковская. Какой?

Евгений. Покажи мне свою жену, и я скажу, кто ты!

Желковская. Ну.

Евгений. Что ну?

Желковская. Покажи.

Евгений (*цирковой жест в сторону Желковской*). Ап!

Вера Васильевна выходит.

Желковская. Что-то я ничего не понимаю.

Евгений. А чего тут понимать?

Желковская (*в сторону троих*). Компотик на запивочку пойдет?

Второй. Холодненький!

Желковская (*Евгению*). Ты сам по себе, я сама по себе.

Евгений. А вместе?

Желковская. А вместе мы нечто третье.

Евгений (*в сторону троих*). Легкая разминка перед началом долгой семейной жизни. Клуб веселых и находчивых.

Третий. «И с ними была, и с ними пила Джейн Оловянная Ложка!»

Желковская (*Евгению*). Не пристегивай меня к своей старой жизни. Отстегни.

Евгений. Ради нее я сжег корабли, а она кусается. Справедливо?

Желковская. Тебе со мной плохо?

Евгений. Хорошо.

Желковская. Так почему же «ради нее»? Ради себя!

Евгений. А как тебе со мной?

Желковская. Банан.

Евгений. Банан — «да» или банан — «нет»?

Желковская. «Мне снилось, ангел спал со мной и сделал девушкой меня».

Третий. Интересные стишата!

Второй. Сама придумала?

Желковская. Подружка в школе написала и сдала вместо классного сочинения. Тема сочинения вполне невинная: «Как я провела лето». Но был скандал.

Евгений. Только что на кухне ты была другой...

Желковская. Ты просишь сочувствия?

Евгений. Нет. Понимания.

Желковская. Плюнь на меня! Ты взрослый мужчина, а я девчонка. Плюнь на меня! Зачем тебе мое понимание?

Евгений. Но я заслуживаю и сочувствия. Именно потому, что я взрослый мужчина, а ты девчонка. Я раньше умру.

Желковская. О, тогда тебе надо было жениться на Вере Васильевне!

Евгений. Заткнись, дура!

Желковская. Вот теперь он мне нравится!

Евгений. Прости...

Желковская. Все испортил.

Звонок в дверь.

Голос Веры Васильевны (из прихожей): «Евгений, к вам пришли!»
В комнату входит Фетисов. За ним — Карасев.

Второй. Ну, наконец!

Третий. Полный комплект!

Первый. Желудок плачет.

Фетисов. Еле нашли.

Карасев. Я, балда, записал: дом семь дробь девять — а он девять дробь семь. Ну, забрался!..

Евгений. Зато вечером, если после работы

доползаю, день как бритвой отрезается. Другая планета!

Второй. Не волнуйся, мы тебя и здесь достанем!

Евгений. Бутылку для друзей всегда держу.

Третий. Бутылку!.. Да к тебе только в одну сторону бутылка на такси. А еще обратно!

Евгений. Обратно — автобусом.

Третий. Нет, автобусом нельзя. В автобусе все выветривается. Приезжаешь домой — и вроде не пил. Какой смысл?..

Фетисов. Воздух тут золотой, как в деревне.

Карасев. А эта женщина, нам дверь открыла, это хозяйка?

Евгений. За стол! За стол! За стол! (*В сторону двери.*) Пани Желковская!..

Фетисов. Погодите. Может быть, стол не понадобится...

Первый. Желудок рыдает!

Фетисов (*Евгению*). Перед вами — ваш враг.

Евгений. Тогда прошу на почетное место, в президиум!

Фетисов. Вы ноль, самозванец, бездарь, пустой стручок.

В комнату заглядывает Желковская.

Желковская (*Евгению*). Шеф, вызывали?

Евгений. У нас сегодня картошка будет жареная или вареная?

Желковская. Уже булькает. Десять минут потерпите?

Евгений. Не больше.

Желковская. Ба-а-а-нан! (*Скрывается.*)

Фетисов. У вас еще не пропало желание пригласить нас за стол?

Евгений. Впрочем, если кто хочет жареную, можем переиграть.

Фетисов. Мы сегодня проверили вашу разработку. То, чем вы занимались в последнее время.

Евгений. Сегодня же суббота, нерабочий день...

Фетисов. Там грубейшая ошибка в самом начале.

Евгений. Отдыхали бы лучше.

Фетисов. Вы давно читали, что написано на рубле?

Евгений. Я мало читаю в последнее время.

Фетисов (в сторону троих). Дайте рубль!

Первый и Третий протягивают Фетисову по рублю. У Второго в руках трешка.

(Вдруг кричит на Второго.) Я просил рубль!

Второй. По рублю нынче мало.

Фетисов. Впрочем, и на трешке то же самое. (Берет у Второго три рубля, читает.) «Государственные билеты обеспечиваются всем достоянием СССР». Понимаете? Обеспечиваются. У меня в руках сейчас бумажка, а где-то в банке лежит золото, которое ее обеспечивает. А в вашем банке...

Евгений. В моем ящике стола. Зачем вы полезли в чужой стол?

Фетисов. А в вашем банке мы вместо золота обнаружили труху, тряпки, утиль.

Евгений. Я разрабатываю свое решение.

Фетисов. Решение?! Оно рассыпается, как только его тронешь.

Евгений. Дождитесь результата, тогда все поймете.

Фетисов. Уже сейчас все ясно.

Евгений. Что вам ясно? Что вам может быть ясно?!

Фетисов. Да, мне далеко за шестьдесят, да, я сделал скромную карьеру, невысоко скакнул. Это так. Но я всегда жил на то, что было обеспечено золотом в моем банке. Вы думаете, тогда, четыре месяца назад, вы бросили вызов нам? Вы бросили вызов себе! Сумеете или нет? И то, что вас съели,— это нормально. Вот чтобы не съели, надо было постараться. В вас поверили, на вас поставили, а это обязывает. С вас спрос. Закрепитесь, углубитесь и только, когда будете полностью уверены, двигайтесь дальше. Я полжизни потратил на закрепление и поэтому сейчас заведу лишь сектором. Но я предпочитаю мой путь вашему. Мне никто не может сказать то, что я сказал вам сегодня. Вы рванули с щенячьим визгом и на первой же странице допустили ошибку...

Евгений. На восьмой.

Фетисов. ...которая повела весь ход мысли в сторону ложного решения.

Евгений. Я говорю, на восьмой.

Фетисов. Что?.. При чем тут восемь?..

Евгений. В сторону ложного решения я поворачиваю на восьмой странице.

Фетисов. Не понял...

Карасев (*заглядывая в папку, которую он принес с собой*). Да... точно... на восьмой.

Фетисов (*Евгению*). И вы это знали?!

Евгений. Это мой метод.

Фетисов. Метод?.. Ошибка — метод? Ошибка, за которую не ставят зачет третьекурснику... Почему вы не остановились вовремя? Почему столько времени занимали людей ерундой?..

Евгений. Потому что... Потому что не надо совать свой нос в чужое незаконченное дело! Какого черта?.. Ждите, пока вас пригласят посмотреть результат. Имейте покой. Что у вас, гвоздь в заднице?!

Фетисов. Я вас понял. Вам мало повышения по службе, прибавки к зарплате — вам еще в гении захотелось. В Лобачевские. Параллельные пересекаются! Вам хочется унижить меня (*на Карасева*), его, своего товарища...

Евгений. Пока что товарищ унижает меня.

Карасев. Да, это я первый подал мысль проверить тебя в середине твоей работы.

Фетисов. Он говорит неправду.

Евгений. Молодец Карась! Проснулся.

Карасев. За тебя все равно отвечаем мы, сектор. Мы должны были знать, чем ты занимаешься.

Евгений. Значит, все-таки раскачался. Раскачал я тебя. Что чувствуешь сейчас?

Карасев. Да так... Мало впечатляет.

Евгений. Неплохой тараканчик у тебя получился.

Карасев. Старался.

Фетисов (*Карасеву*). Почему вам обязательно хочется выглядеть негодяем?

Карасев (*Евгению*). Ты мне веришь?

Евгений (*всем*). Да, это штучки Карасева. Это его стилёк.

Карасев. Спасибо, старик.

Евгений (*кричит вдруг в сторону двери*). Вера!!!

Появляется Вера Васильевна. В руках у нее большая кастрюля с дымящейся картошкой. За спиной Веры Васильевны — Желковская.

В е р а В а с и л ь е в н а. Картошка приехала!
Е в г е н и й (*Вере Васильевне*). Ты опоздала. Они
меня уже съели.

В е р а В а с и л ь е в н а. Женька, не дрейфь, мы
с тобой!

Ж е л к о в с к а я. С каких пор вы на «ты»?

Е в г е н и й. С детства!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Бывшая квартира Евгения. На столе, стоящем посредине комнаты, небольшой деревянный станок-пресс. С помощью его К а т я переплетает книги. Сейчас она занята именно этим делом. Е в г е н и й сидит напротив на диване.

Е в г е н и й. Ты можешь отвлечься хоть на секунду?!

К а т я. Говори, говори... Я слушаю. В этой операции нельзя останавливаться — клей стынет, листы сдвигаются... Кропотливая работа.

Е в г е н и й. Дурацкое занятие! Особенно для женщины.

К а т я. Не скажи. Тут нужен тонкий вкус. Я делаю ситецвые обложки в цветочек или в клеточку.

Е в г е н и й. Чушь какая-то!..

К а т я. Но ситец сейчас доставать все труднее.

Е в г е н и й. Как только ты всем этим овладела?

К а т я. Научил один человек.

Е в г е н и й. Человек?

К а т я. Да. Один.

Е в г е н и й. Так. И ему нравится, что от тебя пахнет клеєм?

К а т я. Ты зачем пришел?

Е в г е н и й. Что, нельзя? Тут живет мой сын!

К а т я. Сейчас, одну секунду посиди спокойно. Очень важный момент...

Е в г е н и й. А, черт возьми!..

К а т я. Ну вот. Кромку испортила. Ты не можешь не кричать?

Е в г е н и й. Во что ты превратила дом!

К а т я. А тебе какое дело? Это мой дом, во что хочу, в то и превращаю.

Е в г е н и й. А ты быстренько приспособилась. Я до сих пор не могу привыкнуть, а ты быстренько приспособилась.

собилась. Книжечки переплетаешь... Вон обложки какие красивые!

К а т я. Это из моего старого платья.

Е в г е н и й. Я смотрю, что-то знакомое...

К а т я. Я в нем в Гульрипши ездила. Помнишь? Тогда были модны ситцевые платья на нижних юбках. Фестивальный фасон.

Е в г е н и й. Ты знаешь, у меня, кажется, ничего не получается с моей новой жизнью.

К а т я. Еще назывались эти юбки «колокол». Брижит Бардо ходила в такой.

Е в г е н и й. Она похожа на нашего сына. Никак не найду контакт.

К а т я. А ты познакомь ее с ним! Может быть, у него получится то, что не получается у тебя.

Е в г е н и й. Что ты мне говоришь?!

К а т я. А ты мне что говоришь! Почему я должна копаться в твоей личной жизни? Будешь приходить сюда и плакаться? Держи карман шире!

Е в г е н и й (*у стола*). А клей ты сама варишь?

К а т я. Сама. Я сказала, тут много женской работы.

Е в г е н и й. Дай помогу. Чтобы обрезать кромку, нужна все-таки рука мужская. (*Берет из Катиных рук нож.*)

По ходу дела Катя учит его незнакомому ремеслу.

К а т я. Так... Сначала выровняй листы... Тут надо сразу подрезать... Ровнее... раз!.. хорошо...

Е в г е н и й. Погоди. Я все понял.

К а т я. Не спеши...

Е в г е н и й. А что мы переплетаем?

К а т я. «Приключения Весли Джексона». Как тогда из «Иностранки» вырвали, так на антресолях валялись.

Е в г е н и й. Ух, тогда был шлягер!.. Давно не перечитывал.

К а т я. Вот сейчас переплету и буду читать.

Е в г е н и й. Дашь потом?

К а т я. Можешь сегодня взять. Тут немного осталось.

Е в г е н и й. Сароян умер.

К а т я. У него были роскошные усы на фотографии.

Е в г е н и й. Если не хочешь, мы больше не будем говорить обо мне.

К а т я. Да ладно... Мы свои люди. Ну так что у тебя там?

Евгений. Я уже все сказал.

Катя. Хочешь, дам совет? Поезжай с ней в Гульрипши. Сними домик у моря, сейчас не сезон. Там разберется.

Евгений. Почему именно в Гульрипши?

Катя. Там хорошо...

Евгений. А ты змея!

Катя. Можешь и в другое место. В Прибалтику. В Прибалтике сейчас тоже свободно.

Евгений. Нет, нет, ты сказала, в Гульрипши! А знаешь почему? Потому что там ты ее добьешь. Ты встретишься с ней на равных и добьешь! Ведь когда мы были с тобой в Гульрипши, тебе было столько лет, сколько ей сейчас. Вот ты, восемнадцатилетняя, и добьешь там ее, восемнадцатилетнюю.

Катя (*о книге, которую переплетает Евгений*). Дай мне. Теперь ты не сможешь. Тут нужен опыт. Помешай клей лучше.

Евгений. Ты себе ломаешь глаза. Как ты в такой темноте работаешь?

Катя. Две лампочки в люстре перегорели. Все забываю купить.

Евгений. Пузя где-то оторвал такую люстру югославскую — можно поднять к потолку, можно опустить к самому полу. Вот что тебе нужно.

Катя. Да. Удобно... Ну вот. Последний штрих... и книжечка готова. Подсохнет — можешь брать. Весли Джексон.

Евгений (*рассматривая обложку*). Красивое у тебя платье было... И шло тебе.

Слышен звонок в дверь.

Катя. Кто бы это мог быть?..

Евгений. Да, кто?

Катя. У Юры ключи... (*Идет открывать. Возвращается. Смущена.*)

Пришел Карасев. Секунду он и Евгений молча смотрят друг на друга. Затем Евгений восклицает...

Евгений. А-а-а!.. Переплетчик!

Карасев. Привет.

Евгений. Не знал за тобой такие таланты!

Катя. Прекрати!

Евгений. Не ожидал, старик, не ожидал! Я уж

думал, ты завязал с этим делом. А ты еще ого-го! И давно вы переплетаете?

К а т я. Идиот!.. Карась, не обращай внимания!

Е в г е н и й (*Карасеву*). Я же тебе советовал роман с восьмиклассницей! Для тонуса. А ты на кого упал? Она же этой восьмикласснице в матери годится!

Катя хватает со стола только что переплетенную книгу и швыряет ее в Евгения. Евгений увертывается, книга пролетает мимо.

(*Поднимает книгу с пола.*) Еще не высохла... (Кате.) Тебе никогда не хватало женственности. Дала бы мне пощечину.

К а р а с е в. Я тут первый раз.

Е в г е н и й. Пощечина — это красиво.

К а р а с е в. Я тут ни разу не был.

Е в г е н и й. Я тоже.

К а р а с е в. С тех пор как ты...

Е в г е н и й. Я тебе сказал, я тоже здесь с тех пор ни разу не был.

К а р а с е в. Да?..

Е в г е н и й. Представь себе.

К а р а с е в. Значит, я все сделал правильно.

Е в г е н и й. Я тебя понял и простил.

К а р а с е в. Ничего ты не понял. Я пришел к Кате. Я хочу ей все рассказать.

Е в г е н и й. Катюха, мне уйти?

К а р а с е в (*Евгению*). Я рад, что ты здесь.

Е в г е н и й. Ладно, Карась, не подводи базу. Держись красиво.

К а р а с е в (*Евгению*). Раньше мы с тобой часто вместе посещали рестораны. Ты знаешь, что я никогда не заглядываю в меню. Я всегда смотрю, что едят другие, и говорю официанту: принесите мне то, то и то, и показываю на разные столики. И мы никогда не прогадывали, верно? А после того разговора в курилке ты — это ты, а я — это я.

Е в г е н и й. И ты решил напомнить мне, что я — это ты.

К а р а с е в. Когда шеф предложил мне вместе с ним проверить твои расчеты, я согласился, потому что мне было интересно, получилось у тебя или нет. Может быть, я бы тогда тоже заказал себе твое блюдо. А если не получилось — ну так мы снова сядем кушать вместе.

Евгений. Значит, мысль проверить меня тайно пришла в голову не тебе?

Карасев. Не мне.

Евгений. Бедняга.

Карасев. Но своего таракана в калейдоскопе я все же показал. Не ты ли меня призывал к этому? Раскачивал? Я раскачался, изменил своему состоянию покоя или равномерного прямолинейного движения. Выкинул номер. Нравится?

Евгений. Молодец.

Карасев. Я рад, что застал тебя здесь.

Евгений. Я еще не здесь!

Карасев. Придешь, Женя, придешь! Куда ты денешься? И все снова станет на свои места. Это я и хотел сказать тебе, Катя. За этим и приходил. До свидания. *(Идет к двери. Но у самого выхода останавливается. Евгению.)* А скажи... вот ошибка эта, на восьмой странице... Она что? Ты ее нарочно?.. Нарочно ошибся?

Евгений. Случайно. Элементарная ошибка. Прокололся. Бывает.

Карасев. Тогда я все сделал правильно. *(Уходит.)*

Некоторое время Евгений и Катя молчат.

Катя. Ты врешь. Ты ошибся не просто так. Ты врешь.

Евгений. Да, Катерина. Не просто так.

Катя. Ты ошибся не случайно.

Евгений. Да, сознательно.

Катя. Ты просто решил прекратить эту историю, не по тебе совершать решительные поступки, бросать вызов, побеждать — и ты решил вернуться в свою старую жизнь.

Евгений. Теперь ошиблась ты.

В прихожей хлопает дверь. Пришел Юра.

Катя. Юра пришел.

Юра. Здравствуйте.

Евгений. Привет!

Юра подходит к столу, берет в руки книгу, переплетенную Катей.

Юра. Корешок кривоватый.

Катя. Она падала.

Юра. Что?

Катя. На пол... Я переделаю.

Ю р а. Не страшно.

Е в г е н и й (Юре). Ах, значит, это ты тот самый один человек!

К а т я (Евгению). Помнишь, у них в школе по труду была специализация — «переплетные работы». Юра восстановил в памяти и научил меня. Станок достал.

Ю р а. Шумерский язык мы не потянули.

Е в г е н и й. Какой язык?

К а т я. Хлеба нет. Спущусь за хлебом. (Сыну.) Потерпишь? (Накидывает плащ, берет сумку. Уходит.)

Е в г е н и й. Ну, как дела?

Ю р а. А у тебя?

Е в г е н и й. С каких пор ты полюбил вопросы?

Ю р а. Неплохо выглядишь. Костюмчик по фигуре.

Е в г е н и й. Слушай, я хотел спросить тебя... Можно?

Ю р а. Можно.

Е в г е н и й. У вас там, в этой артели... ну, помнишь, ты мне рассказывал... где таблички пишут... у вас там не найдется место еще для одного?

Ю р а. Хочешь босиком по газону походить?

Е в г е н и й. Да.

Ю р а. Тебе нельзя.

Е в г е н и й. Почему?

Ю р а. Простудишься.

Е в г е н и й. Сопляк! Я ни разу гриппом не болел! Это ты чуть что — лоб горячий.

Ю р а. Ты опоздал. Я ушел из этой артели.

Е в г е н и й. Ушел?..

Ю р а. Ты требовал, чтобы я порвал с сомнительной компанией и занялся делом, — я порвал.

Е в г е н и й. Жаль...

Ю р а. И занялся делом.

Е в г е н и й. Как все переменялось вокруг!..

Ю р а. А ты что думал? Ты будешь меняться, а все вокруг стоять на своих местах и следить за твоими превращениями?

Е в г е н и й. Ты так хорошо рассказывал про свои таблички... Я поверил.

Ю р а. Пока я сидел у окна и выписывал букву за буквой, а рядом булькал транзистор, голова была свободна и туда пришли две-три мысли.

Е в г е н и й. Про пауков?

Ю р а. Две-три мысли. Хочу попробовать осуществить.

Е в г е н и й. Банан.

Ю р а. Мои ребята, с которыми я учился, там, куда они попали после распределения, с ходу запустили свои гениальные идеи, быстро обожглись, запутались и скисли. И стали никем. Я не собирался всю жизнь писать плакатики. Я просто решил сначала стать никем, уйти в никуда, все обдумать, а уж потом попытаться что-нибудь совершить.

Е в г е н и й. Банан.

Ю р а. «Банан» — это такое слово?

Е в г е н и й. Да.

Ю р а. Раньше ты такого слова не знал.

Е в г е н и й. Хочешь, идею подкину?

Ю р а. Что-то матери долго нету...

Е в г е н и й. К тем двум-трем. Четыре будет.

Ю р а. Паническое чувство голода.

Е в г е н и й. Вот если ты ведешь исследование, разработку какой-то идеи, положим... Ты проходишь ступеньку за ступенькой, этап за этапом, избегая, разумеется, по пути совершать ошибки, неверные ходы. И вот ты приходишь к некоему результату, который тебе кажется единственным, потому что ты все делал верно, безошибочно... А что, если где-то вначале нарочито допустить самую явную и даже элементарную ошибку и вопреки здравому смыслу погнать работу дальше, допуская по пути всевозможные ляпсусы, заходя во все тупики и порочные закоулки, не избегая откровенного абсурда и явной нелепицы. И тем не менее дотянуть до конца, дотащиться до результата, добраться до итога. И тогда перед нами, у нас в руках окажется очень ценный материал. Пусть нелепый, уродливый, чудовищный — но очень ценный! Потому что в этом уродливом итоге твоей работы слились, сплывались, сконцентрировались все неверные ходы, неправильные решения, ошибочные варианты, все заблуждения и пороки. И вот теперь... это самый важный момент... и вот теперь мы поворачиваем ход нашего исследования на сто восемьдесят градусов и начинаем с конца, от результата, от итога, от последней цифры двигаться к началу, разгребая попутно все ошибки, выправляя по ходу все погрешности, выравнивая по дороге все кривые линии наших рассуждений. Как горячим утюгом

проходимся по тем же местам, но в обратном направлении. Разглаживаем, разглаживаем... А потом снова поворачиваем и снова от начала к концу, но теперь это быстро... И вот то, что получится в результате, скажу я тебе, — вот этому я поверю! Не стерильно чистенькому расчистику, результатику с дистиллированной цифиркой в конце, а этому тяжелому, грязному, потному, с кровью проташенному три раза по всей длине итогу. Ты меня понял? Не говоря о том, что по дороге мы изучили механизм ошибки, нюансы заблуждения, психологию греха... Я не хочу сказать, что это универсальный метод, но один раз в жизни каждый человек должен попробовать сделать это. И еще. А вдруг ошибка — и есть решение? Параллельные пересекаются, а дальше все правильно. Ты меня понял? Ты понял меня?!

В этот момент в комнате появляется Катя.

Юра. А вот и мама! Что ты так долго?

Катя. Продащица уходила. В декретный отпуск.

Юра. И ты ждала?

Катя. А что было делать? Она вешала передо мной колхознику восемь кило баранок, и у нее схватки начались. В магазине переполох!.. И мы помогали. Тот колхозник ее на своем газике в больницу отвез. Потом вернулся за своими баранками. Живот небольшой, но я думаю, мальчик будет.

Юра (отцу). Я тебя понял.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Курилка учреждения, где работает Евгений со своими сослуживцами. Они стоят и курят — Евгений, Первый, Второй, Третий.

Евгений. Он пенсионер, но довольно крепкий. А перед уходом на пенсию выбил садовый участок, такой плохонький, прямо у железнодорожной линии, кусок поля — ни дерева, ни кустика, ничего. Он все посадил на этом поле и стал там жить. А солнце палит... И он ночью со станции стащил телефонную будку, там старая стояла, припер ее к себе на участок и днем в ней сидел, от жары спасался. А ночью клал плашмя на землю и спал внутри. Как в гробу.

Молчание. Курят.

Мой брат в прошлом году с женой в ГДР ездил по приглашению. В Берлине было, брат пошел пиво пить, а жена в какой-то магазинчик нырнула. Приходит — открытки купила. «К новому году поздравлять будем». Брат как глянул, так сломался. Он немецкий волокет немножко... Открытки-то с соболезнованиями! Ну, похоронные, по случаю кончины, «Скорбим...» там и так далее. А жена: «Я,— говорит,— увидела: елочка, веточка, свечечка — и закупила по числу родственников». Брат ржет, а она: «Ну, веточка же, свечечка...»

Молчание. Курят.

Помню, когда Кеннеди убили и Жаклин за Онассиса вышла, читал лектор лекцию в одном ЖЭКе. «Вот,— говорит,— их нравы. Первая леди Америки, красавица, муж был красавец, золотая шевелюра, а после его смерти выходит замуж за старика, за грязный денежный мешок...» А старушка уборщица, в дверях стояла, в проходе, вздохнула так: «А я ее понимаю,— говорит,— ей двоих поднять надо было...»

Молчание. Курят.

Не хотите общаться — пожалуйста!

В курилку входит Фетисов. В руках у него бумага. Фетисов подходит вплотную к Евгению.

Фетисов. Или сопите в тряпочку, как все, а уж коли высунулись, дайте хоть на вас полюбоваться. Быстро вы скисли. Чего вы скисли? Вы высунулись, на вас навалились — а как же? Думаете, легко бросать вызов? Вы должны были быть готовы к этому. Боритесь с нами, боритесь! Нормальная ситуация.

Евгений. Я боролся не с начальством, а с судьбой. С ней и буду рассчитываться.

Фетисов. Высокопарно. *(Протягивает Евгению бумагу.)* Ваше заявление. Оно подписано. С двадцать третьего по собственному. *(Поворачивается и выходит из курилки.)*

Евгений швыряет окурки в высокую пепельницу.

Третий *(Евгению)*. Так что ты там про Кеннеди хотел рассказать?

Евгений молчит.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Квартира Веры Васильевны. Кроме хозяйки, никого нет дома. Она на кухне, гладит белье. Вид у нее для этого занятия довольно странный: она в пальто, на голове кокетливая шляпка. В е р а В а с и л ь е в н а гладит мужскую рубашку, несколько выглаженных рубашек уже сложены в стопку. С улицы, открыв дверь своим ключом, входит Ж е л к о в с к а я. Она в пальто, в руках у нее небольшой сверток. Желковская появляется в кухне.

Ж е л к о в с к а я. Чашку купила.

В е р а В а с и л ь е в н а. Глажу белье.

Ж е л к о в с к а я. Пользуйтесь услугами прачечной!

В е р а В а с и л ь е в н а. Я бы тебе не советовала.

Ж е л к о в с к а я. Почему? *(Разворачивает сверток.)* В чашку входит два с половиной стакана воды. Гигант отечественного посудостроения.

В е р а В а с и л ь е в н а. Давно собиралась поговорить с тобой. Воротник мужской рубашки лучше проглаживать не через тряпочку, а через бумажку. Берешь белую бумажку и через нее гладишь горячим утюгом. Ровнее выходит.

Ж е л к о в с к а я. Самое обидное, что в прачечной все равно получается лучше.

В е р а В а с и л ь е в н а. Почему ты засмеялась, когда Евгений сказал, что знает меня с детства?

Ж е л к о в с к а я. Потому что я все давно поняла.

В е р а В а с и л ь е в н а. Что ты поняла?.. Да, это смешно.

Ж е л к о в с к а я. Дайте я попробую через бумажку. *(Берет утюг. Гладит.)*

В е р а В а с и л ь е в н а. Ты не представляешь, как это было смешно! Моя мать была его учительницей. И он ходил к нам в дом заниматься. Ну, ты представляешь?..

Ж е л к о в с к а я. А что она преподавала?

В е р а В а с и л ь е в н а. Как что? Литературу. Мы втроем пили чай и беседовали о Лермонтове. И мать ни о чем не догадывалась.

Ж е л к о в с к а я. Больше тройки у меня по литературе никогда не было.

В е р а В а с и л ь е в н а. Когда мама умерла — ей было восемьдесят четыре, — я поехала на Птичий рынок и накупила кучу всякой живности: котенка, щенка, черепаху, двух щеглов, рыбок прямо в аквариуме... А потом у меня все это куда-то разбежалось, расплоз-

лось... Рыбки передохли. «Неон» назывались. Светились в темноте. Потом вдруг погасли... У меня могла быть такая дочка, как ты.

Желковская. Эта дочь родилась у моих родителей.

Вера Васильевна. А может, был бы мальчик...

Желковская. Я с родителями дома-то почти не жила. Ночевала у подруг. Я так думала: была бы у меня своя квартира однокомнатная, но только моя,— я могла бы жить дома с папой-мамой. Они у меня, в общем, ничего. А если утром уходишь, а вечером опять обязательно надо в это же место возвращаться — вот тут банан и начинается.

Вера Васильевна. Значит, если бы у тебя была своя квартира, тебе Евгений был бы не нужен?

Желковская. Нет. Тогда бы он просто переехал ко мне. А я бы жила с папой-мамой. Шутка.

Вера Васильевна (*про книгу, которая лежит на столе*). Незадолго до смерти мама вдруг сказала: «Появится Евгений, передай ему эту книгу».

Желковская. А вы говорили, не догадывалась.

Вера Васильевна. Думаешь?

Желковская. Как называется?

Вера Васильевна. «Восемьдесят лет боевой и мирной жизни 20-й артиллерийской бригады». Издание 1886 года. Город Тифлис.

Желковская. Ну вот.

Вера Васильевна. Что?

Желковская. Антиквариат.

Вера Васильевна. В этой бригаде служил Лермонтов. Мать случайно на рынке купила в эвакуации.

Желковская. Я в двенадцать лет «Мастера и Маргариту» прочитала. А сейчас «Винни-Пухом» увлекаюсь, «Мэри Поппинс», «Карлсон»... А с Лермонтовым у меня никогда контакта не было.

Вера Васильевна. Если бы ты училась у моей мамы...

Желковская. Никогда не могла понять разницу между героем нашего времени и лишним человеком.

Вера Васильевна. А это одно и то же.

Желковская. Так учила ваша мама?

Вера Васильевна. Ты не имеешь права! Ты

ее не знала! У тебя тройка по литературе! Стыд! Молодая девушка! Троечница! Не любить Лермонтова! Ты изверг!.. Изверг!..

Желковская. Успокойтесь!

Вера Васильевна. Не трогай мою мать!..

Желковская. Выпейте воды.

Вера Васильевна (*успокаиваясь*). Извини.

Желковская (*рассматривая книгу*). Ценная книга.

Вера Васильевна. Тройка — тоже отметка. Мама любила троечников. Говорила: они крепче.

Желковская. Но и двойки я тоже ни разу не схватила.

Вера Васильевна. Знаешь, когда он первый раз пригласил меня в кино, мне тоже смешно стало. Думала, дожила. Ну а когда еще билеты на последний ряд оказались, тут я просто чуть не расхохоталась. Пришли сидим. А он смотрит кино одним глазом. Нет, буквально: один глаз закрыл, другим на экран смотрит. «Адмирал Ушаков» шло.

Желковская. Нахимов.

Вера Васильевна. Ушаков.

Желковская. Нахимов с одним глазом.

Вера Васильевна. Я его спрашиваю: «Ты почему один глаз закрыл?» Я тогда еще с ним на «ты» была... У нас так — сначала я ему «ты», он мне «вы», потом наоборот — он мне «ты», а я ему «вы»... Потом уж окончательно запутались... «Ты почему один глаз закрыл?» — спрашиваю.

Желковская. Для стереоэффекта.

Вера Васильевна. А ты откуда знаешь?

Желковская. Кино снимают киноаппаратом. Одним объективом, как бы одним глазом, поэтому и смотреть на экран надо тоже одним глазом. Возникает иллюзия стереоскопии.

Вера Васильевна. Я смотрела кино, как курица, профилем.

Желковская. В кинотеатре повторного фильма крутили вашего «Адмирала», он меня потащил, сидели на последнем ряду, и он заставлял меня закрывать один глаз.

Вера Васильевна. Ну и что?

Желковская. Что — что?

Вера Васильевна. Как тебе фильм?

Желковская. Никакого стереоэффекта!

Вера Васильевна. Точно!

Желковская. Хоть правый закрой, хоть левый.

Вера Васильевна. Хоть оба!

Желковская. Банан!

Вера Васильевна. Но я смотрела левым и делала вид, что пушка с экрана едет на меня. Ой, боюсь!..

Желковская. А я ему сразу сказала.

Вера Васильевна. Зря.

Желковская. Ну все же плоско! Плоско все!

Вера Васильевна. Нет, кое-что было.

Желковская. Почему вы в пальто?

Вера Васильевна. Ты тоже одета.

Желковская. Я с улицы. Расстегнитесь хотя бы. Здесь тепло. Шляпку-то можно снять.

Вера Васильевна. Ты хочешь сказать, что она мне не идет?

Желковская. Идет, почему же.

Вера Васильевна. А тебе надо носить косынки. Повязала на голову и пошла. У меня есть подруга, она косынки расписывает. Я тебе одну подарю — уникальную. Тоже дочка учительницы.

Желковская. Тоже литературы?

Вера Васильевна. Нет, пани Желковская, химии. У нее что-то с вестибулярным аппаратом. С детства. Она ни на чем ездить не может — ни на поезде, ни на автомобиле... Когда по телевизору море показывают, она сидит в своем кресле и нюхает соленую воду с йодом.

Желковская. «Белеет парус одинокий в тумане моря голубом...»

Вера Васильевна. Вот я к ней и перееду. Где что на кухне ты знаешь. Кран на ночь надо завязывать тряпкой. Он иногда начинает течь сам по себе и может разбудить. Тряпкой обмотать — и конец в раковину. Вода бесшумно стекает вниз. У вас будет своя квартира.

Желковская. Я ничего не понимаю, что вы мне тут говорите.

Вера Васильевна. Вот мой чемодан. Я его уложила с утра. Только, решила, рубашки поглажу... Мне там будет хорошо.

Желковская идет к себе в комнату и сразу же появляется оттуда с чемоданом. Ставит его рядом с чемоданом Веры Васильевны.

Некоторое время на сцене тишина.

Вера Васильевна. Тебе опять смешно?

Желковская. «Молодая одинокая женщина снимет квартиру на длительный срок. Лет на шесть, на семь». Мне больше не нужно.

Вера Васильевна. Я тебе ее сдаю. Я сдаю тебе ее, понимаешь. На сто лет!

Желковская. Мне она не подходит. Мне нужна неудобная однокомнатная, с совмещенным санузлом, без холла и балкона, с маленькой кухней. Чтобы второй человек в ней просто не помещался.

Вера Васильевна. Но мы не можем уйти сразу обе. У него нет ключа.

Желковская. Положим под коврик.

Вера Васильевна. Это опасно. Сейчас по подъездам ходят разные люди и заглядывают под коврик.

Желковская. Можно оставить у соседей.

Вера Васильевна. Ты знаешь, там большое профессорское жилище, библиотека шикарная от родителей осталась — «Брокгауз и Ефрон», «История государства Российского», Мережковский... Вот, говорят, если быть все время среди молодежи, сам молодеешь. А нет! Ты же все время видишь разницу — твое лицо и их лица, фигура, походка, голос... Не жизнь, а сплошная диаграмма. А с ровесниками легко. Стареем вместе! Нога в ногу! Миллиметр в миллиметр! У тебя морщина — у меня морщина, у тебя хондроз — у меня скелетоз, у тебя инфаркт — и у меня тоже что-нибудь веселенькое... Но мы помним друг друга молодыми и до самой смерти называем себя девочками. Вот и будет у нас детский сад! Ты что, против?

Желковская. Нет.

Вера Васильевна. Я уже в пальто. Мой чемодан ближе к двери. Я машину заказала. Номер 28-03. Остаешься?

Желковская. Да.

Вера Васильевна. Вот и хорошо. Я исчезаю. *(Подхватывает свой чемодан, идет к двери.)*

Желковская. Вы мне обещали косынку подарить.

Вера Васильевна. А, да! Расписана по рисунку Шагала. Мама одно время жила в Витебске и знала их всех. Только мне надо ее найти... У тебя одной такая будет. Но условие — не держи ее в шкафу. Повязала на голову и иди. Поняла?

Желковская. Да. Теперь я буду носить только косынки.

Вера Васильевна. Молодец! *(Оставив свой чемодан у порога, идет в свою комнату.)*

Желковская быстро пишет что-то на листе бумаги, через который Вера Васильевна гладила рубашки, сворачивает листок и кладет его возле чашки. Затем встает, берет свой чемодан и быстро выходит из квартиры.

Некоторое время сцена пуста. Из своей комнаты выходит Вера Васильевна. В руках у нее косынка. Вера Васильевна видит, что в комнате никого нет. Опускается на стул.

Вера дура. *(Сидит с косынкой в руке.)*

Звонок в дверь. Вера Васильевна еще немного посидела и пошла открывать. Это Евгений. С большой коробкой в руках. Ставит коробку у двери.

Чаю хочешь?

Евгений. Нет, я поел.

Они одновременно снимают пальто и вешают их на вешалку.

Вера Васильевна. Сейчас по-быстрому что-нибудь приготовлю.

Евгений. Пить хочется.

Вера Васильевна. Посиди.

Евгений. Я ноги вытер.

Проходят на кухню. Садятся у стола.

Целый день на ногах.

Вера Васильевна. Записка. Тебе.

Евгений. Ушла?

Вера Васильевна. Вышла.

Евгений. Ушла.

Вера Васильевна. Да.

Евгений. Я знаю.

Вера Васильевна. Откуда?

Евгений. Я знал. *(Берет в руки записку. Разворачивает.)* Пора очки выписывать. Дальнотзорность.

Вера Васильевна. Попробуй мои.

Евгений. Я уже прочел.

Вера Васильевна. Обязательно выпиши очки. Не затягивай.

Евгений. Что за книга?

Вера Васильевна. Тоже тебе.

Евгений. «Восемьдесят лет боевой и мирной жизни 20-й артиллерийской бригады».

В е р а В а с и л ь е в н а. «Появится Евгений, передай».

Е в г е н и й. Библиографическая редкость.

В е р а В а с и л ь е в н а. Тысяча восемьсот восемьдесят шестой год.

Е в г е н и й. У меня появилась возможность переплести книги.

В е р а В а с и л ь е в н а. Эту не надо.

Е в г е н и й. Почему?

В е р а В а с и л ь е в н а. Старые книги нельзя переплести. Исчезнет аромат времени.

Е в г е н и й (*читает записку*). «Я превратилась в чашку. Можешь попить из меня чайку».

Вера Васильевна встает.

Ты куда?

В е р а В а с и л ь е в н а. Воду греть поставлю.

Е в г е н и й. На что купился! Фу, болван! На молоденькую клюнул. На дешевенький крючок попался! И что я в ней нашел? Пустота! Одна оболочка. Фуфло! Какая глупость!.. У нее в жилах не кровь, а пепси-кола, температура плюс четыре градуса. Фашистка!..

В е р а В а с и л ь е в н а. Не смей!

Е в г е н и й. Нет, надо им нос натянуть! Нос натянуть! Все они такие. И мой сын. Напускают философии, а сами пыли не стоят.

В е р а В а с и л ь е в н а. Замолчи!

Е в г е н и й. А тебе что?

В е р а В а с и л ь е в н а. Не смей говорить о ней плохо! Ты ее любил.

Е в г е н и й. Я ее любил?! Я ее... знаешь, как это называется?

В е р а В а с и л ь е в н а. Я кину в тебя чашкой.

Е в г е н и й. Давай, давай! Эту чашку надо разбить о мою голову.

В е р а В а с и л ь е в н а. Ты ее не достоин!

Е в г е н и й. Чего ты ее защищаешь? Она же над тобой смеялась!

В е р а В а с и л ь е в н а. И правильно делала. Она естественный человек. Ей смешно — она смеется. А ты старик. Старик! Понял? Ты же старше меня. Мама моя в восемьдесят четыре года зарядку делала. В день смерти она с утра выполнила несколько упражнений. Ты почему зарядку не делаешь? Ногами шаркаешь, плечи

сутулые... И не смей мне книгу переплетать! Слышишь! Не смей! На ней пыль времени! Только идиоты может прийти в голову переплести такую книгу! Да ты у меня ее и не получишь! Сожгу, завещание нарушу!.. Шаркай отсюда! Тюфяк сутулый.

Евгений. А неплохая чашечка. Пожалуй, я заберу ее с собой. Сюда стакана два влезет.

Вера Васильевна. С половиной.

Евгений. Я решил вернуться к жене.

Вера Васильевна. В эту чашку влезает два с половиной стакана.

Евгений. Она моя ровесница. С ней поговорить можно.

Вера Васильевна. Понимаю.

Евгений. Можно, конечно, искать истину методом ошибок и неправильных ходов... Но это кусок жизни. Не отрежешь.

Вера Васильевна. Понимаю.

Евгений. Поедем с ней в Гульрипши. Как ушел, у них лампочки в люстре перегорели, сидят в темноте.

Вера Васильевна. А сын?

Евгений. Что сын?

Вера Васильевна. Вкрутить лампочку.

Евгений. Настроения нет. Понимаешь?

Вера Васильевна. Понимаю.

Евгений. Я новую лампу достал. Вернее, абажур. Ну, все вместе. Югославская.

Вера Васильевна. Там, в коробке?

Евгений. У двери. Можно поднимать к потолку, можно опускать до самого пола. Один товарищ с работы помог.

Вера Васильевна. Из тех троих?

Евгений. Нет. Он четвертый. У него смешное прозвище. Пузя. Ну, толстый. Ты не представляешь, какой толстый. Его живот... как второй человек. Отдельное существо. Понимаешь?

Вера Васильевна. Понимаю. Что это я заладила как попугай: понимаю, понимаю... Понятливая.

Евгений. Он не у нас работает. Собственно, теперь у нас... То есть теперь я у него буду. Перейду. Не очень мне по специальности, но там все четко. Интересно, почему, когда человека увольняют, пишут в приказе «По собственному желанию»? А когда принимают на работу, эта формулировка отсутствует?.. В общем, наша

пани Желковская может без помех возвращаться на прежнее место. Ей там нравилось. Теперь препятствий нет.

Вера Васильевна (*читает записку Желковской*). «Я превратилась в чашку...»

Евгений. Это идея! Ставь чайник. Конфеток шоколадных у нас не осталось? Очень хочется конфету. Я умру, если сейчас не съем конфету!

Вера Васильевна. Ириски будешь?

Евгений. Хочешь лампу посмотреть?

Вера Васильевна. Нет.

Евгений. Сильная лампа! (*Идет в прихожую. Возвращается с коробкой.*)

Вера Васильевна. Не надо открывать.

Евгений. Дай ножницы.

Вера Васильевна. Потом будет трудно запаковать...

Евгений. Ты такой не видела! (*Разрезает бечевку на коробке.*)

Вера Васильевна. Я не хочу!..

Евгений. Посмотри, посмотри.

Вера Васильевна. Нет!..

Евгений. Мне надо посоветоваться.

Вера Васильевна. Прошу тебя!..

Евгений. Ты только взгляни.

Вера Васильевна. Нет!!!

Евгений. Одним глазом. (*Открывает коробку. Вынимает оттуда большой шарообразный предмет, затмотанный в цветной платок с бахромой. Сдерживает платок.*)

Перед нами клетка. Внутри на жердочке сидит попугай. Большой, светло-серый, с алым хвостом. Это попугай породы жако. От внезапно хлынувшего в клетку света попугай сначала зажмурился, потом встрепенулся и вдруг заорал: «Вер-р-ра дур-р-ра!.. Вер-р-ра дур-р-ра!..»

Занавес

СОДЕРЖАНИЕ

ОРКЕСТР	3
ПЛОХАЯ КВАРТИРА	23
МОРОЗ	51
КАРТИНА	73
СТРИЖКА	99
ВЗРОСЛАЯ ДОЧЬ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА	117
СЕРСО	173
ПОПУГАЙ ЖАКО	235

*Виктор Иосифович
Славкин*

**ВЗРОСЛАЯ ДОЧЬ
МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА**

Редактор *В. Г. Клименко*
Художественный редактор *М. К. Гуров*
Технический редактор *Р. Я. Соколова*
Корректор *Н. П. Заборнова*

ИБ № 7458

Сдано в набор 19.01.90. Подписано к печати 01.06.90. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офс. № 1. Литературная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 15,12. Уч.-изд. л. 14,52. Тираж 15 000 экз. Заказ № 47. Цена 1 р. 10 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11
Тульская типография Государственного комитета СССР по печати, 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109

1 р. 10 к.

